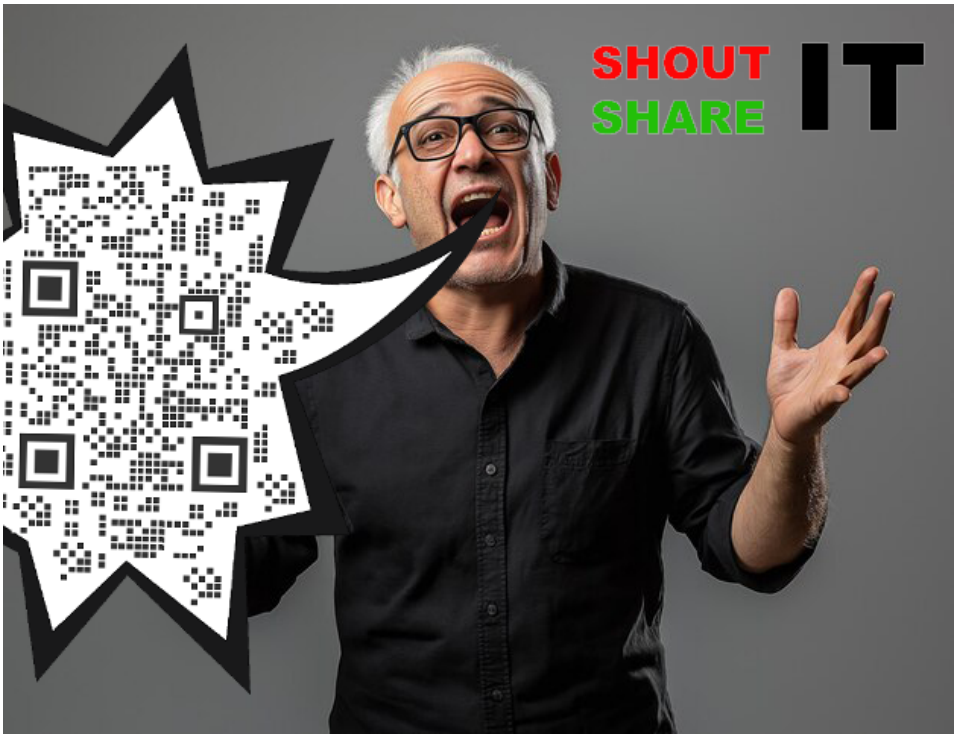
Эдуард МАЛОФЕЕВ

ФУТБОЛ!

Вправо, влево и в ворота!


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга знаменитого футбольного тренера Эдуарда Малофеева — исповедь блестящего футболиста, выдающегося наставника и необыкновенного человека, чья судьба неразрывно связана с одним из наиболее ярких периодов в жизни отечественного футбола.

-
- ТОГДА И СЕЙЧАС
- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7
- ГЛАВА 8
- ГЛАВА 9
- ГЛАВА 10
- ГЛАВА 11
- ГЛАВА 12
- ГЛАВА 13
- ГЛАВА 14
- ГЛАВА 15
- ВЕНОК ФУТБОЛЬНЫХ НЕСОНЕТОВ

ТОГДА И СЕЙЧАС

ФУТБОЛ! Пусть именно это слово с восклицательным знаком откроет книгу, которую, честно говоря, я хотел написать давно. А мешал этому именно восклицательный знак. Никак он не хотел появляться на странице после «футбола» — лезли на это место суровая точка или интригующее многоточие: И вот в душе моей появился и засиял этот знак восклицания, затмив своим светом игровые точки борьбы на футбольном поле и многоточия закулисных футбольных игр.

Итак — футбол! То есть футбол плюс любовь к нему. Вот о чем я хочу поговорить с вами. Просто о любви к футболу. Конечно, в этом разговоре я не смогу обойтись без воспоминаний. Футбольных и околофутбольных. Ведь футбол стал моей жизнью. Пусть эта фраза не будет воспринята вами как банальная. Хотя бы потому, что многие (сотни, тысячи?) из моих коллег могут искренне сказать то же самое.

Футбол и воспоминания… Здесь уже стоит поставить многоточие.

Если идти дорогой воспоминаний, то сразу же понимаешь, что и футбол и сама жизнь очень изменились за время моего пути. Изменились таким образом, что представить себе произошедшие перемены — в жизни и в футболе — прежде решились бы очень немногие. Но как бы ни менялась наша жизнь, как бы мы ни оценивали ее сегодняшний день, никто не станет отрицать, что в Жизни ничего не изменилось. По-прежнему, как и всегда, главными положительными критериями ее оценки остаются душевная доброта и щедрость. Так же верим мы в то, что по делам человеческим человеку и воздастся. По вере его человеку будет отмерено…

А футбол, он остался футболом. Это прыгуны стали прыгать выше и дальше, штангисты поднимать больше, бегуны бегать быстрее. А что изменилось в футболе?! Все те же «два — один», «один — ноль» и частенько «ноль — ноль». Только почему-то по-прежнему заполнены в мире стадионы, и по-прежнему в решающие часы все телевизоры работают на одном канале, а футбольные издания не залеживаются на прилавках.

Да, ушли в прошлое мячи со шнуровкой и нарисованные от руки цифры на табло стадионов. Команды летают на матчи своими самолетами, а электроника выдает на экраны компьютеров посекундное время владения мячом игроками прямо по ходу игры. Это знает каждый. Это — сейчас.

Я же вспоминаю, что тогда я стеснялся получать деньги за игру в футбол и стремился забежать в бухгалтерию, когда там никого, кроме меня, из футболистов не было. А сейчас никого не удивляет, что даже молодой футболист первым делом интересуется при переходе из команды в команду не тренерской концепцией игры, а финансовыми условиями в коллективе. Но, уносясь мыслями в тогда, я вспоминаю и другое. Перед поездкой сборной СССР в Мексику нас, футболистов, вызвали в ЦК КПСС и сказали примерно следующее: «Помогите наладить отношения с Мексикой нашим дипломатам!» А по завершении турне представители дипломатического корпуса похвалили нас не только за игру. «Без футбола на такой уровень отношений между нашими странами мы вышли бы лет через десять!» Вот что сказали они.

Потому что футбол значим! Потому что сейчас после победы сборной России над французами на «Стад де Франс» вдруг начинают говорить чуть ли не о выходе всей страны из экономического кризиса. И даже задаются вопросом, а не может ли стать футбол той «национальной идеей», которая поможет возродить Россию! А после ничейного поражения от Украины сразу же оставляют эту тему в покое.

Но уже тогда, в Мексике, я понял, что футбол не просто игра, а большое дело. И, как всякое подобное ему по размаху коллективное дело, создается и движется вперед отдельными личностями. С большой и, к сожалению, с маленькой буквы. Впрочем, как пишут в докладах, на этом подробнее я еще остановлюсь.

Пока же мне хочется привести первую в этой книге цитату.

«Ни один человек, хотя бы он и был назван великим льстецами от истории, преклоняющимися перед грохотом и блеском его карьеры, в действительности не заслуживает этого названия, если из обстоятельств людей, его окружающих, он стремился сделать лишь пьедестал для своей персоны… Первое обязательное условие каждого истинного великого дела состоит в том, чтобы оно имело

христианскую цель и созидалось бы на христианских принципах». Так говорил подвижник Василий Кинешемский. Его высказывание можно спроецировать на футбол, чтобы иметь отправную точку в нашем разговоре.

А еще скажу следующее. Не раз и не два мне приходилось слышать, что за глаза Малофеева называют «странным», «непонятным», «романтиком-идеалистом». Да, играя в футбол и работая тренером, я всегда хотел следовать христианским заповедям. Что ж делать, если мне не всегда и не во всем нравился тот мир и тот футбол, в который я пришел! Что тут странного? Стремясь поступать по-христиански, я был естественен. Для себя.

— По-христиански? — спросите вы. И продолжите: — А ты сам, что, безгрешен или нетщеславен?

— Да, — отвечу я вам и всем. — Да, Господи, конечно же грешен и тщеславен, увы.

Но я стремился не бояться стены, стоящей передо мной, старался не отступать, чтобы светлый мир мой не померк. Пусть этот мир победит! Не важно, что делают другие. Делай, как делаешь ты, говорил я себе; может быть, другие будут поступать так же.

И книга эта — не попытка заставить других делать как я. Это рассказ о том, что я делал. С любовью. Тогда и сейчас.

ГЛАВА 1
БИЛЕТ В БУДУЩЕЕ

Может быть, все началось с того, что я родился богатырем — пять килограммов сто граммов.

Во всяком случае, в детстве мне безусловно сопутствовала удача. Начиная с внутриутробного, так сказать, периода моей жизни. Родители зачали меня в Коломне, а появился я на свет в Красноярске, в эвакуации. Причем первый эшелон, с которым отец и мать должны были отправиться в Сибирь, разбомбила фашистская авиация. Когда мне было месяца два-три, мама с бабушкой решили покрестить ребенка. Все бы ничего, да священник оказался стареньким и малыша-крепыша, окуная в купель, в руках не удержал. Первое мое приключение батюшка прокомментировал так: «Ну этот в рубашке родился!» Так я, можно сказать, родился еще раз и при крещении получил имя Василий — Эдуарды в святцах не значатся.

Конечно, детские воспоминания у меня, родившегося в 1942 году, связаны уже с послевоенным временем. И было оно для меня коломенским, церковным, школьным, футбольным.

Жила наша семья возле того места, где Москва-река впадает в Оку. Дом стоял на берегу, а рядом был прекрасный луг, который, насколько я помню, так у людей и назывался — «луг», рядом с шестым домом (нашим!) неподалеку от Кремля. Останавливались на том лугу летом цыганские таборы. Мы, коломенские, играли вместе с кочевыми ребятишками, вечерами ходили слушать цыганские песни, сидели у костров. Теперь таких цыган, наверное, только в кино и встретишь…

Отец мой, Василий Михайлович, был слесарем высшего разряда и хорошим футболистом. Играл за сборную города. Его даже приглашали в знаменитый послевоенный ЦДКА. Но в то время люди крепкой рабочей закалки считали футбол делом несерьезным. Во всяком случае, то, что отец не променял рабочую специальность на место в профессиональной по нынешнем меркам команде, никого сильно не удивляло. Да, стадионы на матчах армейцев тогда были заполнены до отказа, но ведь и в Коломне на трибуне место найти оказывалось не просто. Хотя впоследствии отец вспоминал о своем отказе с сожалением. Вспоминал он и о том, как забил гол знаменитому вратарю Акимову, когда московский «Спартак» приезжал в Коломну. Пытаясь парировать сильнейший удар, голкипер тогда резко

потянул мышцы! Во всяком случае, я еще в детстве обратил внимание на то, что к отцу как к футболисту относятся с уважением.

Мама моя, Анна Яковлевна, шла работать, лишь когда семье становилось уж совсем тяжело. У нее забот и так хватало. Старшая дочка, я, потом еще младший брат родился. А семейный закон был такой — с детьми надо кому-то заниматься. Но и домом надо заниматься, и огородом. Мы ведь не сразу стали помощниками в домашних делах. Правда, помогала бабушка Прасковья Васильевна. Такая бабушка! Это ведь она привела меня к Богу. Влила, по мере своих сил, в меня смирение. Вообще, у нас в роду христианская вера сильной была. До четвертого класса я регулярно в церковь ходил, помогал священнику во время службы, знал все молитвы, пел в церковном хоре. До сих пор мне нравится таинственный запах ладана. И вот что интересно: сейчас я вспыльчив, хоть и незлопамятен. А в детстве — мама говорила — такой покладистый мальчик был.

Я был так воспитан, что понятие «украсть» стало для меня противоестественным. Хотя яблони соседские в детстве мы все-таки обрывали. Впрочем, я обычно в чужой сад не лазил — стоял «на атасе». Однажды, правда, сестра Ида именно меня за яблоками отправила. Сосед дядя Коля нас заметил, мы бросились бежать. Потом остановились, идем как ни в чем не бывало. Я — великий конспиратор! — майку снял и в трусы спрятал, чтоб не опознали. Вернулись мы домой, а отец, заметив наше странное состояние, стал рассказывать, что дядя Коля собирается милицию вызывать; дескать, какой-то мальчик в маечке у него яблоки воровал. Сижу я, трясусь. Отец подходит ко мне и за трусы — хвать! А там майка. «Вот, — говорит, — Эдик! Не обманывай никогда. На воре шапка горит. По тебе же видно все — что ты виноватым себя чувствуешь. Понял, как это плохо?» Вспоминаю об этом эпизоде и думаю: воспитание — вот каким оно должно быть! Не страх заставил отец меня испытать, а чувство раскаяния, покаяние в совершенном! Такими эпизодами судьба, наверное, меня от других бед сохранила. Ведь многие из моих сверстников того, послевоенного детства неверной дорожкой пошли, многие…

А бабушка и память у меня развила сильно. Часто ходили мы в лес, на луг. Там я читал бабуле выученные дома стихи. И сейчас, обращаясь к футболистам на разборе игр, я люблю порой перейти от прозы к рифме… Общефизическая подготовка у меня начиналась с ежедневного перетаскивания сорока ведер воды из колодца в огород. Непроизвольную силовую подготовку продолжила рыбалка. Ведь нас река подкармливала. Ловили рыбу бреднем — мама на берегу, отец раскидывает сеть, а я в лодке на

веслах. Вот так несколько раз с этим бредешком лодку проведешь — и мозоли на ладонях, а руки просто гудят от усталости. Отец же говорил, подбадривая: «Что, Эдька, кушать хочешь? Тогда помогай!» А если я неправильно лодку вел, так он на меня мог и сурово прикрикнуть. Когда же летом я гостил у родителей мамы в Городце — это километров двадцать от Коломны, — то утром выгонял корову, днем работал на огороде, а ночью случалось в ночное съездить, помочь взрослым ребятам пасти лошадей.

Такое вот послевоенное детство, знакомое людям теперь уже «старшего поколения» не понаслышке. И как же быть этому детству да без футбола!

Каждый год на «нашем» лугу размечали поле, ставили ворота. Луг этот был своеобразным клубом для местных жителей. На нем не только играли в футбол, волейбол, баскетбол. Рядом обычно располагались любители перекинуться в карты. Мама мне во все игры разрешала играть — кроме картежных, а меня к картежникам тянуло. Ведь порой игра шла на деньги, и какому пацану не хотелось свой рубль попробовать в два, а то и в три превратить. Однажды, застав за игрой на деньги, мама буквально погнала меня хворостиной домой. И уже дома объяснила: «Деньги надо получать, только заработав их честным трудом. Нельзя играть на деньги. Пусть ты выиграешь, но ведь кто-то другой проиграет!»

А папа приносил домой старенькие мячи. Может, я потому и был уже тогда футбольным заводилой, что имел такого «футбольного отца»? Потом у нас, ребят, стали организовываться «настоящие» команды. Тут уж я действительно следил за порядком. С помощью мамы и благословения отца. Мама и номера к маечкам ребятам пришивала, и латала нашу форму. Форму уличной команды, которая называлась «Смена». Называлась так, потому что мы ее сами так и назвали. В соперниках у нас были «Зенит», «Вымпел», «Авангард», «Ока» — тоже самосозданные и самоназванные. Помню, в один из сезонов мы даже третье место заняли в первенстве Коломны.

В отсутствии телевизора, кумирами у нас были местные футболисты. Такие как Геннадий Архипов, «Геныч», — вратарь местной взрослой «Оки». Детина — 195 сантиметров, 120 килограммов, — но прыгал изумительно! Казалось, что забить мяч в защищаемые им ворота вообще невозможно. Тогда я еще и не думал, что стану в старших классах школы «авангардистом», что меня возьмут во взрослую команду этого клуба. Еще одним кумиром моего детства и юности был Миша Мустыгин — это уже потом он стал моим партнером по нападению в минском «Динамо». Смотрел я, конечно, всегда и как отец играет.

Мы же, мальчишки, играли много. Не только улица на улицу. За мной стали — на лошадях — приезжать из соседних деревень: Подлипок, Черкизова, Пестрикова, Луховиц. Да, тех самых Луховиц, что ныне представлены в чемпионате России командой второго дивизиона! Регулярного деревенского футбольного первенства не существовало, но матчи у сельских жителей были принципиальными. Вот только не могу вспомнить, как и чем они со мной расплачивались. Наверное, подкармливали немного — картошка, зелень, яйца.

Что я хорошо помню, так это как мой одноклассник Валера Деев — его отец был военный летчик, и их семья жила получше нашей — расплачивался со мной хлебом. Я ему задачку решу, а он мне хлеба кусок. Я сам подобный обмен предлагал. Потом, когда Валерий стал морским офицером, капитаном второго ранга, подводником, выполнявшим боевую задачу во время Карибского кризиса, друг детства при встрече «раскололся» и объяснил: «Я ведь эти задачки мог решить. Просто хотел тебе помочь, подкормить»… С Валерой связана еще одна история. Когда мы ребятишками-младшеклассниками переходили вброд на один из островков Оки, Валера оступился и стал тонуть. Я машинально подал ему руку, вытащил на отмель. Сам я воды в детстве побаивался. После того, как мы с сестрой чуть не утонули во время весеннего половодья. Любили мы прыгать с льдины на льдину. Ида прыгнула, поскользнулась и с трудом зацепилась за край. Я руку ей протянул, а она меня за собой в воду потащила… На счастье, взрослые на берегу неподалеку оказались, вытащили нас. Пошли мы с сестренкой обсыхать к соседям — чтобы дома нас не наказали. Но маме кто-то сообщил о нашем приключении, и, опять благодаря хворостинке, я надолго усвоил правила безопасности во время ледохода…

Отец, хоть и не захотел стать профессиональным, в советском понимании такого определения, футболистом, относился к моему увлечению положительно. Но всегда говорил: «Для себя это, Эдька, прекрасно. Будешь хорошо играть, футбол поможет тебе на отличное место устроиться. Но профессию иметь надо обязательно!» Он всегда хотел меня видеть слесарем-лекальщиком. Уже став начальником смены, а потом и цеха, руководящим работником, объяснял: «Эдик, ты же будешь в белом халате на работе ходить, надфилечки в кармане…»

Слесарь-лекальщик — это рабочая аристократия. А футбол, по его мнению, должен был помочь мне в трудоустройстве.

Футбол… У нас в Коломне три хороших взрослых команды было. Играли они на первенство Московской области, несколько раз чемпионами становились. А областной футбол тогда

находился на приличном уровне. И футболистов много способных было. А раз они имелись в Коломне, то и в других подмосковных городах. В футбол играли и заводские команды, футболистов на заводах уважали и почитали. Уважение людей к этому виду спорта было таким, что вызывало во мне желание тренироваться до седьмого пота. И вообще, всю свою жизнь я считал настоящими героями только тех, кто любит и умеет трудиться.

Отец давал мне уроки не только житейские, но и футбольные. Финты показывал, отрабатывал их со мной. Когда стал внимательней следить за моими действиями на поле — а у меня, естественно, не все получалось, — разборы матчей зачастую заканчивал словами: «У, простофиля! Не надо стоять на месте! Ты что, не можешь — вправо, влево и в ворота! В ворота бить надо!»

Возможно, отец не был психологом в современном понимании этой непонятной профессии. Но он много дал мне в плане духовной уверенности, влил в меня много сил. Даже приезжая домой уже будучи игроком сборной, заслуженным мастером спорта, я получал от общения с ним удивительный эмоциональный заряд. А он объяснял это так: «Хорошо, что тебе довелось в деревянном доме после каменного пожить. В каменном — не надышишься. Здесь воздух здоровый — в сосновом доме».

Заслуженный мастер спорта… Дорога к этому званию началась с того, что меня не захотели брать в команду. Не захотел брать вратарь «Авангарда» Виктор Острейко, который по совместительству занимался с ребятами, он сказал: «Ты маленький какой-то, не подойдешь…» На счастье тут оказался другой футболист — Виктор Капитонов. Он-то и порекомендовал меня, зная, очевидно, о моих дворово-уличных успехах: «Ты что парня в команду не берешь?! Это же будущая звезда! Бери обязательно!»

В первой же игре на первенство не то города, не то района я забил три мяча. Так и пошло — стал забивать, забивать, забивать…

Через год после моего прихода «Авангард» получил право играть в классе «Б» чемпионата СССР. К тому времени я уже в полной мере понял, что такое чувство гордости за свою команду, огорчение не только от своей, но и общей неудачи. Эта сопричастность, общему делу вызывала у меня все больший интерес к футболу.

А тренера Владимира Фетисова на капитанском мостике сменил Виктор Иванович Жарков. Я же стал игроком команды мастеров, распростившись с кличкой «Гусак» из футбола дворового. Закончил школу, пошел на завод слесарем — слесарь

второго разряда форсуночного стенда экспериментального цеха машиностроительного завода Эдуард Малофеев — и поступил в машиностроительный техникум на вечернее отделение. О футболе как о главном в своей жизни я тогда еще не думал и четко следовал наставлениям отца — необходимо получить профессиональное образование.

Еще отец говорил: «Не подумай, что собираюсь что-то диктовать тебе по праву главы семьи. Я хочу дать совет, как дал бы его тебе старший товарищ, притом товарищ доброжелательный». И добавлял, что ему хочется, чтобы его жизненный опыт восполнил мои недостатки, очистил дорогу моей юности от тех шипов и терний, которые ранили и уродовали его в молодые годы.

А спорт… Бывает так, что у мальчишки в спорте многое получается, есть хорошая перспектива, а он оказывается неустойчивым. Переходный возраст! Я, к счастью, оказался очень устойчивым. Даже на танцы не ходил. Подзадержал меня футбол в этом отношении, подзадержал, как сейчас говорят, а раньше и слова такого не знали, в сексуальном развитии. Той среды — что на танцы да погулять — я сторонился и стеснялся. Шуток в мой адрес от взрослых в команде по этому поводу было отпущено предостаточно. Едем, например, на игру, а ребята говорят:

— Вот сейчас, Эдик, мы такую девчонку на тебя натравим! Она с тобой заговорит, познакомитесь… То да се!

Хотя какие ребята? Мужики! Я же сижу, семнадцатилетний и весь красный, и только одно отвечаю:

— Да идите вы на фиг!

Больше ничего.

Ездили «авангардовцы» на игры автобусом ЗИЛ, чем-то напоминающим «Фердинанда» из фильма «Место встречи изменить нельзя». А мы называли его «молоточек». Всю Московскую область изъездили.

Люди в команде подобрались в основном взрослые, многие воевали. Это были люди большой ответственности. Интересы, конечно, у всех были свои. Могли после игры, как говорится, и расслабиться. Но никогда не позволяли этого молодежи, с этим было строго. А уж об неуважении к старшим в команде и речи быть не могло.

Это были люди, безусловно, преданные футболу, но «от станка». Кроме нескольких игроков, приглашенных откуда-то Жарковым. И к тренировкам они относились как к работе на заводе. В хорошем смысле. Они приходили на тренировку, как на смену, и трудились с полной отдачей сил. Но футбольными профессионалами по духу не стали. А может, не смогли

адаптироваться к совершенно иному ритму жизни. Ведь график работы на заводе ритмичен и даже монотонен. Футбол же предполагает разъезды, игры, тренировки — скользящий график. В общем, сезон «Авангард» завершил, уступив в переходной игре команде из Подлипок и потеряв право выступать в классе «Б». Причем он занял не последнее место в зоне, а последнее лишь среди команд Московской области.

За год, проведенный в команде мастеров, я получил первые серьезные футбольные уроки. И уроки по теме «футбол и жизнь».

Пришел в команду молодой парнишка, способный, забивной, «фартовый». Игрок команды мастеров — по тем временам да еще в провинции — это место далеко не на нижней ступеньке социальной лестнице. А команда получает в итоге «поражение в правах». Переживал ли я неудачи? Переживал. Но по молодости лет думал: «У меня все еще впереди, главные матчи не сыграны, голы — не забиты». Теперь я точно знаю, что от поражений эмоционально больше всех тренеру достается. Он ведь — тренер — вбирает в себя переживания всех футболистов. Однако я понял, что такое команда. Команда разных по характеру, возрасту, жизненным устоям людей. С возможностью брать с них пример не только в хорошем, но и с уверенностью, что от старших можно услышать твердое: «Молодой, тебе этого ни в коей мере делать нельзя!» Причем услышать — при огромном уважении к старшим. Вот, кстати, считается, что подобное уважение присуще прежде всего японцам. Говорю вполне серьезно — это было свойственно советскому послевоенному обществу.

Естественно, в окружении старших я слегка комплексовал. Правда, что касается самого футбола, тут надо мной никто не подсмеивался — игра пошла. А в быту я был парень покладистый и даже услужливый. Причем искренне услужливый. Вплоть до в магазин сходить, чемодан поднести. Наверное, эту искренность чувствовали другие. И понимали ее правильно.

Еще о «том» обществе. Может, кому-то мои слова покажутся исторической крамолой. О всяческих притеснениях и угнетениях того времени я узнал из нынешних газет. Отец, а семья, как я говорил, была достаточно религиозная, называл себя «сочувствующим коммунистам» и «беспартийным большевиком». Были, правда, какие-то неприятности после убийства Кирова — что-то отец во время «рабочего застолья» не то сказал. Но все обошлось. Я же одновременно ходил в нормальную советскую школу (естественно, был пионером) и в церковь. В церковь я всегда ходил и потом, уже став известным в стране игроком. Вопрос о таком поведении «футболиста Малофеева» ни на каких собраниях не поднимался. Может, к этому относились как к

причуде. Главное, что ты голы забиваешь, команда побеждает, а в остальном — пусть! А может, известному человеку, на которого, как говорится, ходили зрители, не каждый решился бы замечание сделать?..

Тогда же, в конце неудачного для «Авангарда» сезона, Виктор Иванович Жарков рекомендовал меня в московский «Спартак». Но после того, как я рассказал об этом предложении отцу, вынужден был ответить тренеру, что согласиться не могу — в семье не было денег на мои ежедневные поездки за 117 километров в Москву на электричке. Жарков предложил мне пользоваться его проездным билетом. И получилось, что этот проездной билет стал моим пропуском в большой футбол. Эх, знал бы — сохранил бы его обязательно! Ведь это память о тренере, разглядевшем в молоденьком пареньке задатки неординарного футболиста. В дальнейшем, когда Жарков стал одним из лучших арбитров в судейском корпусе СССР, получил международную категорию, мы при встречах могли ночь напролет говорить о жизненных принципах, делах семейных и, конечно, о футболе. И сегодня я вспоминаю Виктора Ивановича с большой теплотой.

А когда срок действия билета закончился, я стал профессиональным железнодорожным безбилетником. Ведь это только потом мне в «Спартаке» по 50 рублей в месяц приплачивать стали. Перед контролерами в электричке я никогда не тушевался. Когда они появлялись в вагоне, я спокойно и уверенно шел к выходу последним и затаивался в междувагонном переходе. Потом возвращался и садился на одно из «проверенных» мест. Полгода так путешествовал. Но в разряд «зайцев» ни разу не попал!

Пришел я в «Спартак», сохранив, между прочим, при этом верность красно-белым цветам коломенского «Авангарда». Первым моим матчем стала игра в зимний футбол — основной состав на дублирующий. В зимнем футболе я чувствовал себя как рыба в воде, мы ведь зимой тогда тоже много играли. «Спартаковскому» же дублю в те времена никак не удавалось основу в контрольных матчах обыграть. Итак, пришел я и три гола основе забил, а дубль выиграл со счетом 3:2. Еще один дебютный «хэт-трик»! А Николай Петрович Старостин, он тогда был начальником команды, сказал: «А вы искали форварда. Вот же он!»

ГЛАВА 2
УРОКИ ИСКРЕННЕГО ФУТБОЛА

Итак, я вскочил на подножку последнего вагона электрички, чтобы попробовать свои силы в московском «Спартаке». Сначала эта электричка казалась мне мчащимся вперед скорым поездом, потом я подумал: «А может, это был всего лишь грохочущий на стыках товарняк?»

Большие сомнения одолевали меня, но родители, коломенские друзья и особенно тренер Виктор Иванович Жарков с твердой убежденностью говорили: «У тебя получится! Сюда в Коломну ты всегда успеешь вернуться». Позднее я понял, что ничто не роняет человека так низко, как робость и неверие в собственные силы.

Поэтому я всегда буду благодарен тем, кто укреплял мою веру в себя.

Виктор Иванович говорил: «Не считай себя в «Спартаке» незваным гостем, займись там серьезной работой. Тренируйся из последних сил, и тогда ты уготовишь себе место в команде. А когда ты столкнешься с глазу на глаз с лучшими представителями большого футбола, ты правильно оценишь свои способности и тебе откроются новые футбольные горизонты».

Вот с такими напутствиями я приехал на первую свою «спартаковскую» тренировку. Клуб мне выбрала судьба. Не было у меня возможности выбирать: в «Спартак» мне идти, или в «Динамо», или в «Локомотив». Меня рекомендовали в «Спартак» — я и пошел. Потому что очень хотел играть в футбол. Как «очень»? А вот так. Когда в Коломне преподаватель физкультуры спросил меня: «Ты что, Эдик, думаешь стать, как Мустыгин?!» А Миша уже за ЦСКА выступал! Я ответил, со всей юношеской непосредственностью: «Почему бы и нет?!»

Начались ежедневные поездки в Москву на тренировки, из которых я ни одной не пропустил, хотя продолжал учебу в коломенском вечернем техникуме. Спасибо отцу, воспитавшему во мне пунктуальность, ответственность за любое дело, которым я в своей жизни занимался. Вставал в пять утра, в шесть отправлялся в Москву. Три часа в пути — электрички тогда ходили медленнее. Тренировка начиналась в десять-одиннадцать утра. Легкий «боксерский» завтрак, на обед сарделька с куском хлеба. От души и от пуза наворачивал уже дома вечером, после

занятий в техникуме. Все — спать! Естественно, что в это время — после футбола, конечно — я больше всего любил воскресенья. Отдохнешь-отоспишься и снова окунаешься в «недельный цикл».

Тренировался «Спартак» в маленьких залах в Лужниках. Настоящего футбольного умения, не то что мастерства, мне тогда не хватало. Но желание играть, как я уже сказал, было неуемным, и в отсутствии старания меня никто не мог бы упрекнуть. Прокомментировать мое отношение к тренировкам в своеобразной форме решил Игорь Нетто. Играем мы двусторонку в зале, вдруг Игорь кричит: «Никита! — А главным тренером «Спартака» был Никита Павлович Симонян. — Уберите этого барана! Он все ноги нам отдавил!» А второй тренер, Николай Тимофеевич Дементьев, ему отвечает: «Игорь Александрович, нельзя же так! Парень молодой, старательный! Вы уж ему сами объясните, чего не надо делать, где быть повнимательнее».

То есть я был неуступчивым во всех единоборствах, а более опытные футболисты, игроки основы, конечно же, в тренировочных играх щадили себя. Боялись нанести травму, повреждение и делали упор на технику обращения с мячом. Я же, как умел, так и шел по жизни, по футболу. Кстати, Игорь Нетто всегда отличался непосредственностью в высказываниях, и слово «баран» в его устах — уверен — было совсем не обидным.

Потом начались двусторонние игры. Тогда, после моего удачного дебюта за дублирующий состав, Николай Петрович Старостин и сказал пророческие слова: «Вот же форвард, которого вы искали!»

Вообще, к таким играм он относился всегда серьезно. Объяснял, что футболисты и тут должны настраиваться на борьбу — так же как в играх чемпионата. Матч основы с дублем не был для него второстепенным дополнением к тренировкам. Это была игра, в которой каждый должен был полностью проявить свое мастерство.

Перед первой поездкой на южные сборы мне положили стипендию — 55 (пятьдесят пять) рублей! Я совершенно не ожидал, что молодому футболисту, только-только проходящему проверку на прочность в столичной команде, будут платить деньги. Естественно, был этому очень рад, приехал домой и обрадовал родителей. Платили мне и во время выступлений за команду Коломны, но ведь то была команда второй лиги. А эти 55 рублей стали для меня признанием того, что в футболе я кое-что уже умею делать по-настоящему.

«Спартак» отправился на сборы в Кисловодск. И я, надо же такому случиться, получил травму на одной из первых тренировок. Травму руки. Совершенно немыслимую для

сегодняшнего уровня работы в клубах высшей лиги. Тренировались мы на небольших и не очень-то ухоженных полях — все в таких условиях тренировались: «Спартак», «Динамо», «Локомотив». И вот я упал на спокойно расположившуюся рядом с бровкой мусорную кучу, пропоров запястье. До сих пор шрам, кстати, остался. Все испугались, что сухожилие задето, но ничего, обошлось. Не тренировался я недели две после такого боевого крещения. А едва приступив к занятиям, оказался на операционном столе с приступом аппендицита.

Вот тут-то я и подумал: «Не судьба мне в большом футболе играть». Но через несколько дней ко мне в больницу пришел Николай Тимофеевич Дементьев с ребятами. Они меня ободрили, и я буквально расправил крылья. Оказывается, пока я с горечью раздумывал о своей несостоявшейся карьере, команда верила в меня, верила настолько, что в свои силы вновь поверил я сам. Перед отъездом «Спартака» домой в больницу зашел и Николай Петрович Старостин, долго со мной разговаривал, советовал не отчаиваться, быть оптимистом. Команда уехала, а я на восстановительный послеоперационный период отправился домой, где и нашла меня приятнейшая «спартаковская весть» — мой оклад увеличили до 110 рублей. Это известие очень обрадовало моих родителей, они стали усердно кормить меня домашними витаминами: протертой черной смородиной, морсы всякие варить — чтобы быстрее восстановить мои силы, подготовить к дальнейшим тренировкам. Мне ведь так и сказали: «Будешь готов, приезжай». Через месяц, уже в нормальной форме, засобирался я в «Спартак». Напоследок, перед «дальней дорогой», пошли мы с отцом в баню. Вдруг гляжу — шов от операции какой-то пленкой покрыт. Я в панику — не срослось, все пропало! Бегом к врачу. А доктор говорит: «Так это же здорово, это как раз показывает, что операция прошла удачно, швы срослись. Все в порядке, все прекрасно!»

Вошел в свой первый «спартаковский» сезон я удачно, сыграл несколько матчей за дубль. А там тогда приличная команда подобралась, и отношение к дублирующим составам в ту пору было другое. На матчах в Тарасовке всегда собирались почти полные трибуны зрителей, хотя этому, наверное, способствовало и то, что вход на стадион был свободный. В общем, проявив себя в дубле, я сразу же стал достаточно известным игроком, как говорится, в масштабе страны. Газеты писали о «феерическом взлете молодого футболиста». Где-то после десяти туров я впервые вышел играть за «Спартак» в матче высшей лиги. Отыграл все девяносто минут. А к концу сезона наколотил за дублирующий состав больше двадцати мячей, мы стали

чемпионами среди дублей, причем с приличным отрывом от второго места. Да еще и за основу поиграть пришлось. В итоге мне было присвоено звание «Мастер спорта СССР»!

В этом же году меня включили в состав молодежной сборной страны, которую тогда тренировал Алексей Александрович Парамонов. Вместе со мной в команде играли Соснихин, Логофет, Сичинава, Полукаров, Маркаров, Абдураимов, Хурцилава. Практически все стали затем настоящими звездами советского футбола, не раз защищали спортивную честь страны в составе сборной СССР. Для меня же включение в сборную и присвоение мастерского звания запомнилось на всю жизнь. Кстати, знак «Мастер спорта» так и остался единственным знаком спортивного отличия, который я с гордостью носил на груди. Все последующие регалии — заслуженного мастера спорта, заслуженного тренера страны — я вынужденно надевал только в момент вручения. А вот напомнить о том, что я мастер спорта, в те годы случая не упускал. Наверное, это звание помогло мне преодолеть комплекс собственной неполноценности, раскрепоститься в спорте и в жизни. Я стал более общительным, увидев, что зеленый виноград, на который с вожделением смотрела Лиса в басне Крылова, стал созревать.

Сборная, дубль «Спартака», основной состав — все в один сезон. А жил я тогда на базе в Тарасовке, которая, по сути, стала моим вторым домом. На сборах там же расквартировывался и основной состав. Дружная атмосфера царила в Тарасовке! Мастера внимательно относились к выступлениям дублеров, хотя неподражаемый Игорь Нетто говорил об этом по телефону своей жене так: «Обязательно приходи, сегодня наши бараны играют!» Я слышал разговор, потому что моя комната находилась рядом с телефоном в коридоре. А «бараном» в шутку он, похоже, готов был назвать и себя, случись ему играть не за основу. Он ведь во всех своих жизненных проявлениях был человеком добрейшим.

В «Спартаке» неукоснительно соблюдалось правило уважения к старшим, оно было неотъемлемой частью «спартаковской атмосферы». Здесь моим «родителем» стал Николай Петрович Старостин. Вообще мои сегодняшние воспоминания об этой московской команде связаны не столько с постановкой игры, тренерскими новациями, сколько с той работой в клубе, которую проводил Николай Петрович. Создать команду, способную вырвать победу в одном сезоне, может, наверное, любой достаточно квалифицированный тренер, работающий в финансово-благополучном клубе. Создать клуб, где на протяжении нескольких поколений будет существовать такие понятия, как святыни, традиции, дано единицам. Такой единицей

с большой буквы и был Николай Старостин. Человек, которого сложнейшая личная судьба не озлобила, а наоборот, заставила быть предельно внимательным к людям. Человек, понимающий, что надо не карать за проступки или вести «профилактическую работу с нарушителями режима», а воспитывать весь клуб, игроков, тренеров и людей других специальностей, обеспечивающих его работу. В подобном деле мелочей не бывает. Он это знал, я это понял потом. Отцом он мне стал — Николай Петрович. Вторым, футбольным отцом. А «Спартак»… То, что сегодня он во многом выгодно отличается от других российских клубов; то, что внутри коллектив «Спартака» не такой, как все, — это тоже заслуга Николая Старостина, его наследие. Лично мне он дал возможность понять, что спрашивать много с людей, работающих рядом с тобой, можно лишь тогда, когда сам отдаешься работе полностью. Да и само зрелище жизни великого человека, как говорил Белинский, есть всегда прекрасное зрелище; оно возвышает душу, возбуждает деятельность.

С молодежной сборной я побывал на матче в Польше, на турнире в Италии. На Апеннинах, в Сан-Ремо, мы, правда, выступили неудачно. Именно — неудачно, команда-то, которую собрал Алексей Парамонов, была хорошая, и я ему благодарен за включение в ее состав, за свои первые уроки игры в международных матчах, когда я представлял не отдельный клуб, а великую страну. В Италии мы заняли третье место и нагоняя по возвращению, к удивлению, не получили.

Но первый раз за границу я съездил с ярославским «Шинником». Затем поездка в Бирму, Индонезию и Камбоджу с московским «Торпедо» свела меня с замечательным тренером того времени Виктором Александровичем Масловым. Он был удивительно чуток в работе с футболистами, внимательно прислушивался к своему внутреннему голосу, который его обычно не подводил. Правда, во время самой первой нашей встречи интуиция Виктора Александровича чуть-чуть не сработала.

Тренер «Торпедо» попросил перед азиатским турне у «Спартака» оказать ему помощь игроками. Этой помощью стали мы: защитник Игорь Рёмин, полузащитник Саша Григорьев и я. Догнали мы уже отправившихся в путь «торпедовцев» в Рангуне.

Увидев нас, Виктор Александрович сказал: «Ну такую помощь я и в своем бы дубле нашел!» Но мы быстро доказали, что выбор руководства «Спартака» не был случайным, и Маслов — в ходе поездки и по ее окончании — искренне благодарил нас за игру, говорил: «Из вас, ребята, должны получиться очень хорошие футболисты!» Потом, в Москве, Виктор Александрович дал о нас

самые положительные характеристики «спартаковским» тренерам.

Тогда поездки за рубеж на предсезонные игры были для наших ведущих команд коммерческими. Брали, естественно, только лучших. Пока «Спартак», в разряд лучших игроков которого я не входил, ездил за границу, мне пришлось потренироваться и в Краснодаре, и в Ярославле. Приглашали меня в эти команды. Приглашали, а не переманивали квартирой или деньгами, как это сделали бы сейчас, но «Спартак», как я говорил, был не просто командой, а — клубом…

Вот — «тогда», «сейчас»… Что ж, если о «тогда», то не существовало в шестидесятые годы такого понятия, как «негативные явления советского футбола». Во всяком случае, ни об одном футболисте не было написано: «он сыграл матч вполсилы» или «похоже, что в сборной он берег себя для выступлений за клуб». Тогда вообще футбольные обозреватели писали по-другому: не хвалили без удержу, как сейчас, но и не «хоронили», если что случалось, — футболист от ошибок не застрахован. Отчеты тех времен об играх были другими: не поминутными иллюстрациями происходившего на поле, а серьезными аналитическими разборами матчей, почти научными. Искусством этим отличались материалы Мартына Мержанова, Льва Филатова. И в ходе интервью меня спрашивали не о зарплате и условиях личной жизни, а провоцировали, в хорошем смысле этого слова, на самостоятельный разбор своей игры. Корреспонденты лезли футболистам в душу, но «с точки зрения духовности». Учтем, конечно, что хоть футболисты жили и в те времена неплохо, столь резкого социального расслоения в обществе не было. Но главное, учтем, что «неполную отдачу сил в игре» представить в стране, которая только что выиграла Олимпийские игры и Кубок Европы, было нельзя. Честно скажу, что я даже не предполагал, что подобное возможно в принципе.

Но казусы в игре, естественно, случались — куда ж без них?!

Однажды я превзошел все нынешние рекорды Петросяна и Хазанова, рассмешив в одно мгновение сто тысяч человек, заполнивших арену «Лужников» на матче «Спартак» — «Локомотив». Игра началась неплохо для нас, мы забили гол. Но в одном из единоборств защитник железнодорожников шипами бутсы пропорол мне сбоку и футболку и трусы. Я замешкался — трусы-то падают. Нет чтобы попросить вторые трусы и сверху надеть — стал футболку вниз тянуть, эдак стыдливо прикрыться ею захотел. Трибуны от хохота вздрогнули. А я так растерялся, что и свою игру в тот день потерял, и товарищей подвел — матч мы со счетом 1:3 проиграли.

Другой курьезный случай связан с событием вне футбольного

поля. Сложилась у нас в команде картежная компания: я, вратарь Алабужев, Гена Логофет, Саша Григорьев. Тренировки-то были хоть и с большими нагрузками, но одноразовые. И вот наша четверка, увлекшись игрой в преферанс, стала оставаться на базе в Тарасовке. Договаривались так: «Играем до пятичасовой электрички на Москву».

Куда там! Сколько раз ребята еле-еле успевали последней электричкой уехать. Я же оставался как минимум во временном выигрыше, так как жил в Тарасовке. Что касается денежных проигрышей, они у всех были незначительные — играли мы «по-маленькой». Ребята покуривали. В запале игры однажды стали бросать окурки в окно. Потом оказалось, что как раз под ним стояла машина кого-то из руководства «Спартака» — то ли волейболиста, то ли легкоатлета… В общем, хозяин утром пожаловался Старостину. После разговора с ним карточные баталии надолго прекратились.

Остались в прошлом коломенские переезды на стареньком автобусе — в «Спартаке» пришлось привыкать к дальним перелетам между матчами. Не любил я самолеты и до сих пор не люблю. Особенно после того, как во время рейса Баку—Москва на промежуточной посадке в Астрахани у нас не выпустилось шасси. Долго кружили над аэропортом, сжигали горючее :— потом летчикам все-таки удалось «вырастить» у самолета колеса… С тех пор я в самолетах отдыхать не мог. Но не мог я и показать свое состояние старшим товарищам, опытным игрокам. Летал и маялся.

А в Баку произошла с нами история ресторанная. Иногда футболистов кормили не «централизованно», а выдавали им суточные на питание. Мы — Валера Рейнгольд, Логофет, Григорьев и я — пошли как-то в один из ресторанов столицы солнечного и гостеприимного Азербайджана. Хорошо покушали. Да… А когда пришла пора расплачиваться, Рейнгольд обнаружил, что пиджак, который он повесил на спинку стула, украли у него, он с этого стула и не вставал. Ни он кражи не заметил, ни мы! Вот так и проели мы Валерин пиджак да еще вместе с деньгами.

Если вспомнить первые зарубежные поездки, то к возможному неудовольствию читателей сообщу, что суровые наставления в партийных органах перед отъездами я не запомнил. Скорее всего, потому, что не мог себе представить, как можно плохо, непорядочно, не по-советски вести себя в другом государстве. Более того. Был случай, когда один мой товарищ по молодежной сборной захотел в иностранном магазине, как это говорится, «притырить» носочки. Я ему решительно сказал:

— Не смей!

Он даже возмутился:

— Да чего ты!? Тебе какое дело!?

А я сурово продолжил:

— Смотри у меня! Прямо здесь сейчас с тобой «воспитательную работу» проведу!

Потому что с детства знал, если позволить человеку хоть раз безнаказанно украсть малость, его потом и в больших кражах ничем не остановишь. Отношения, кстати, потом у меня с этим человеком были нормальные. Правда, в той поездке я предпочел больше не заходить вместе с ним в магазин.

К середине сезона 1962 года многие «спартаковцы-дублеры» перешли в минское «Динамо». А у меня игра в основном составе после того, смешного для ста тысяч человек случая, совершенно разладилась. Но приглашения были: в ЦСКА звал Константин Иванович Бесков, звали и в «Локомотив», и в «Молдову», но я откликнулся на зов Игоря Рёмина: мало того что не попадал регулярно в основной состав «Спартака», так еще за основу ни одного мяча забить и не смог. Не хватало мне еще мастерства, нахрапистости. Приглашение Рёмина подтвердил главный тренер «Динамо» Александр Александрович Севидов — спасибо ему огромное! — и я выбрал коллектив, где уже играли многие мои друзья. Потом я слышал разные версии по поводу того, почему Севидов взял меня в «Динамо». Что ж, сделаем вывод: «Далеко не всегда знают и понимают футболисты, что стоит за их переходами из клуба в клуб!»

На заседании Спортивно-технического комитета, где обсуждался мой переход, Николай Петрович Старостин вдруг сказал: «Ты что же, Эдуард! Мы ведь тебя знали как парня скромного, а ты за длинным рублем погнался». Не гнался я за рублем, я в футбол играть хотел! И потом, более чем вероятно, что великий педагог Старостин такой фразой лишь подзадорить меня старался, предостеречь от подобной «погони» в дальнейшем, настроить на победный путь, предупредив заранее о пораженческом.

Николай Петрович вообще умел превращать поражения в победы, считал, что коллектив не разбит, пока сам не свыкся с мыслью о поражении, ибо поражение — это всего лишь заключение ума, а не физическое состояние.

Например, во время установки на игру, когда Старостин сообщал: «Посмотрел я тренировку соперника. Три момента хороших отметил. Отличные моменты были! И во всех трех был занят один игрок. Прекрасный игрок… Вот кого в матче надо будет опасаться, вот кого надо будет держать! Крепко держать!» И мы держали.

А разве забудешь, что в официальных футбольных матчах я играл за «Спартак» вместе с великими хоккеистами Старшиновым, братьями Майоровыми. Они ведь тогда летом на футбол переключались. С Борисом Майоровым я даже в основном составе «Спартака» один матч сыграл!

И навсегда останется в памяти отеческое отношение ко мне Николая Тимофеевича Дементьева. Гонял он нас, правда, на тренировках до двадцать седьмого пота. Сейчас о таких нагрузках в разгар сезона и думать-то страшно. Но и сам выкладывался на этих занятиях полностью. У него я не раз ночевал перед поездками за границу с молодежной сборной — из Тарасовки добираться далеко, а выезды-вылеты были ранними. Долго, порой заполночь, беседовал он со мной о футболе. Не только о технике и тактике, но и о нравственных принципах игры. А утром его жена относившаяся к футболу как к главному делу своей жизни, потому что футболом занимался ее муж, — кормила нас завтраком и отправляла в путь…

В конце 1962 года я отправился по своему футбольному пути в минское «Динамо». А в Минске понял, что попал в одну из лучших республик страны.

ГЛАВА 3
КАК Я СТАЛ «МЕДВЕЖОНКОМ»

Итак, я оказался в столице одной из лучших республик Советского Союза, но понял это чуть позже. Из «Спартака» же уходить мне было грустновато. Ведь в нем я играл на футбольном поле и общался за его пределами с большими футболистами. Вратарь Валентин Ивакин, Игорь Нетто, Анатолий Масленкин, Анатолий Ильин, Анатолий Исаев, Галимзян Хусаинов и другие составляли плеяду прекрасных игроков. И мне в эту плеяду удалось как-то втиснуться на целых два года. Но, видимо, судьба решила, что дальнейшую футбольную карьеру я должен продолжить именно в минском «Динамо». Хотя меня не только приглашали в другие команды, но и «Спартак» готов был оставить у себя. Честно говоря, я долго не мог принять окончательное решение. Не потому, что выбирал лучшие условия или набивал себе цену. Просто получалось так, что, дав согласие на переход Александру Александровичу Севидову, после разговора по душам с Николаем Петровичем Старостиным я снова решал: «Остаюсь в «Спартаке»!»

Раза три решение менял. В конце концов определиться мне помогли родители, сказав, что данные обещания надо выполнять, тем более что я давал их не только тренеру, но и моим друзьям-футболистам.

После этого мной и было написано официальное заявление, которое рассматривалось на заседании СТК. И снова я испытывал чувство неловкости: представители обеих команд, все руководство советского футбола, а обсуждается, по сути, вопрос перехода очень молодого игрока из одного клуба в другой.

Тут, правда, надо рассказать о турнирной ситуации. Дело в том, что по итогам чемпионата 1962 года минчане заняли 20-е место и по регламенту должны были покинуть высшую лигу. Но Севидов, ссылаясь на слова руководителей республики, заверил: «Команда останется в классе сильнейших». Приняли тогда какое-то партийно-правительственное постановление о необходимости участия республиканских команд в чемпионате обязательно по высшей лиге. Честно скажу, если бы не это, пусть и не совсем спортивное решение, в Минск я бы не поехал.

В «Динамо» я встретил давних знакомых и кумира своего детства Мишу Мустыгина. Его, кстати, тоже в свое время подключили к уговорам по моему переходу. Ну что ж, я не был

уже парнем из деревенской команды — поиграл в молодежной сборной страны, имел золотую медаль чемпионата дублирующих составов… Обстановка, микроклимат в «динамовском» коллективе оказались для меня благодатными. Я ведь завершал учебу в коломенском машиностроительном техникуме, в марте 1963-го должен был защищать диплом. При переходе я оговорил, что мне дадут спокойно защититься, и руководство «Динамо» пошло мне навстречу.

Примерно с месяц я тренировался дома, как теперь принято говорить, «по индивидуальной программе»: бегал кроссы, играл в футбол с местными ребятами, выполнял различные силовые упражнения. Естественно, что на первый южный сбор «Динамо» я не поехал — попал лишь на второй, уже после успешной защиты диплома. Вот тут-то и оказалось, что мне самому моя же игра перестала нравиться. С «физикой» все было в порядке, но упустив время для налаживания игровых связей, я не сразу смог наладить командные взаимодействия с партнерами, стал нервничать. Спасибо тренерам: видя мое усердие, они продолжали ставить меня в состав на контрольные матчи, отнеслись к моим первым неудачам с пониманием. Да и товарищи по команде дали мне возможность спокойно «притереться» к их стилю игры. Потом, став тренером, я понял всю важность такого отношения к новичкам в команде. Скорее всего, Сан Саныч Севидов сказал футболистам примерно следующее: «Мужики, вы молодого не обижайте. Я вижу, что он старается, чувствую, что заиграет. Не укоряйте его сильно за неудачи сегодняшнего дня. Завтра, вот буквально завтра, верю — у него все получится».

В общем, отношение ко мне было самым доброжелательным, и это меня успокоило. К концу сбора я вновь обрел бомбардирские качества, стал регулярно забивать и к началу чемпионата мог играть в основном составе.

Как раз в этот момент получил травму Миша Мустыгин, так что стартовало «Динамо» в чемпионате 1963 года с атакующим дуэтом Эдуард Малофеев — Владимир Шиманович. Минчане прочно расположились в верхней части турнирной таблицы, а я продолжал забивать почти в каждой игре. Примерно в середине сезона на меня обратили внимание тренеры сборной СССР. И не просто обратили. Константин Иванович Бесков направил в «Динамо» вызов: меня приглашали в главную команду страны. Впрочем, о сборной чуть позже.

Если говорить о жизни, точнее, о том, что называется «бытовыми условиями», то все было отлично — мне дали однокомнатную квартиру. Но так как я жил в Минске без семьи, без родителей, то с ребятами в общежитии мне, конечно, было

веселее. Вот бывший московский спартаковец Витя Коновалов — он тоже жил в общежитии, но с женой — и попросил меня предоставить его семье возможность обжить мою квартиру. Я ему свою жилплощадь с любезностью уступил.

Кстати, в «Динамо» я перешел из «Спартака» вместе с Леонардом Адамовым. Если учесть, что москвичами были Миша Мустыгин и Юра Погальников, Иван Мозер и Альберт Денисенко, Игорь Рёмин и Ваня Савостиков, то можно сказать, что в минском «Динамо» имелась мощная «московско-спартаковская диаспора». Местных футболистов в команде было даже меньше, чем нас, приезжих.

Мы не только вместе играли, но и дружили долгие годы. Причем общий язык нашли сразу. Наверное, поэтому в «Динамо» второй половины шестидесятых годов я всегда шел, как в свой второй дом, такая теплая в нем была, душевная атмосфера. А началось это с того, что мы начали неплохо играть. Сразу получили результат, что и стало цементирующим фактором хороших отношений в коллективе. В одном составе мы играли вместе больше пяти лет, хотя постепенно команда пополнялась новыми игроками. Из Смоленска приехал

Веня Арзамасцев, за год до него из Могилева перешел к нам «советский испанец» Хуан Усаторре. У него слегка хромала физическая подготовка, но Хуан был трудяга, постепенно выправил недостаток, дошел в своей спортивной карьере до сборной страны. Очень самоотверженным футболистом был Эдик Заремба…

Наверное, стоит перечислить весь наш основной состав тех лет. Итак, в воротах — Денисенко, по краям защиты — Рёмин и Савостиков, в центре — Усаторре и Заремба, так же в обороне и Женя Кузнецов. В полузащите Арзамасцев и Мозер. В нападении я с Мустыгиным, а Адамов из линии атаки отступает немного назад. Так же действует Погальников. То есть мы играли по схеме 4+4+2 уже в те времена. Признание на мировом уровне эта схема получит лишь в семидесятые годы.

Тренировочный процесс в «Динамо» отличался от того, к которому я привык в «Спартаке». Мы, по сути, были рабочими лошадьми, но сил на выполнение тренировочных заданий у всех хватало. Можно сказать, что Сан Саныч Севидов весь процесс учебно-тренировочной работы построил на нашей скоростно-силовой выносливости.

Теперь я понимаю, что именно тогда свое сердечко немного и подсадил. Впрочем, в середине шестидесятых тренеры еще не дружили так плотно с наукой, работали искренне, с полной самоотдачей, — требуя того же и от своих подопечных

футболистов, — но в бессистемном режиме, что ли. Конечно, если бы в шестьдесят третьем Сан Саныч мог совместить сегодняшние научные знания и свое тогдашнее трудолюбие, мы, глядишь, и чемпионами страны стали бы. Впрочем, футбольная история, как и все остальные истории, сослагательного наклонения не любит. Что ж, главное, что мы тогда полностью отдавались делу по имени «игра» и, возможно, в своем тренировочном процессе, правильность которого определялось одним критерием — жизненным и спортивным опытом тренера, — немного опередили время. И спасибо за это Александру Александровичу Севидову.

К моей великой радости, в Минске я ощутил, что на команду обращают серьезное внимание не только рядовые болельщики, спортивные деятели, но и руководство республики. Вспоминаю, что первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Кирилл Трофимович Мазуров и тогдашний второй секретарь Петр Миронович Машеров на первой встрече с командой говорили о том, что наша работа важна для всей республики и очень значима. Футбол, по их мнению, не только влиял на общественную жизнь, но и помогал увеличивать производительность труда. Заботу, с которой относилось руководство республики к минскому «Динамо», я могу определить только одним словом — «отеческая». И эта отеческая забота воодушевляла нас, мы действительно в игре не жалели ни сил, ни здоровья.

Вспоминая встречи с этими людьми, особенно частыми они были с Машеровым, курировавшим по партийной линии спорт, я не могу понять, почему коммунистов называют душителями свободы, выставляют их какими-то ограниченными людьми. Наверное, были среди них личности совершенно гнусные, наверное… Но я, к счастью, с такими тогда не встречался. Встречался я с интеллектуалами, которых было много и в республиканском партийном руководстве и, как говорится, на местах. С некоторыми из них я дружен до сих пор. И пусть это многих удивит, они теперь рядовые, не слишком обеспеченные пенсионеры, никакой частью «золота партии» не обладающие. Истинные коммунисты.

А тогда встречи с руководством республики обычно проходили по следующему сценарию. Команду приглашал к себе Кирилл Трофимович, на беседе всегда присутствовали и члены республиканского правительства, то есть люди, способные в масштабах Белоруссии решить любую проблему — материально-техническую, социальную, бытовую. Беседа продолжалась часа два, потом футболисты уходили, а руководители команды еще оставались. По-доброму все это было, хотя, чему удивляться —

ведь и трава не растет без солнца.

Петр Миронович Машеров не пропускал в «Динамо» ни одной установки, ни одного разбора игры еще в пору, когда работал вторым секретарем ЦК компартии Белоруссии. Он был преданным любителем футбола. И педагогом не только по образованию. Однажды я, вернувшись из сборной, за которую неплохо выступил, схлопотал замечания по своей игре за «Динамо» и позволил оспорить отрицательное мнение Севидова о моих действиях на поле. Наверное, я тогда думал: «Как же так?! В сборной хвалят, а в клубе ругают! Ничего себе!»

Тут, не дожидаясь ответа на мою реплику, Петр Миронович и попросил:

— Сан Саныч, позволь мне поговорить с молодым человеком. — И, обращаясь ко мне, сказал: — Эдуард, всегда и во всем надо слушаться главного тренера. Он твой отец в футболе. Даже если он не прав, ты все равно не должен ему возражать. Главное, не возмущаться, а быть предельно самокритичным. Постарайся понять самостоятельно, вспоминая игру, где ты допустил ошибки. А спорить с тренером не нужно. Никогда не нужно.

Эту «разборку» я запомнил на всю жизнь! Никогда больше я не спорил с тренерами, даже когда стал известным на всю страну футболистом, заслуженным мастером спорта. Если тренер говорил, что надо работать, я работал, оставляя свое мнение при себе.

И еще один урок дал мне Петр Миронович, когда в конце 1963-го ко мне одно за другим стали поступать предложения о переходе в другие клубы. Посудите сами — обладатель бронзовой медали чемпионата СССР, второй форвард с 21 забитым мячом в списке бомбардиров, игрок сборной страны. Звали во все московские клубы, в донецкий «Шахтер», в тбилисское и киевское «Динамо». Так вот, на встрече руководства республики с командой Машеров отозвал меня в сторону и посоветовал:

— Слышал я, Медвежонок, что на тебя приглашения посыпались. Сейчас приглашают и впредь приглашать будут, учти. Только подумай, где твой дом. Здесь ты заиграл по-настоящему, а значит, твой дом в минском «Динамо». Это я тебе на правах старшего товарища говорю. Знаю, что тебе коллектив в команде нравится. Не стоит от добра добра искать. И потом, если ты согласишься на переход, у тебя характер изменится. Ты на любые переходы согласен будешь, потеряешь чувство команды. Постарайся не черстветь характером, сдерживай свои порывы. Подумай.

Здесь надо сказать, что Медвежонком он меня без начальственного пренебрежения называл, уважительно. Крепко

сбитый я по фигуре был, а прическа у меня была лохматая такая.

Случилось это на традиционном послесезонном командном обеде, на котором обычно присутствовали первые лица руководства Белоруссии. Как всегда посидели с нами недолго, приложились к рюмке-другой и уехали, предоставив футболистов самим себе. Я крепко призадумался. Скажи мне подобное кто-нибудь другой да еще в повелительной форме, может быть и не послушал. Но слова Машерова были искренними, затрагивали какие-то потаенные струны души. И я остался в «Динамо» на все время своей спортивной биографии футболиста. А предложений, действительно, в дальнейшем хватало. Квартиры в Москве предлагали, машины без очереди — в общем, весь набор социальных благ того времени.

Вспоминать же о словах Машерова приходилось часто. Как-то я догонял находившуюся на сборах в Хосте свою команду, возвращаясь из тренировочного лагеря сборной. Выхожу из поезда на вокзале, а меня вся команда встречает! До сих пор не Могу найти слов, для того чтобы описать свои переживания в этот момент! Меня бы тогда, случись сразу же на поле выйти, ни одна оборона не удержала бы, точно. Вот что значит команда, чувство настоящего товарищества. Оно проявляется не только в моменты, когда необходимо кому-нибудь помочь, — человек человеку всегда должен прийти на помощь. А вот искренне радоваться успеху коллеги — такое возможно только в дружном коллективе. Это чувство всегда надо в себе искать и находить.

Хорошие отношения в Минске сложились не только внутри команды, но также между командой и болельщиками. В 1963 мы стартовали успешно, и зрители сразу же отреагировали на наши победы. Матчи в Минске всегда проходили при полных трибунах, а «лишний» билетик превращался у ворот стадиона в несбыточную мечту. Играли мы в вечернее время, в сумерки, поэтому во второй половине матча трибуны начинали расцвечиваться огнями факелов. Нет, современные пиротехнические средства тогда болельщикам и не снились. Жгли скрученные газеты. Впечатляющее зрелище! И вот что интересно — у милиции такие действия болельщиков желания задержать кого-либо, а уж тем более применить грубую физическую силу не вызывали. Это был праздник, ликование души.

Именно такая атмосфера царила на стадионе, когда в первом круге чемпионата-63 в Минск приехал столичный «Спартак». Как сейчас помню, арбитром матча был старейшина советского судейского корпуса ленинградец Белов. Игра при нулевой ничьей уже близилась к завершению, когда в ворота москвичей был назначен пенальти. Минута 85-я шла. Представляете, что

творилось на трибунах?! В воротах Маслаченко, на одиннадцатиметровой точке — я. Именно после этого удара против моей фамилии в графе «забитые за минское «Динамо» голы» появилась единица.

Встречались мы с болельщиками и во внеигровое время. В выходные дни футболисты любили отдохнуть на пляже. И там мы устраивали матчи с поклонниками «Динамо». Да что там матчи! Это настоящие баталии были по шквалу эмоций. Причем болельщики играли и своей командой, и в одном составе с нами. Минская Копакабана! Нас стали узнавать на улицах города, а раздобытый кому-нибудь заветный «лишний» билетик оборачивался искренней благодарностью минчан.

Хотя не все и не всегда складывалось так гладко. Сезон 1963 года мы начинали играми на юге страны — северные поля к матчам еще не были готовы. Встреча с «Шинником», например, проходила на продуваемом со всех сторон тбилисском стадионе «Локомотив». Первый тайм мы играли против ветра, но имели полное преимущество. Однако — 0:0. Во втором тайме ситуация, естественно, противоположная, ветер, как говорится, наш. Тем менее «Динамо» пропускает мяч в свои ворота. От поражения после того, как я забил гол, мы ушли, но этот матч оказался тяжелейшим в психологическом плане.

В это время изменилось отношение к моей футбольной карьере у родителей. Осенью 1963-го я привез в Коломну свою первую полновесную награду большого футбола. Все-таки «золото» спартаковского дубля было медалью второго разряда. Отец понял, что моя судьба будет связана с футболом, разговоры о надфилечках и рабочей профессии постепенно затихли. Но мнение отца о том, что на любом месте надо работать с полной отдачей, конечно же, не изменилось. Он говорил: «Да, Эдик, надо стараться! В спорте, как и на заводе, уважающему себя специалисту надо приходить на работу не в последний момент, а пораньше. Уходить же нужно не торопясь, подумав о следующем дне. Раз твое рабочее место в спорте, ты должен содержать его в идеальном порядке».

Правда, домой я в ходе сезона наведывался на день-два. Когда же приезжал в отпуск, то вовсе не стремился собрать компанию, покрасоваться рассказами о своих спортивных успехах. Как и в школьные годы, организовывал матчи на лугу. Конечно, если компания все-таки собиралась, я, как человек достаточно обеспеченный, брал на себя расходы по застолью, дарил знакомым сувениры. Меня, естественно, расспрашивали о жизни команды и футболистов. Но я не считал себя пришедшим с фронта офицером-героем, который не переставая говорит о

ратных подвигах. Считал я себя скорее солдатом-первогодком, поэтому больше рассказывал о великих футболистах, с которыми или против которых мне довелось сыграть.

Как я уже говорил, в 1963 году на меня обратили внимание тренеры сборной СССР. Приглашение в главную команду страны вызвало у меня неописуемую радость. Со сборной я встретился на базе одесского «Черноморца» — простенькой, состоящей из одноэтажных домиков-коттеджей. Зато море рядом! И еще запомнилась мне гостеприимная, радушная пожилая заведующая базой. Нам предстояло играть со сборной Японии под флагом сборной клубов страны. В основной состав я не попал, но заболел Слава Метревели, и пришлось с ходу занимать его позицию на правом фланге атаки. Конечно, встретившись с лучшими футболистами страны, я почувствовал себя скованно. Но тренировки под руководством Константина Ивановича Бескова развеяли мое представление о сборной, как о каком-то собрании небожителей, да и в различных упражнениях я был далеко не последний и в двухсторонках показал, что кое-что умею делать на поле. Японцам мы забили много мячей, три из которых оказались на моем счету. При трех результативных передачах. Бесков меня похвалил после игры, и я потом постарался оправдать его доверие. Официальный же дебют в сборной пришелся на 22 октября — в Москве мы сыграли вничью 1:1 со сборной Венгрии, а по итогам сезона я был включен в список 33 лучших игроков чемпионата СССР.

В январе 1964 года мы с Мишей Мустыгиным отправились вместе со сборной клубов страны в Мексику на турнир «Торнео сексатогональ». Стартовали в «Шереметьево», летели через Лиссабон и Гавану — сначала на самолете «Аэрофлота», потом рейсом зарубежной авиакомпании. Так и совершили путешествие из московских двадцати градусов мороза в тридцатиградусную жару Латинской Америки. Идем мы от трапа к автобусу — одеты по зимнему, сумки на плече немаленькие, в руках зимние шапки. Идем сквозь настоящий людской коридор, и каждый норовит нас чуть ли не пощупать. Мы все удивляемся, даже бывалые футболисты, что ж про меня, впервые оказавшегося за океаном, говорить. Разместились в гостинце, отдохнули от долгого перелета, привыкая к смене часовых поясов, потом пошли на разминку, затем обед. Тут нам свежие газеты принесли, где о нашем приезде рассказывалось. И выглядели мы, по мнению местных газетчиков какими-то рогатыми мужиками, медведями, которые в футбол играть приехали.

Потом, по регламенту подобных визитов, мы отправились в наше посольство, где нам объяснили, что нашу страну в Мексике

совершенно не знают и от того, как мы сыграем, во многом зависит налаживание деловых связей мексиканцев с СССР. Честно говоря, я подобной постановки вопроса до конца не понял, но сыграли мы хорошо — бразильский клуб обыграли, югославов победили. Что, впрочем, неудивительно, ведь в составе сборной были Лев Яшин, Валентин Иванов, Слава Метревели, Михаил Месхи, Виктор Понедельник, Альберт Шестернев, Валерий Воронин, Игорь Численко, Виктор Аничкин, Олег Копаев и другие прекрасные советские футболисты. А в финале турнира мы одолели хозяев поля, клуб «Некаха». В этом матче я с Мустыгиным играл в паре, и именно он забил решающий гол.

Так Мексика и познакомилась с советским футболом и была приятно поражена — у них, дескать, зима чуть ли не круглый год, а они играть-то, оказывается, умеют! Я же был поражен поведением мексиканских болельщиков, которые плясали и пели на трибунах все девяносто минут матча. Что касается бытовых впечатлений, Мехико меня шокировал соседством фешенебельных зданий и убогих лачуг — сейчас-то мы к подобным контрастам и в России, увы, привыкли. Не раз меня потом спрашивали: «Как там, на Западе, лучше, чем у нас?!» И я искренне отвечал: «Хорошо тем, у кого много денег, а таких людей явно не большинство». Причем это мнение у меня было твердым, несмотря на то, что я помнил и советскую послевоенную бедность. Бедность, но не нищету.

По окончании турнира представители советского посольства нам выразили огромную благодарность за… дипломатию. Футбол помог им найти общий язык с мексиканцами. Мы с радостью восприняли эту похвалу, да нам еще по итогам поездки и денег подбросили. По нынешним меркам, скорее всего, мизер, но дело-то было в 1964 году…

В том году сборной СССР предстояло дойти до финала чемпионата Европы, и серебро континентального первенства было расценено как неудача, как поражение. Что же касается минского «Динамо», нам высоких задач на сезон не ставили. Руководство республики было удовлетворено нашим положением — «крепкий клуб высшей лиги». В Белоруссии укреплялась материально-техническая сторона футбола. Заасфальтировали дорогу к «динамовской» базе в Стайках — потом ее называли исключительно «Машеровская дорога», — стала активней вестись работа с молодежью в областных центрах. Все это «выстрелило» только через пятнадцать лет, когда минчане стали чемпионами страны, а я возглавлял эту команду в роли главного тренера.

ГЛАВА 4
MISTER EDUARD MALOFEEV

Вернемся во времена, когда я еще и не думал о тренерской работе, и выделим 1964 год. Мне кажется, он стал для меня определяющим в спортивной биографии. Я имею в виду игры не только за минское «Динамо», но и за сборную СССР. Участие в матчах главной команды страны подарило мне радость, ощущение полной реализации собственных возможностей.

Когда я еще только попал в московский «Спартак», сборная страны выступала в финальной части чемпионата мира. Я видел, какими вернулись из Чили «сборники». Выдающиеся мастера Нетто, Крутиков, Масленкин, уже ставшие чемпионами Олимпийских игр, Европы, выглядели удрученными и расстроенными, так как сборная выступила в Южной Америке неудачно. Вот тогда-то у меня и зародилась мечта — сыграть за сборную СССР на следующем чемпионате в 1966 году.

Было, наверное, что-то мальчишеское в таких мыслях. Но это сначала. А потом мечта превратилась в осмысленное стремление, и установка на высочайшую цель, личная сверхзадача помогли мне, молодому игроку, быстрее раскрыться. Стремление к мечте подкреплялось трудолюбием, здоровой агрессивностью в тренировочном процессе, в моих действиях на поле. Наверное, что-то такое особенное заметили во мне тренеры. Вот и последовало приглашение в сборную, как только я стал в минском «Динамо» «забивным» нападающим.

Однако само по себе приглашение еще ничего не значило. Вполне могло получиться так, что несколько матчей я отсидел бы на скамейке запасных или был бы выпущен на поле в последние пятнадцать минут игры — попробуй убедить в чем-либо тренера за это время! Но тренер сборной в меня поверил. Спасибо вам огромное за это, Константин Иванович. Ведь психологически первые матчи за сборную были для меня очень тяжелыми. Но я старался, старался изо всех сил. Правда, в основном составе сборной, пусть и в матче со слабым соперником, каким были японцы, я вышел по стечению обстоятельств, из-за травмы Славы Метревели — не было бы счастья, да несчастье помогло. Однако можно сказать, что Бог помог. А еще помогла моя работоспособность, заложенная в детстве физическая подготовка. Это позволило снизить уровень тревожности. Волнение было — куда ж без него, без него хорошо не сыграешь! Но повышенная

тревожность сказывается на футболисте отрицательно, и вот ее-то мне и удалось преодолеть.

А теперь представьте себе, что значит суметь закрепиться в сборной, являющейся чемпионом Олимпийских игр, обладателем кубка Европы! Закрепиться в команде, основной состав которой составляют такие звезды, как Яшин, Метревели, Месхи, Шестернев, Воронин, Понедельник, Иванов. В команде, которая проводит матчи, подобные тому, какой получилась ответная четвертьфинальная встреча европейского первенства с итальянцами. На первых минутах соперники сборной СССР трижды выводят своих нападающих один на один с нашим вратарем. Но у нас в воротах Лев Яшин! Потом он намертво берет пенальти от Маццолы! В итоге, после победы в Москве, ничья в Италии — мы едем на финальные игры в Испанию. Такой была сборная под руководством Константина Ивановича Бескова.

А вот один из его уроков, который он преподал не только мне, но и всем игрокам возглавляемой им команды.

Перед матчем в Италии мы проводили тренировочный сбор во Франции. В ходе сбора посетили в качестве зрителей матч высшей лиги французского чемпионата, наблюдали за игрой. Защитник одной из команд на фланге все время проигрывал борьбу нападающему соперников, на что и обратил наше внимание Бесков. А защитник нашей сборной в ответ на слова тренера выразил свое мнение:

— Так на то он и нападающий, чтобы обыгрывать своего опекуна!

Тогда Константин Иванович без тени юмора сказал:

— Завтра на игру вместо тебя я поставлю другого защитника, чтобы ты увидел, как надо выигрывать борьбу у нападающих, как другой защитник не даст играть форварду соперников.

И все — больше наш защитник в сборную страны не привлекался.

Почему мне запомнился этот момент? Сейчас поражения команд тренеры часто объясняют психологическими причинами, причем их спектр оказывается весьма широким — не настроились, не успели создать в коллективе хороший микроклимат, играли с несчастливым для команды судьей… Для Бескова даже сама мысль о том, что защитник считает вправе проигрывать борьбу нападающему, была достаточной, чтобы спрогнозировать возможные ошибки игрока обороны и удалить его из сборной не за плохую игру, а всего лишь за допущение неудачной игры.

Второй урок Бескова уже был связан непосредственно со мной, но практически пользу из него я извлек, лишь став

тренером. На памятном мне мексиканском турнире, о котором я уже рассказывал, в решающем матче с хозяевами поля мы проигрывали к перерыву 0:1. В нападении у нас играли Понедельник и Иванов, основной, так сказать, на то время тандем форвардов. И вот после перерыва Бесков выпустил на поле меня и Мустыгина. И мы сработали — гол в ходе нашей совместной атаки забил именно Миша. Вряд ли можно сказать, что наша пара была сильней той, которую мы заменили. Но в конкретной игре, именно в том матче, она действовала лучше, эффективнее, оказалась «фартовее». И угадал это Константин Иванович. Спустя годы я понял, что тренеру необходимы не только знания, мастерство, но и таинственное «двадцать шестое чувство», которое помогает ему «угадывать» стартовый состав, проводить замены, варьировать амплуа футболистов.

Да, всему этому можно и нужно учиться, но тогда, в Мексике, Бесков в ответ на удивление Старостина по поводу замен коротко ответил: «Андрей Петрович, просто я чувствовал игру».

Увы, после испанского финала Бескова от руководства сборной отстранили. Да, сейчас представить и описать счастье тренера сборной России, который привел бы команду к европейскому серебру, пожалуй, трудно. Но тогда второе место было расценено как поражение советского футбола. Хотя дело было не только в том, что мы в решающем матче проиграли сборной страны, где у власти находился генерал Франко, страны — как ее тогда называли — «с отголосками фашистского режима». Сборная СССР играла в Испании хорошо, но спорт есть спорт, и в финальном матче чуть больше повезло испанцам. Все наши футболисты переживали, но больше всех мучился Константин Иванович.

В скобках отмечу (вроде бы уже и не в первый раз?): потом ко мне пришло понимание того, что тренер переживает за ошибки всех игроков. Лично я приспособиться душевно к любым поражениям до сих пор не научился.

Снятие же Бескова было связано с его бескомпромиссным характером. Бесков высказывал и отстаивал свое мнение перед людьми, которые чужое мнение не уважали, считая свое единственно верным. Да еще и были людьми злопамятными. Какие-то, напрямую не связанные с футболом, с результатами матчей эпизоды они Константину Ивановичу не простили.

Например, такой.

Мы играли товарищеский международный матч в Лужниках. В первом тайме игра не клеилась. Естественно, в перерыве Бесков делал нам, игрокам, замечания. Но тут в раздевалку бесцеремонно зашел кто-то из «высоких руководителей» и стал

возмущаться нашей игрой.

Константин Иванович спокойно, но решительно ответил ему:

— Выйдите, пожалуйста, из раздевалки. Вы нам мешаете. Я же не прихожу к вам в кабинет советы давать. Вы не имеете права здесь находиться, вы не член сборной. Пожалуйста, уйдите!

Что тут скажешь?! На фоне такой «тактической ошибки» проигрыш команде «страны генерала Франко» был серьезным поводом для снятия Бескова. Точнее, его не сняли, на нем отыгрались. Но руководитель, который посоветовал так поступить, был человеком недалеким. Константин Иванович был выдающимся тренером сборной, к тому же он тогда проработал с командой всего год, а это не время для создания коллектива, способного решать высочайшие задачи. Тем более, сборная претерпевала смену поколений. При этом я ни в коей мере не умоляю заслуг Николая Петровича Морозова, пришедшего на смену Бескову.

Но прежде чем приступить к рассказу о своей дальнейшей игре в сборной СССР, я бы хотел вспомнить еще нескольких выдающихся людей, с которыми мне довелось встретиться в первой команде страны. Прежде всего скажу об изумительном педагоге Андрее Петровиче Старостине. Вообще, Старостины оставили неизгладимый след в моей футбольной судьбе. Что же касается Андрея Петровича, то я всегда вспоминаю уникальные черты его характера.

Однажды, дело было в Мексике, после матча мы приехали в фешенебельный восстановительный центр: баня, бассейн, теннисные корты и прочее, прочее, прочее. Стоим у входа. И вдруг на лошади подъезжает к центру местный… «гаучо», наверное… мексиканец «как в кино»: широкополая шляпа, черные длинные усы, национальная одежда. А Андрей Петрович был большим любителем скачек, вместе со своим другом артистом Михаилом Яншиным являлся завсегдатаем московского ипподрома, сам отлично держался в седле. И вот он, попросив у мексиканца разрешения прокатиться на лошади, легко вскочил в седло. Но лошадь оказалась норовистая, встала на дыбы и сбросила Старостина на землю, прямо в колючие тропические кусты. Он поднялся и спокойно так, не поморщившись, говорит: «Не судьба. Что ж, пойдемте в баню».

А потом врач сборной нам рассказал, что при падении Андрей Петрович получил значительные ушибы и ссадины. Но даже бровью перед игроками сборной не повел! Не мог он, начальник команды, перед своими подопечными лицо потерять. А года через два, тоже в одной из зарубежных поездок, Старостин продемонстрировал нам свое блестящее мастерство верховой

езды.

А как он выступал на предматчевых установках!

Одно из его выступлений помню почти дословно. В нем Андрей Петрович, не объясняя важности результата матча, сказал:

— Я сейчас был у нашего посла. Да, сегодняшняя игра очень ответственная. Об этом мы с ним и говорили. Скорее всего, посол будет присутствовать на игре. Когда мы попрощались, он предоставил мне свою машину, сел я в прекрасную черную «Волгу» и так, знаете ли, комфортно себя в ней почувствовал! Раскрепостился, думаю, что все видят — едет уважаемый солидный человек. Едем мы по трассе на приличной скорости, и вдруг нас обгоняет, как поезд нищего, «мерседес» — остается лишь посмотреть ему в спину. Вот и хотел бы вам пожелать быть в игре такими «мерседесами»! Чтобы соперники только ваши спины видели, когда вы от них уходить будете. Удачи вам, ребята!

И все. Но после этих слов я готов был ринуться в бой не жалея себя. Появилось неукротимое желание выйти на поле и биться, биться за победу. Какой-то очень «заводной» этой история оказалась. Я ее вспоминал, настраиваясь и перед многими другими играми.

Но когда Бескова в сборной сменил Морозов, я призадумался: будет ли новый главный тренер приглашать меня в главную команду страны. К счастью, Николай Петрович хоть и стал реорганизовывать состав, взяв довольно-таки резкий курс на его омоложение, я в команде остался. Так что если Бесков проложил мне дорогу в сборную, то Морозов помог продолжить этот путь. А в команде, которой предстояло бороться за заветную для меня путевку на чемпионат мира 1966 года, появились Анатолий Банишевский, Владимир Пономарев, Василий Данилов, Муртаз Хурцилава, Алексей Корнеев, Эдуард Маркаров, Георгий Сичинава.

Если говорить о тактических изменениях, произошедших в игре сборной, то Николай Петрович, один из ведущих тренеров своего времени, в прошлом прославленный футболист, больше полагался на импровизационные действия игроков. Он как бы давал возможность самостоятельно раскрыться каждому, делая упор на физическую подготовку. Бесков же кропотливо работал над индивидуальной техникой и тактикой, но при этом блестяще умел ставить игру команды — в этом была его сильнейшая сторона. Исходя из этого командного критерия он отбирал футболистов в сборную. Морозов же оценивал игроков по выступлениям в чемпионате страны, брал в сборную тех, кто

выступал стабильнее, был сильнее в данный момент, и создавал из них коллектив.

Поражение в испанском европейском финале, которое стоило Бескову поста главного тренера сборной СССР, на мне сильно не отразилось, так как в решающих матчах меня в состав не ставили. Порой, вернувшись из сборной в минское «Динамо», мне даже приходилось слышать: «Вот если бы ты играл! Тогда, глядишь, и выиграли бы». Но как всегда возвращение из сборной после достаточно длительного отсутствия в клубную команду было непростым. В таких случаях испытываешь чувство неуверенности, психологической несовместимости, что ли. Накал страстей в сборной несоизмеримо выше. Все решается быстрее — два-три матча, и уже понятно, наверху ты или внизу. Спринтерская дистанция. А клубное первенство — марафон, тяжелый, изнурительный, но не требующий такого стартового рывка и ежесекундной отдачи всех сил. К счастью, в тот раз мне удалось быстро войти в «динамовскую» игру, что и было замечено новым тренером сборной, который создал атакующий тандем «Малофеев — Банишевский», сохранив эту атакующую связку вплоть до чемпионата мира.

Кроме официальных матчей, сборная продолжала играть много товарищеских встреч. Мы исколесили и излетали всю Южную Америку, зарабатывая валюту для страны. Организаторы подобных турне платили, очевидно, нашему Госкомспорту хорошо, но ставили условие об обязательном участие в играх Яшина. Иначе снижали сумму оплаты матча почти вдвое. Нам же платили по 80 долларов командировочных на каждую страну. Надо отдать должное тем, кто определял маршрут нашего следования: за турне мы посещали несколько стран, играя в каждой по одному-два матча, например: в Бразилии, Аргентине, Чили и Уругвае. Со сборными мы играли в ранге сборной СССР, с клубами — как сборная клубов. Но «накачки» перед всеми встречами нам давали хорошие. И это было правильно. Вообще, мне это уничижительное определение «накачка» кажется несправедливым, и когда футболисты говорят о них негативно, по-моему, они грешат против истины. Ведь в любом случае мы представляли великую страну, а значит, это был необходимый психологический настрой на победу. А он всегда обязан быть самым что ни на есть высочайшим.

Мы должны понимать, что, живя в обществе, не можем, каким бы свободным оно ни было, в полной мере быть свободными от общества. Свобода — это прекрасно. Да, можно заработать деньги самостоятельно, в одиночку — только если ты не футболист, если ты не представляешь клуб или сборную. Мне кажется, что

нынешнее поколение российских футболистов во многом неправильно определило эту степень свободы для себя. Если вы такие свободные и не желаете лечь костьми, добывая командную победу, то выходите на футбольное поле поодиночке. Только будете ли вы в таком случае нужны зрителям?..

А ведь в футболе все взаимосвязано — это не теорема, а аксиома. Связано не только внутри любой команды, но и на уровне взаимоотношений «команда — зрители». В шестидесятых годах отношение к сборной было настолько пронизано духом веры в ее победу, что мы не могли не «выстрелить». И мы выстрелили, заняв самое высокое в истории место на чемпионате мира.

Поездке в Англию предшествовали отборочный европейский турнир и матч с бразильцами на легендарном стадионе «Маракана» в 1965 году. Такого ажиотажа вокруг товарищеской игры мне не доводилось встречать ни до, ни после. Это проявлялось во всем. Когда мы ехали на стадион, сопровождавшие нас два полицейских выделывали на мотоциклах настоящие голливудские трюки: они ставили машины на одно колесо, умудрялись, не прекращая движения, каким-то образом руками раздвигать толпу на улицах. А люди на тротуарах нам показывали пальцами букву «V» — «Виктория», мол, Бразилия обязательно победит.

Когда мы вышли на поле двухсоттысячного стадиона, на трибунах не было ни одного свободного места. А какой шум может создать бразильская торсида! В телерепортаже это можно лишь чуть-чуть ощутить, но не прочувствовать. Конечно, все это создавало дополнительное волнение. Но только до первого удара по мячу. Потом пошла игра в футбол, на которую чемпионы мира 1962 года выставили сильнейший состав. Но, честно говоря, мы в этой ситуации вовсе не считали себя заранее проигравшими или согласными всего лишь на ничью. В этом самоуважении игроков сборной СССР тоже была часть залога их успешного выступления на международной арене.

Бразильцы имели, конечно, преимущество, а Пеле показал, что титул короля футбола он носит по праву. Помню, как он принял на грудь передачу в штрафной и, когда к нему метнулся Хурцилава, не давая мячу опуститься на землю, нанес удар по воротам. А как он проскочил к нашим воротам, забивая второй гол! Чемпионы мира вели в этой встрече со счетом 2:0, а завершился матч вничью — 2:2. После победы на чемпионате мира в Чили бразильцы впервые не смогли одолеть своих соперников в домашней встрече. Про первый наш ответный гол Банишевского, когда вратарь хозяев, выбивая мяч, умудрился

попасть им Толе в голову, местные газеты потом писали: «Не виноват мяч, который встретил Банишевского, не виноват и вратарь, а виновата рыжая голова, которая стояла на пути этого мяча». А матчу в целом они дали такую оценку: «Русские играли так звонко, как будто они постоянно били по натянутой коже барабана». На память об этом матче у меня остались часы, подаренные Пеле. Дело в том, что две швейцарские фирмы вручили каждому из игроков обеих сборных свою продукцию, чтобы мы обменялись ими перед игрой. И Пеле, и я вышли на поле под десятыми номерами. Интересно, сохранились ли мои часы у Эдсона Арантеса Нассименто? Мои, правда, сейчас не ходят. Внук с ними поиграл.

А после игры к нам в раздевалку зашел присутствовавший на матче сенатор Роберт Кеннеди. Нам было очень приятно, что известный во всем мире человек искренне поблагодарил нас за футбол. Это было здорово. В целом хорошее выступление в Южной Америке придало нам еще больше уверенности в своих силах, а наших соперников по финальной части чемпионата мира 1966 года явно заставило в большей степени опасаться советской сборной.

И было чего опасаться. Потому что сборная тех лет действительно была командой. Потому что в ходе отборочного турнира и потом, непосредственно во время подготовки к финалу чемпионата, мы гораздо больше времени проводили в сборной, чем в клубах. У нас постепенно создавался настоящий коллектив. Были победы, были и поражения, из которых тренеры делали выводы. Но работа по шлифовке состава шла постоянно, и чтобы доказать свое право находиться в сборной, нужно было не только проявить себя в играх, а день за днем трудиться на тренировках не жалея сил.

Последний, почти месячный, сбор перед поездкой в Англию мы провели в Швеции. Было сыграно много товарищеских игр, нам довелось понаблюдать и за игрой других сборных, которые выбрали Швецию для своего тренировочного лагеря из-за сходства климата этой северной страны с британским.

Итак, моя мечта сбылась — я стал участником финала мирового первенства. Сравнить чемпионат мира с каким-либо другим соревнованием невозможно. Когда Бог поднял человека с четверенек, он дал ему в руки посох в виде идеала, и с тех пор человек сознательно, а порой и бессознательно, всегда стремится к наивысшим достижениям — есть такое выражение. Так вот, чемпионат мира — концентрация подобного стремления. Нервная система находится на пике своего напряжения. Ты непроизвольно, постоянно, в течение всего дня находишься в ауре чувства

ответственности несмотря на дружескую обстановку в коллективе. Меня хоть бессонница тогда миновала, а некоторые футболисты могли заснуть только «на таблетках».

Но жизнь есть жизнь, а значит, в ней всегда есть место для курьезных ситуаций. Причем порой со знаком минус. Такой стала для меня история участия в рекламной кампании. Перед чемпионатом мира у нас в сборной появлялись представители ведущих спортивных фирм, делали предложения потренироваться или сыграть контрольный матч в их форме — в «Пуме» или в «Адидасе». Так вот, нам с Гилей — Галимзяном Хусаиновым — за подобную рекламу одной очень известной фирмы заплатили… по 50 долларов! Конечно, кто-то при этом хорошо нагрел руки и отяжелил свой карман. Гиля хоть и постарше был, поопытнее, и то сразу не сообразил, что нас надули.

В Англии сборная СССР разместилась неподалеку от Сандерленда, в «Грэй колледже» Даремского университета. Здесь нас поселили в комнатах по одному, а вот в Швеции я жил в номере с Хусаиновым. Чем-то мы подходили друг другу по складу характера. Завязалась многолетняя дружба. Гиля тогда был настоящим меломаном, и в нашей комнате часто звучала музыка, которую приходили послушать и другие футболисты. Хусаинов приобщил к музыке и меня. Я стал покупать пластинки: «Битлз», Рэй Конифф, Фрэнк Синатра. По тем временам это были знаковые группы и исполнители…

Интересно получается. Вроде бы только что говорил о постоянном настрое на борьбу и вот уже о музыке заговорил. Наверное, такое течение воспоминаний только подтверждает мое заявление о прекрасном климате, который тогда царил в сборной страны.

Например, товарищи по команде спокойно отнеслись к моему «рекорду», который я установил на стадионе Сандерленда во время одной из тренировок. Отрабатывали мы удары поворотам. Замыкая передачу Игоря Численко с фланга, я умудрился отправить мяч… за трибуны. Да, силы у меня тогда было в избытке. Мне после этого удара посоветовали зафиксировать этот факт в книге рекордов Гиннесса.

Как показали первые матчи, многое в футболе решал не только интеллект игроков, но и их работоспособность. В стартовой игре против сборной КНДР наши соперники были неутомимы, как заводные куклы. И хоть нам проиграли, а я с двумя забитыми мячами после первого тура оказался в числе бомбардиров, потом они сумели доказать, что отсутствие должного рейтинга еще ни о чем не говорит. Ведь потом корейцы сделали ничью с чилийцами, обыграли итальянцев и едва не

сотворили чудо в четвертьфинале против Португалии! И в дальнейшем практически на каждом из финалов чемпионата мира вдруг объявлялась команда «третьего мира», которая становилась грозой авторитетов. Достаточно вспомнить сборные Камеруна и Нигерии.

Правда, когда в Англии после победы во второй игре над Италией наши тренеры решили немного поменять состав на матч против Чили, корейцы заволновались: мол, русские игру сдавать собираются, дубль выставляют. Даже из посольства приезжали ситуацию прояснять и утрясать. Как же так, дескать, страны социалистического лагеря не должны друг друга подставлять, нельзя, чтобы сборная СССР отдавала игру чилийцам! Конечно, наш «второй» состав на самом деле вторым не был, на поле вышли Эдик Маркаров, Витя Серебряников, Валера Поркуян, ставший к концу чемпионата нашим главным бомбардиром. Обыграли мы чилийцев и вместе со сборной КНДР попали в «плей-офф».

На четвертьфинал с венграми мы выходили уверенно. Наша сборная вообще хорошо играли с командами соцстран. Тут присутствовала определенная психологическая раскрепощенность. Может быть, потому что мы-то были главной социалистической страной. Но ни одной игры без боя поляки, восточные немцы или те же венгры нам, конечно, не отдавали. Вот и матч в Англии получился напряженным и в чем-то трагичным для венгерской команды. При счете 2:1 в нашу пользу соперники имели прекрасную возможность сравнять счет, когда их нападающий бил метров с пяти-шести. Но спортивное счастье в этот день было на нашей стороне. Вообще эта игра отняла у нас столько нервных и физических сил, что потом никто сразу мыться в душ не пошел. Сидели, наверное, полчаса, обсуждали перипетии матча, только после этого немного успокоились.

Между играми мы, как я уже говорил, слушали музыку, устраивали собеседовании но разным вопросам, не обходился отдых и без карт. Были в «Грэй колледже» бильярд и теннис. Любили мы за границей и в кино сходить. Фильмы выбирали красивые, романтичные — или исторические драмы вроде «Спартака», или приключенческие о Джеймсе Бонде, или мелодрамы. Но хотя нас в кино сопровождал переводчик, текст мы все равно понимали не до конца. Главное, что удавалось перенестись совершенно в иной мир, а темный зрительный зал создавал иллюзию одиночества, помогал отрешиться от суеты.

Подобная обстановка оказывала на футболистов положительное воздействие. Например, полуфинальный матч с ФРГ складывался для нас не так уж и сложно. Мы, честно говоря,

были ближе к победе, чем немцы. Но тут счастье повернулось к нам спиной. К тому же Шнеллингер исподтишка ударил в единоборстве Игоря Численно и разорвал ему колено. Игорь ему ответил — не по-хулигански, но все-таки отмахнулся, — и судья удалил его с поля. Численко, кстати, после этого столкновения больше трех месяцев играть не мог. Получил травму и Йожеф Сабо. Замены же тогда еще не были разрешены, и Йожеф поистине героически доиграл матч до конца с распухшим голеностопным суставом. Если бы он забил гол или сделал результативную передачу, наверняка вошел бы в историю нашего футбола, как и Николай Тищенко, игравший в Мельбурне со сломанной ключицей. У Сабо спросили: «Можешь играть?» — «Могу», — ответил он. Что он еще мог ответить?

И еще был в той игре момент, когда мы уже отыграли один мяч. Валера Поркуян решил сам ударить по воротам, а мог отдать мяч мне или Банишевскому. Впрочем, это уже сослагательное наклонение.

Вот португальцам гол в матче за третье место я забил. Хотя это только согласно протоколу. Метревели сделал передачу с фланга, а мы с Толей Банишевским так решительно пошли на вратаря, что он на секунду потерял контроль над ситуацией. До сих пор точно не могу сказать, то ли я последним мяча коснулся, то ли Банишевский, а может быть, мяч в ворота и от удара Метревели прошел… Увы, до этого Муртаз Хурцилава сыграл в своей штрафной рукой — пенальти, который реализовал Эйсебио. Муртаз, по-моему, так и не понял, как это случилось — стечение обстоятельств. А когда казалось, что придется играть дополнительное время, победный для португальцев гол забил Торриш. Сборная СССР заняла в Англии четвертое место.

От церемонии награждения первой четверки сборных мира осталось в памяти впечатление неописуемого по красоте торжества с участием в нем английской королевы. Потом четыре сильнейших сборных были приглашены на торжественный ужин. В своих выступлениях президент ФИФА сэр Стенли Роуз и другие первые лица мирового футбола говорили о значимости мирового первенства, о той радости, которую футболисты доставили своей игрой миллионам людей на всей планете. И я вспомнил, что подобные слова слышал перед моей первой поездкой за океан. Но тогда, перед турниром в Мексике, речь шла лишь о престиже страны, а в Англии искренне говорили о высочайшей всемирной роли футбола.

Так что же он есть такое, проводящийся раз в четыре года чемпионат мира по футболу? Я бы сказал, что это та своеобразная точка, когда в душе каждого из нас образуются единый центр и

единая цель. Этот закон действует не только в духовной области, но и во всякой другой. Все великие достижения ума и творчества требуют таких условий. Центр и цель едины. Центр — футбол. Цель — подняться как можно выше на пьедестале почета. Тогда, в Англии, это частично сработало. Конечно, по воли Божьей. Конечно, благодаря длительному и изнурительному труду. Как в классическом примере с Ньютоном, который на вопрос о предпосылках открытия закона всемирного тяготения ответил: «Я непрестанно думал об этом». Мы думали о победе, мы верили в нее. И четвертое место мирового первенства никто не считал потолком будущих достижений сборной страны.

ГЛАВА 5
«РАЗРЕШИТЕ ДОЛОЖИТЬ, НОГИ ЦЕЛЫ!»

Чемпионат мира 1966 года… Адаптироваться после игр за сборную к матчам внутреннего всесоюзного первенства мне было непросто. С неприятным удивлением в конце этого сезона я узнал, что не включен в ежегодный список тридцати трех лучших футболистов страны. «Как же так? — подумал. — Я ведь один из одиннадцати игроков сборной СССР, получивших бронзовые награды на мировом чемпионате, и вдруг оказался за бортом числа лучших».

Лишь потом, по прошествии лет, понял: это было справедливо. Да, тогда, в 1966, я внутренний чемпионат, по сути, провалил, забив всего три мяча. И те, кто составлял три сильнейших команды чемпионата, были вправе обойтись без Малофеева. Кому было какое дело, что, тренируясь и играя длительное время за сборную, я подрастерял командные связи с партнерами в минском «Динамо», что сам принцип построения игры в сборной было иной, чем в клубе, и процесс переключения от одного к другому не может быть мгновенным.

Но обратить внимание на этот случай я хочу вот еще почему. Раньше чемпионату страны уделялось гораздо большее внимания. Это были самодостаточные соревнования. Если бы сейчас кто-нибудь из российских футболистов забил несколько мячей в европейском или мировом финале, а тем более занял бы вместе с командой призовое место, то уж в числе лучших его назвали бы обязательно. Более того — в это число включают футболистов, играющих за рубежом. Заставить журналистов не делать этого я не могу, да и не хочу никому навязывать свое мнение. Только давайте еще раз подумаем о том, как мы сами вредим этим нашему футболу, как принижаем достоинство тех, кто бьется за звание чемпиона страны, в которой мы все живем.

Но вернемся к играм чемпионата и Кубка СССР. Из матчей тех лет мне запомнился кубковый финал 1965 года, когда минское «Динамо» встретилось со столичным «Спартаком». Мы подошли к этой игре в лучшей форме, чем москвичи, у которых к тому же ряд ведущих футболистов был травмирован. Обязаны были минчане выиграть финал, просто обязаны. Но не получилось — основное и дополнительное время завершилось

нулевой ничьей. По существующим тогда правилам была назначена переигровка.

И тут, практически сразу после матча, у моего отца открылась язва желудка. Мне поздно вечером сообщили об этом по телефону родственники из Коломны, сказавшие, что отец не хочет соглашаться на операцию, пока не встретится со мной. По дороге в Коломну я вместе с начальником команды едва не попал в серьезную аварию — мы чудом избежали столкновения с машиной, стоявшей в темноте у обочины с выключенными габаритными огнями. Но, слава Богу, все обошлось. А после встречи со мной отец дал добро хирургам, сказав: «Желаю удачи, Эдик, тебе и команде. А уж результат, если все хорошо будет, после операции узнаю…»

Операция прошла нормально, но пожелание отца мы выполнить не смогли, хотя после точного удара Вени Арзамасцева и вели в счете. Потом еще Мустыгин дважды один на один с вратарем «Спартака» выходил, я из выгодного положения промахнулся, Лерка Адамов хороший шанс забить упустил… А вот Хусаинов за десять минут до конца встречи счет сравнял, и вскоре нам забили второй мяч.

Можно, конечно, сказать, что поражение минчан стало следствием определенных ошибок нашего тренерского штаба, но точнее будет предположить, что победил тогда знаменитый спартаковский дух. Не зря москвичей считали кубковой командой, а в кубковых матчах зачастую побеждает не тот, кто объективно сильнее, а тот, кто в этот день лучше настроен на победу.

Да, слава Богу, что отца прооперировали успешно, но Кубок завоевал «Спартак». В Минске, однако, оргвыводов делать не стали. Ситуацию оценили так: «Вы ни в чем не уступали москвичам, показали хорошую игру. А от поражений в футболе никто не застрахован». «Наверху» понимали, что поддержка со стороны первых лиц республики необходима команде, получившей моральную травму. И такое отношение к «Динамо» сказалось положительно. Уже следующий матч чемпионата СССР мы выиграли с крупным счетом, что по тем временам, когда футболисты в кубковых встречах выкладывались предельно, было достойно уважения.

Увы, отношение к Кубку России у некоторых главных тренеров наших сильнейших клубов сейчас совершенно иное, хотя они-то как раз должны помнить о подобных матчах прошлых лет. Да как же можно выставлять пусть и на встречу с клубом низшей лиги практически дублирующий состав?! Не понимаю! Хотя при желании с таким явлением бороться можно просто:

считать подобное поведение неспортивным, и клуб, уличенный в экономии сил на такой игре, к участию в Кубке на следующий сезон не допускать.

Но давайте вернемся в год 1966-й. Он завершился для меня, несмотря на неудачное выступление в чемпионате за минское «Динамо», присвоением звания «Мастер спорта международного класса». Этого звания были удостоены все члены сборной СССР. А вот на капитанском мостике сборной произошли изменения. Главный тренер главной команды страны Николай Петрович Морозов, честно сделав свое дело, ушел на заслуженный отдых, и сборную возглавил Михаил Иосифович Якушин. Тренером был назначен Виктор Григорьевич Царев, а начальником команды остался Андрей Петрович Старостин. И снова я волновался — быть может, Якушин исповедует иную концепцию игры, в которую футболист Малофеев не вписывается? К счастью, патриарх тренерского цеха, под руководством которого еще в 1945 году московское «Динамо» совершило триумфальное турне по Англии, пригласил меня в сборную.

С Якушиным мне довелось стать участником самого, пожалуй, длительного визита нашей сборной в Мексику. Изначально планировалось, что мы проведем за океаном месяц, сыграем определенное количество матчей с клубными командами хозяев и их сборной. Однако мексиканцы, которым в ходе этих запланированных встреч так и не удалось нас обыграть, предложили нам сыграть добавочные игры. Не знаю, на каких условиях они договаривались об этом с советским Госспорткомитетом, но игрокам сборной было предложено по 50 долларов за встречу. Напомню, что в конце шестидесятых годов это была для нас приличная сумма. Свое намерение, насколько я знаю, латиноамериканцы мотивировали тем, что каждый раз выставляют на матч с нами разные сборные команды. Хотя мы-то видели, что всегда против нас играл сильнейший состав. Как бы то ни было, в итоге мы провели в Мексике пятьдесят пять дней! Увы, старания хозяев оказались напрасными, в ту пору им не по силам было выиграть у сборной СССР. Думаю, что при этом мексиканцы в финансовом накладе не остались, так как все игры в разных городах проводились при переполненных трибунах.

Возможно, руководство нашей сборной, которое в большинстве своем составляли люди в возрасте, чувствовало себя комфортно в этой поездке, но каково было нам, молодым ребятам, оказаться оторванными от дома, от жен и семей на такой срок. К концу поездки, честно говоря, нам был не до футбола и не до долларов! После каждой игры мы пребывали в чемоданном настроении, но потом вдруг выяснялось, что

предстоит еще один выход на поле. К тому же мы не были, как нынешние сборники, экипированы сотовыми телефонами и даже позвонить домой возможности не имели. Попробуйте представить, с какой радостью мы возвратились из двухмесячного дрейфа на жаркой мексиканской льдине.

Состав сборной СССР, которая выступала в Мексике, изменился по сравнению с участвовавшим в мировом чемпионате 1966 года. Михаил Иосифович привлек, например, в команду динамовца Валерия Маслова, одного из плеяды тех спортсменов, кто блистал и на хоккейных, и на футбольных полях. Но главное, Якушин вернул в сборную Эдуарда Стрельцова, чью имя у нас, тогда еще подростков, было на слуху с 1958 года. Хотелось услышать о его злоключениях из уст самого Стрельцова, но было видно, что воспоминания о тюрьме доставляют Эдику тяжелые переживания. Он лишь говорил, что сожалеет о произошедшем, о том, что его жизнь так повернулась. Ведь сколько бы матчей он мог сыграть, принеся пользу клубу и сборной! И хотя Стрельцов оставался несогнутым судьбой человеком, годы лишений отразились на его здоровье. Мне довелось поиграть с ним в нападении, и могу сказать, что он был великим футболистом. В команде со Стрельцовым всегда можно было играть в умный футбол. Будучи форвардом таранного типа, он при этом великолепно чувствовал каждое движение партнеров по атаке. Приятно было знать, что он всегда заметит, как ты открылся, и всегда сумеет предложить себя, когда мяч находится у тебя.

Восстанавливаться после игр за сборную Стрельцову было нелегко. Это сложный момент и для молодых игроков с благополучной судьбой, а уж каково бывало ему…

Вспоминаю такой случай. В Сантьяго мы обыграли сборную Чили со счетом 4:1, и три мяча в той игре забил Стрельцов. Тогда в Чили находился наш известнейший поэт Евгений Евтушенко, пребывавший в зените славы. И вот он заходит в раздевалку сборной СССР после этой громкой победы, видит усталого и опустошенного Стрельцова.

— Эдик, — говорит Евтушенко. — Ну что же ты такой мрачный сидишь. Ведь хэт-трик сделал, радоваться надо.

А Стрельцов отвечает:

— Эх, Женя, это во время игры было: радость и все прочее. А сейчас тяжело себя чувствую.

Евтушенко ему рассказывает, что перед матчем поспорил на трибуне — Стрельцов забьет сегодня не меньше двух мячей. И выиграл восемьсот долларов! Предлагает:

— Распоряжайся мной, Эдик! Чего хочешь, чего желаешь?

Стрельцов в ответ:

— Хорошо было бы собраться у нас в номере, чайку попить, пивка. Ты нам, Женя, стихи свои почитаешь, посидим, побеседуем.

Эх, какой же вечер устроил для сборной Евтушенко! И пиво было, и чаек, и прохладительные напитки разные. Евгений привел своих друзей — чилийских поэтов. Они тоже читали стихи, а Евтушенко переводил на русский язык. Мы истинное удовольствие получили. Перед тем как расходиться, поэт спросил:

— Ну что, Эдик, сумел я тебя и всех остальных восстановить, как вы говорите, после матча?

— На сто процентов, Женя, — отвечает Стрельцов. — На сто процентов!

Ко времени этой поездки меня вновь стали активно приглашать к себе разные клубы. Одно из приглашений оказалось оригинальным. Возвращались мы из Белграда, выиграв там у сборной Югославии. Прилетели в Киев, откуда сборная отправилась в Москву, а я остался ждать минский самолет. Меня в аэропорту встретили представители руководства местного «Динамо» и, как я понял, чиновники из ЦК компартии Украины. Повезли обедать, а потом прокатили по Крещатику. Показывая на красивые дома, сказали: «Какой тебе больше нравится? Выбирай, и будешь в нем жить, если перейдешь в киевское «Динамо»!» Вот как была поставлена селекционная работа у киевлян. И стоило ли удивляться, что их команда становилась три года подряд чемпионом страны?.. Но я-то помнил об отеческом совете Петра Мироновича Машерова: «Не гонись за славой. Помни, твой дом там, где ты заиграл». И новый дом на Крещатике выбирать себе не стал. Что ж, может, я чего-то лишился в футбольной карьере и материальном благополучии, но сохранил свой статус игрока, верного одному клубу. Поэтому, не пойдя, как говорится, по рукам, остался в выигрыше. И меня по-прежнему приглашали в сборную.

Мои воспоминания о главной команде страны связаны не только с тренировками и матчами, победами и поражениями. В сборной судьба меня свела с прекрасными людьми. До сих пор вспоминаю заботу об игроках, которую проявлял врач Олег Маркович Белаковский. Его внимание к людям, готовность прийти на помощь были из разряда уже не отеческой, а прямо-таки материнской любви. Да, он был прежде всего врач, специалист, и, следуя клятве Гиппократа, не забывал: «Главное — быть человеком». Создавалось впечатление, что у него не было неотложных дел — он по первому же зову бросался помогать любому. И не только игрокам, но и их семьям. А свой первый утренний обход игроков совершал еще перед нашим подъемом.

Олег Маркович всегда помнил о всех, даже мелких ссадинах и ушибах, проверял нашу готовность к футболу. Своим вниманием к людям, бескорыстным стремлением помогать им, он на долгие годы проник мне в душу.

Что же касается главного тренера — Михаила Якушина, он не раз и не два подтверждал справедливость своего прозвища Хитрый Михей. Играли мы со сборной Шотландии в Глазго. В те времена состав у шотландцев, в котором блистал легендарный Денис Лоу, был по-настоящему звездный. И вот Якушин переводит меня из атаки на место левого полузащитника. Дает установку Муртазу Хурцилаве по опеке Лоу. Как обычно, выслушав все наставления, Муртаз переспрашивает: «Какой у него номер?» А потом полностью выключает прославленного шотландца из игры. А мне Михаил Иосифович говорит: «Плотней играй. Ты работоспособный, ты можешь стать лидером в паре с противником, инициатива в паре всегда должна быть у тебя». Такие вот короткие наставления. Я действительно сыграл «плотно», а моя активность привела к тому, что защитник сборной Шотландии, в момент, когда я решительно пошел на него, потерял контроль над ситуацией и, вместо того, чтобы спокойно отдать мяч назад голкиперу (тогда еще не ввели запрет на пас ногой вратарю), направил его по неберущейся траектории в свои ворота. Эту встречу мы выиграли со счетом 2:0.

А в Югославии, когда Игорю Рёмину пришлось играть против их знаменитого форварда Скоблара, и в первом тайме он буквально «раздевал» нашего защитника, Михаил Иосифович установку на вторую половину встречи провел так. «Игорь, — сказал он. — Не вижу в тебе отца. Не вижу Сашки! Да он бы этого Скоблара так плотно зажал, что тот ничего бы сделать не смог. Вспомни, как отец играл — так и играй». Отец Игоря когда-то играл вместе с Якушиным в московском «Динамо». И так эта установка на нашего товарища подействовала, что во втором тайме Скоблара на поле практически не было видно.

А еще Якушин четко предугадал, что необходимо сменить нападение в ответном матче четвертьфинала первенства Европы после поражения от Венгрии 0:2 и как именно — он выпустил на поле Бышовца, Еврюжихина и Банишевского. Один из трех победных мячей забил Бышовец, в другом случае венгерский защитник забил автогол.

В четвертьфинал мы вышли, победив в отборочной группе. После выигрыша в Хельсинки со счетом 5:2 я был признан лучшим игроком сборной СССР того матча. Маленький серебряный кубок напоминает мне об этом дне до сих пор. А на обратном пути мне довелось блеснуть уже не игрой, а

сообразительностью в разговоре. День нашего возвращения совпал с днем рождения Алика Шестернева. Финляндия была страной, как говорил Остап Бендер, измученной сухим законом. И все-таки мы пива купили — так и доехали до Выборга. Но мы же были русские люди! Вот товарищи по купе, а это были Лев Яшин, Эдик Стрельцов и сам именинник, уже на нашей территории и сказали:

— Молодой, не порядок. Что ж мы так и не отпразднуем день рождения Алика по-человечески?!

На обратном пути к вагону, когда я нес несколько бутылок водки, меня, что называется взяли с поличным Якушин и Старостин.

Михаил Иосифович, подмигнув (я заметил!) Андрею Петровичу, воскликнул:

— Так вот кто нож в спину сборной воткнуть может!

Пересилив секундное замешательство, с мыслью «Господи, пронеси!», я ответил:

— Ничего подобного, Михаил Иосифович. Дело в том, что, когда мы приедем домой, футболисты, конечно же, соберутся за праздничным столом. Вот я и решил помочь старшим товарищам — не тащиться же им в Москве по магазинам!

— Ох, смотри! — отвечает Якушин. — Будешь наказан.

— Хорошо, — говорю…

Умудренные жизнью люди, они все знали и понимали. Знали, кого и когда следует наказывать, понимали, когда не стоит. Меня, например, никак не наказали. А в купе «старики» резонно заметили:

— Все нормально. Сумел ответить, значит, молодец. Ты же знаешь, что не себе покупал, так чего же ты переживаешь?

Да, врать у нас считалось недопустимым, но уметь быстро ответить на каверзный вопрос, не лезть за словом в карман…

Когда мы прибыли в Москву, я сразу же решил ехать на Белорусский вокзал, чтобы отправиться в Минск. И вот тут Лев Иванович сделал мне замечание:

— Не отрывайся от коллектива, молодой! А как же вместе со всеми в бане попариться, а?!

Была у нас такая традиция, и я ее впопыхах чуть не нарушил. Мы ходили в Сандуны или в Центральные бани, и только когда наши старшие товарищи по сборной, напарившись от души, уезжали домой, сами разъезжались и расходились по своим делам. В этом был определенный долг уважения перед старшими футболистами. По-прежнему считаю, он должен культивироваться в каждой команде. Вообще уважение к старшим, основа основ любого коллектива. Об этом мне не раз напоминали Бесков и

Морозов, Якушин и Старостин.

А вот еще одно воспоминание об играх тех лет, которое можно считать не столько курьезным, сколько поучительным. Я расскажу о матче сборных команд СССР и Греции. Эта отборочная игра чемпионата Европы проходила как раз в то время, когда власть в Греции была в руках «черных полковников» и отношения между нашими странами, обычно весьма дружественные, обострились. С одной стороны этот матч для нас был решающий — выигрываем, и мы в четвертьфинале первенства Европы, а с другой стороны, игра была, можно сказать, рядовая — ведь отборочных матчей играется несколько. Но на этот раз в спорт вмешалась политика. Перед выездом сборная была приглашена в ЦК компартии СССР, где нам обрисовали обстановку, объяснили, что возможны провокации, хотя рядовые греки к советским людям относятся хорошо. Прибыв в Грецию, мы разместились в афинском отеле, а тренировались в Пирее. Так вот, после тренировки накануне матча начался ливень, а автобус за нами почему-то не приехал. Тогдашний председатель Федерации футбола СССР и руководитель нашей делегации Валентин Гранаткин говорит: «Это провокация. Не поддаемся. Действуем спокойно». Мы разулись, засучили тренировочные брюки (потому что воды на улицах по щиколотку) и босиком пошлепали к метро. Сели в поезд и приехали в гостиницу, так сказать, своим ходом.

Когда на следующий день наша сборная вышла на поле афинского стадиона, создалось впечатление, что билеты на матч продавали исключительно провокационно настроенным зрителям. С трибун полетели монетки, подушки, какие-то пакеты — пришлось специальной бригаде какое-то время приводить поле в порядок.

Объективно наша сборная была сильнее греческой, но хозяева, поддерживаемые зрителями, ринулись в бой. Только мастерство Льва Яшина трижды спасало нас от неминуемого гола. Нашему вратарю били и низом и по «девяткам», но Яшин успевал совершать неимоверные броски за мячом.

А я опекал капитана греческой сборной Луканидиса. Во время одной из атак хозяев поля он остро открылся, и мне пришлось сфолить. Я хотел выполнить подкат, но завалил соперника. Сфолил я грубо и получил предупреждение. А Луканидис, вскочив с газона, нанес мне вдобавок несколько чувствительных ударов по животу — в мышцы пресса. Я успел напрячься и спокойно выдержал удары. Хорошо, что в ситуацию вмешался судья Динст, дай Бог ему здоровья. Арбитру тоже, кстати, по ходу игры досталась — в первом тайме с него даже эмблему ФИФА сорвали, пришлось в перерыве Динсту не отдыхать, а форму в

порядок приводить. А в том эпизоде судья решительно предупредил Луканидиса и стабилизировал обстановку.

В перерыве Валентин Гранаткин вдруг говорит мне: «Молодой, — так меня в команде звали и футболисты и тренеры, — ты смотри! Если будет неудача, мы с тебя спросим! Ты помнишь, что в Центральном комитете партии говорили, как игроки должны себя вести?! Не вздумай на провокации поддаваться, ты же им поможешь». Я, если честно, задрожал как осиновый лист. Как же я могу подвести команду, всю страну? К счастью, решающий гол во втором тайме забил именно я с паса Игоря Численко после его прохода по флангу, а сборная СССР, выиграв со счетом 1:0, стала победительницей отборочной группы. И на банкете в полпредстве — советского посольства тогда в Греции не было — я стал героем дня. Вот так в футболе бывает…

И еще хочу сказать хоть несколько теплых слов о Валентине Гранаткине. Пожалуй, он был последним руководителем федерации футбола, при котором «спорт номер один» в нашей стране оставался чистым. Невозможно было представить Гранаткина идущим на компромисс с собственной совестью, настолько фундаментальной личностью он был. Глыба. Кремень. Может, и тогда кто-то с кем-то втихаря о каких-то уступках договаривался, может, и на судей сверху давление оказывали? Но в то время очки еще перед стартом чемпионата никто не считал, и заслуга в этом Валентина Гранаткина огромна.

А в конце того сезона мне присвоили звание Заслуженного мастера спорта. Решающий гол в Греции этому поспособствовал. Точнее, мне давно говорили, что собираются звание присваивать, но, знаете, порой ход бумаги на столе у чиновника надо чем-то подтолкнуть. Думаю, что афинским мячом и «подтолкнулось» мое звание. Мне было приятно стать «зэмээсом», но особенно приятно было то, что в одном приказе со мной это звание было присвоено и Эдику Стрельцову. Как сейчас помню, открываю «Футбол», а там на странице рядом мое фото и Стрельцова и рассказ о нас.

Увы, финал европейского первенства в следующем 1968 году обернулся для нашей сборной четвертым местом. И все решила монета, подброшенная в неаполитанский воздух арбитром после нулевой ничьей в полуфинале с итальянцами. Уж сколько написано о том, как вся наша сборная кричала своему капитану Алику Шестерневу: «Выбирай орла!» Но первым «орла» выкрикнул Факкетти, и в финал вышли хозяева турнира. Жаль, что в то время еще не били послематчевые пенальти — может быть, мы и сумели победить…

Радостным же событием 1968 года стало вручение мне лично

первым секретарем ЦК компартии Белоруссии Петром Мироновичем Машеровым ключей от трехкомнатной квартиры в центре Минска. А вот закончился тот год двумя детективно-приключенческими историями.

От подъезда совминовского дома, в который я переехал, у меня угнали машину. Дня за два до происшествия я почувствовал, что за мной кто-то следит, наблюдает. Но вечером поленился отогнать «Волгу» в гараж в двадцати метрах от подъезда. Утром собрались мы с семьей поехать за город, а машины-то и нет…

Звоню в милицию. Примечательно, что тогда начальником уголовного розыска был бывший футболист Николай Чергинец, не только спортсмен и милиционер, но известный в Белоруссии писатель, автор популярных книг. Через два дня мою машину обнаружили на окраине Витебска. Когда мы приехали туда, то обнаружили, что украден только красивый чехол с руля и заграничные мелкие сувениры, которые у меня всегда в машине лежали, — в основном шариковые ручки. Милиция решила, что моя «Волга» срочно понадобилась кому-то для перевозки краденого. Чергинец мне, конечно, внушение сделал — подбросил я милиции работенку из-за своей лени!

А уже в декабре я как всегда собрался в Коломну, к родителям. Помню, много подарков вез: маме, отцу, родственникам, друзьям. Но меня подвел гололед — не доезжая Смоленска, машина перевернулась. Хорошо еще, что не на встречную полосу она этот кувырок совершила, а то попали бы мы с женой под здоровенный тягач. Но Бог нас хранил, и даже медицинская помощь нам не потребовалась. В общем, добрался я до правления ближайшего совхоза, встретился с секретарем парторганизации. Так, мол, и так, объясняю ему, я футболист Малофеев, попал в беду, прошу помощи. А он серьезно на меня посмотрел и ответил:

— Малофеев, говоришь? Предъяви документы!

К счастью, тут в правление подъехал председатель, заядлый болельщик.

— Эдуард! — закричал он. — Никаких разговоров! Все сделаем в лучшем виде!

Позвонили мы в Минск, в Министерство внутренних дел. Оттуда, видать, последовала команда в ближайшую к нам Оршу. Председатель тем временем накрыл стол.

— Надо снять стресс, — говорит. — А я как раз свинью зарезал.

Сидим мы за столом, и тут в комнату входит майор милиции:

— Здравия желаю! Кто товарищ Малофеев?

— Я, — отвечаю, — Малофеев.

— Товарищ Малофеев, товарищ министр просил узнать, как ваши ноги?

— Ничего, — говорю. — Все в порядке. Ноги целы.

— Разрешите доложить товарищу министру, что с ногами у вас порядок?

Потом мою «Волгу» погрузили на машину, отвезли в Минск, и она, моя «двадцать первая», после ремонта в совминовском гараже стала как новенькая. В Коломну я зимой шестьдесят восьмого поездом добирался.

ГЛАВА 6
Я БЫ В ТРЕНЕРЫ ПОШЕЛ…

Вы, наверное, помните о трудовом напутствии, которое дал мне отец: «Футбол, конечно, поможет тебе, Эдик, устроиться в жизни, но необходимо иметь специальность». Поэтому еще в 1963 году, окончив техникум, я поступил на машиностроительный факультет заочного отделения политехнического института и учился в политехе серьезно. Естественно, основная нагрузка выпадала на зимнюю сессию, когда приходилось «подчищать» запущенное летом во время футбольного сезона.

Но к концу 1968-го года я стал задумываться о тренерской работе. Я ведь накопил богатую информацию, требующую профессионального анализа. Не знаю зачем и почему, но с моей первой тренировки в составе сборной СССР я вел конспекты. Все записи упражнений и наставлений Константина Ивановича Бескова, Николая Петровича Морозова и Михаила Иосифовича Якушина сохранились у меня до сих пор. А тогда, в конце шестидесятых, я почувствовал, что полученные теоретические знания и практические советы великих специалистов не могут быть мной осмыслены без специального образования. На пятом курсе политехнического института, за год до диплома, я резко поменял учебные планы и, досдав ряд экзаменов, поступил на второй курс Минского института физической культуры.

Как ни странно, но этому поспособствовало… воспитание. Во время тренировок у меня не раз и не два возникали вопросы к тренерам, но я стеснялся подойти к ним и выяснить, почему они заставляют нас выполнять те или иные упражнения в конкретных объемах, какую цель ставят, меняя тренировочные нагрузки. Тем более, что ответы мне требовались аргументированные. «А вдруг, — думал я, — тренер решит, что я сомневаюсь в его профессионализме?! А может, он заподозрит меня в неисполнительности?» В то время «высовываться» подобным образом было не принято. Теперь я понимаю, некоторые из тренеров вряд ли могли бы удовлетворить мою любознательность… С другой стороны, когда ты активно тренируешься и играешь, о тренерском деле все-таки «плотно» не думаешь.

А вот теперь я начал «плотно» учиться. Учеба опять была заочной, но я всегда возил с собой на сборы и игры учебники, книги. Особенно по физиологии, анатомии, теории

физвоспитания. И если честно, анатомия с физиологией оказались предметами более быстро схватываемыми, а вот в теорию физвоспитания, материалы по методике учебно-тренировочного процесса я проникал с трудом. Знаний для самостоятельных выводов мне тогда не хватало. Но сразу же скажу, в то время на институтских кафедрах работали действительно выдающиеся люди. Можно считать, что стройной научной системы физвоспитания тогда не было, но результаты-то наших спортсменов все время повышались и повышались. Значит, научная работа шла — и не только теоретическая, но и прикладная. И тренерам было что почерпнуть из научных разработок.

Но учеба учебой, а игры первенства требовали все большей и большей отдачи сил. Минское «Динамо» продолжало выступать неплохо, но превращалось из команды лидирующей группы в прочного середнячка. Естественно, раз команда перестала претендовать на первые места, в тренерском штабе возникла тревожность и некоторые решения стали слишком поспешными. Состав начали тасовать как колоду карт, все чаще стали появляться в «Динамо» иногородние футболисты. Были среди них хорошие ребята, но некоторые оказывались и с червоточинкой — от последних старались побыстрей избавиться. Как бы то ни было, но мы, ветераны, пытались сохранить динамовские традиции, заложенные в коллективе в начале шестидесятых годов. И не просто сохранить, но и передать их молодежи.

Тем не менее руководство республики посчитало необходимым произвести смену на капитанском мостике. Увы, при этом из команды была отчислена большая группа футболистов-ветеранов, которые еще могли принести пользу клубу. Да, процесс смены поколений в спорте остановить невозможно, но перемены оказались слишком радикальными.

А я в 1971 году стал лучшим бомбардиром чемпионата СССР, наколотив соперникам шестнадцать мячей — почти половину всего, что за год забило «Динамо». Был, был еще у меня порох в пороховницах. А в роле спички, к нему поднесенной, выступили два события. Во-первых, меня не включили в сборную страны на мексиканский чемпионат мира. Нет, я вовсе не в обиде на возглавившего главную команду страны Гавриила Дмитриевича Качалина — у него было свое видение игры, и не мне давать ему советы, как лучше было формировать сборную. Но в Мексике, где я побывал столько раз, сколько другие бывают в Сочи, наша команда выступила неудачно. Так гласил официальный вывод. Такой «расклад» задел меня за живое: мне всего двадцать восемь лет, я вне сборной, но в прекрасной форме! Пришлось доказывать

это не на словах, а на деле.

А во-вторых, когда минское «Динамо» находилось на предсезонных сборах весной 1971 года в Болгарии, из Коломны пришло радостное известие — у меня родилась вторая дочка. Появился еще один стимул быть на высоте, грызть землю на футбольном поле, а значит, и зарабатывать побольше денег для семьи. Правда, но пути на первую встречу с Анюточкой меня подстерегла почти криминальная история. Да что там «почти»!

В Москву мы прилетели вечером, а на Казанский вокзал я попал, когда все электрички на Коломну уже ушли. Заметался я с сумками по перрону, стал подбегать к проводникам поездов дальнего следования с единственным вопросом: «Вы в Голутвине останавливаетесь?» Голутвин — это, так сказать, главные железнодорожные ворота Коломны.

Один из проводников ответил утвердительно. Ну сел я в поезд, еду, весь в нетерпении перед встречей с женой и детьми. Вдруг вижу, мы Коломну проезжаем и в Голутвине явно останавливаться не собираемся. Хотел я, благо поезд притормозил, на ходу выскочить, но проводник дверь открыть не разрешил. Высадился я только в Рязани глубокой ночью — на вокзале ни души, а на привокзальной площади стоит одинокое такси.

Я к шоферу:

— До Коломны довезете?

Он называет сумму.

— Согласен!

Вдруг к машине подходит пожилой мужчина и садится в нее попутчиком до Луховиц. Поехали!

На КПП нас останавливает милиционер, заглядывает в салон. И вдруг говорит таксисту:

— А вы знаете, кого на заднем сиденьи везете? Это же известный вор-рецидивист, он недавно освободился. Высаживайте-ка лучше его… Впрочем, если вы такие смелые, пересадите гражданина на переднее сиденье, нечего ему сзади делать!

Так мы и поступили, едем. Я хоть и сзади сижу, но сумки у двери держу, чтобы, случись что, выпрыгивать удобнее. А мужик таксиста подзуживает:

— Ох, развелись у нас в стране буржуи, богатеи, понимаешь ли…

Я, этот самый «буржуй» с двумя сумками, о котором попутчик говорит, в «напряге» прибываю. Хотя, потом думаю, чего боюсь-то? Только со сборов, в отличной физической форме. В смысле — черта с два меня догонишь. Но шутки шутками, а среди ночного

леса шофер останавливает такси и говорит мне:

— Слушай, у него что-то есть! Мы отбираем у таинственного пассажира нож, потом опасную бритву. Я держу, а таксист обыскивает и отбирает — решительный такой парень попался, слава Богу! А мужик-то был хоть и пожилой, но взгляд… Как бросит, так положит! Только когда у Луховиц наш попутчик вышел, а мы в окно его «инструменты» выбросили и уехали, спокойней стало. До сих пор вспоминаю об этом случае: «А если бы я на переднем сиденьи сидел? И не было бы милиционера?..» И думать об этом не хочется. Но Бог снова хранил меня.

Конечно, когда я приехал в Коломну и увидел дочку, все тревожные впечатления минувшей ночи быстро развеялись.

Если продолжить разговор о приятных воспоминаниях, но вернуться к футбольной теме, то обязательно надо рассказать о прощальном матче Льва Ивановича Яшина. К участию в нем под руководством Константина Ивановича Бескова пригласили динамовцев Москвы, Минска, Киева, Тбилиси. А нашими соперниками должны были стать звезды мирового футбола Иво Виктор, Джацинто Факкетти, Карл-Хайнц Шнеллингер, Франц Беккенбауэр, Бобби Чарльтон, Драган Джаич, Поль Ван Химст, Герд Мюллер. Как назло, мне нездоровилось — простуда, так что я не должен был выходить на футбольное поле 27 мая 1971 года. Но видя обстановку, в которой все готовились к этой игре, бесконечно уважая Льва Ивановича и помня о том, что честь сыграть в подобных встречах выпадает не каждому и, может быть, раз в жизни, все-таки настроился, решился и сыграл первый тайм знаменитого прощального матча знаменитого вратаря Льва Яшина. И очень благодарен судьбе, что она свела меня со старыми друзьями, да и игра оказалась очень интересной. Матч, естественно, прошел в дружеской обстановке, мы отдали все силы для того, чтобы показать красивый футбол, у нас была на это заряженность. То есть мы хотели, чтобы зрители увидели классическую игру. В случаях же, когда отсутствует плотная опека, защитники не «висят на ноге» и играют мастера, появляется больше возможностей распорядиться мячом. А для мастера — это хлеб насущный. Люди в возрасте, с мячом — артисты, что хочешь с ним могут сделать. И делали, и сделали. А передача вратарских полномочий в «Динамо» Львом Яшиным Владимиру Пильгую получилась бесконечно волнительной.

Но вернемся в наш, советский чемпионат. В принципе к смене тренера я отнесся спокойно, потому что считаю: на этой должности человек должен всегда себя чувствовать, как посол за рубежом — как бы оторванным от родины, являясь при этом ее полномочным представителем. Проще говоря, работать в

напряжении. Послов, чтобы они не привыкали к одной стране, чтобы глаз у них «не замыливался», в советское время меняли года через три-четыре. Так, наверное, необходимо поступать и с тренерами. Через какое-то время надо ставить кого-нибудь вторым или тренером-селекционером «под главного», готовить смену. Глядя на обстановку, которая сложилась сейчас с переходами главных тренеров по кругу из одной команды в другую или, наоборот, со слишком долгой работой одного человека с командой, думаю, что здесь свое слово должна сказать Федерация… Простите, Футбольный союз. Мне кажется, что, работая по много лет на одном месте, тренер не может в условиях монотонного тренировочного процесса и заботы о добывании очков привнести в команду что-то новое. Он вынужден оставаться в плену старых концепций, своих собственных наработок. Да и взаимоотношения в коллективе становятся порой слишком уж «домашними».

В Минске смену тренеров провели неудачно, и «Динамо» выскочило из высшей в первую лигу. Но судьба и здесь ко мне отнеслась благосклонно — пока я играл за главную команду Белоруссии, она всегда выступала в высшей лиге и занимала высокие места, достигла финала Кубка СССР. Жалко только, что чемпионами страны мы так и не стали.

Ушел я из команды не по доброй воле, а получив серьезную травму колена — мениск. У меня сразу атрофировалась нога, требовалась срочная операция. Но тут в Белоруссию приехала сборная СССР по гимнастике, а ее врач привез знаменитый, тогда только внедрявшийся аппарат Коца, с чудодейственным электромагнитным медицинским эффектом. Хорошо знавший меня доктор предложил: «Эдик, давай попробуем! Ты закачаешь мышцы, и мениск как таковой тебя тревожить не будет».

Я решился на это. И действительно произошло чудо — за двенадцать процедур больная нога стала толще здоровой за счет того, что нагрузку на нее аппарат давал в пять-шесть раз больше, чем возможно достичь, так сказать, естественным образом. И по сей день я не испытываю последствий той травмы, не считая побочного эффекта, выразившегося в расширении вен.

Но тогда я уже прекратил выступления за «Динамо», и меня сразу же стали уговаривать стать вторым тренером или начальником команды. Но я, решив стать тренером, после долгих раздумий пришел к выводу, что обязан начинать с самых низов, с детского футбола. И только пройдя все этапы, все классы тренерской школы, буду вправе работать с коллективом, подобным минскому клубу.

Я устроился работать в детскую спортивную школу, меня

назначили старшим тренером группы подготовки. Это по-теперешнему — «директор футбольной школы «Динамо»». Конечно, эти перемены сказались на моем жизненном уровне. Мне еще повезло, что сохранили милицейское звание, но, по-моему, это было справедливым решением, ведь я сделал не так уж и мало для главного белорусского «динамовского» клуба.

Началась жизнь без премиальных. Но текла зарплата, деньги за звание. Жить было можно, даже воспитывая детей, тем более что за курсом доллара тогда следить было не обязательно. Вспоминая начало своего тренерского пути, могу сказать, что в тот период времени я умудрился, наверное интуитивно, не допустить грубых ошибок в работе, хотя был всего лишь молодым специалистом, только что закончившим вуз. Но главное, понимаю, что поступил правильно, когда взялся за детский футбол. Собрал две группы ребят — 1958 и 1959 годов рождения, — хотя как старший тренер мог этого не делать, и вел их. А еще могу сказать без бахвальства, за дело сразу же взялся очень серьезно. Но вот отношение многих тренеров к своей работе меня удивило. Тогда считал и до сих пор уверен, что с детьми надо работать с той же отдачей, как со взрослыми. Надо честно отрабатывать свой кусок хлеба. Моя позиция вскоре дала о себе знать. Если поначалу некоторые тренеры задавались вопросом, почему на должность главного назначили молодого специалиста, хотя в школе были более опытные люди, то потом все согласились с моим назначением. «Да, — говорили, — Васильич, правильно, ты должен быть главным тренером».

И у нас в школе быстро водворились мир и дружба. Я отвоевал хорошее помещение, поставил парты и столы, ученики после тренировок выполняли домашние задания. Уроки мы делали вместе, я стал снова заниматься школьной программой, личным примером показывая, что повторенье — мать ученья. Потом озаботился такой проблемой: зачастую ребята приходили из школы проголодавшиеся, перехватывали чего-нибудь на ходу. У нас появился дежурный, мы собирали по двадцать-тридцать копеек, покупали котлетки, пирожки. Так что график занятий получился следующим: еда, уроки, тренировка. Когда тренировки летом стали двухразовыми, мне удалось после переговоров с родителями наладить и полноценное питание. Соответственно повысился эффект учебно-тренировочного процесса. А внутри нашего коллектива возникло чувство настоящего товарищества. Мне же все произошедшее позволило обрести себя — ни больше ни меньше. В день игры за несколько часов до матча мы с ребятами отправлялись в кино. Я им специально фильмы подбирал — приключенческие, динамичные, бодрые такие, чтобы

нервишки подергать и дать заряд эмоций на предстоящую футбольную встречу.

И все же в своей работе я больше задавался вопросами, чем получал на них ответы. Только начав разбирать уроки великих тренеров, рассматривая их через призму собственного труда, понял, насколько это серьезно — быть тренером. Вот, например, банальная игра в стенку. Сейчас любой обыватель готов объяснить, что это такое, показать на практике. И его показ окажется совершенно неправильным, неприменимым в ходе матча. А правильная игра в стенку состоит из тысячи мелочей, включающих передачу, положение тела, последующий прием мяча. И, по большому счету, эта самая игра в стенку — вещь очень сложная. Но я уверен, что не многие тренеры это понимают, быть может, потому что им самим не пришлось получить соответствующие уроки у тренеров старшего поколения.

Мой объем знаний был не очень-то большим, но и он скоро дал положительный эффект. В сильном по составу участников первенстве Минска моя команда с одного из последних мест переместилась в лидеры, а по итогам сезона заняла первое место. И я очень гордился этой победой. Мне пришлось на практике познакомиться со всей структурой школьной работы, и это дело мне нравится до сих пор. Хотите верьте, хотите нет, но я с удовольствием стал бы сейчас школьным учителем физкультуры, если бы не материальная сторона. У меня есть своя система преподавания физкультуры в школе. Я бы добился, чтобы на уроках физкультуры психика ребенка отдыхала, чтобы этот урок стал для него подарком, отдыхом, переключением от умственной к физической деятельности. Достичь этого можно, только вкладывая в работу всю душу. Да, понимаю, учителям физкультуры сейчас очень мало платят, а материальная спортивная база во многих школах пришла в запустение. Но никакими деньгами не превратишь неправильный учебный процесс в правильный, вот о чем я хочу сказать. Зарплата зарплатой, но…

Что же касается работы в минской «динамовской» футбольной школе, то, естественно, моя популярность игрока помогала мне. Помещение я «пробил» для ребят одно из лучших. Супруга помогла мне его оформить, украсить. Мы на это ни у кого денег ни копейки не попросили, все сами устроили — занавесочки повесили, разместили на стенах фотостенды. Все удивлялись: «Ах, как красиво! Как вам это удалось?» А просто я был фанатом своей профессии. И мне кажется, человек, работая с полной самоотдачей, всегда может добиться успеха в любой области.

Думал ли я, восстановившись после травмы, о возвращении в большой футбол? Пожалуй, что и нет. Во-первых, я не был согласен с новой тренерской концепцией людей, ставших у руля клуба; во-вторых, общение с детьми приносило мне истинное удовольствие; а в-третьих, во время моего последнего игрового сезона в «Динамо» появилось столько необстрелянной молодежи, что пришлось отдавать на поле много сил, тащить команду, брать на себя огромный объем работы.

В это время я столкнулся с тем, что в рекомендуемом учебно-тренировочном процессе не сходятся концы с концами. Понял это, когда начал серьезно составлять конспекты занятий. Спросил у более опытных тренеров: «Почему так?» А мне ответили: «Да ладно тебе, напиши конспект, и будет, и хватит. Чего тут думать «зачем» да «почему»!»

Так меня «зацепило» подобное отношение к работе, что я заставил всех тренеров школы приходить на работу к девяти часам утра, даже если занятия у них были вечером, и составлять конспекты тренировок. Не для отчетности, а чтобы никто из них не выдумывал план занятий как придется. Но и сам чувствовал, что грамотенки у меня маловато, хотя институт закончил. Стал ездить на разные семинары, которые проводились в Белоруссии, Москве и Ленинграде, черпая знания по крупицам. Мне везло. Например, в институте имени Лесгафта курс скоростно-силовой подготовки читал Юрий Андреевич Морозов. Помню, что я так «поймал» его идеи, так прочувствовал их, что сам потом в Минске не раз с лекциями на эту тему выступал. И многие стали эту методику применять, постепенно стали появляться свои наработки — мы познавали науку и двигали ее вперед.

А в начале 1974 года главным тренером «Динамо» был назначен Михаил Георгиевич Бузененков — патриарх белорусского футбола, заведующий кафедрой Минского института физкультуры, опытный специалист, поработавший в Бирме и Индонезии. Он, будучи личностью неординарной, даже внешне был эффектным человеком, умел как-то сразу заставлять относиться к нему с уважением. Вторыми тренерами в команду Бузененков пригласил моего бывшего партнера по «Динамо» Леонарда Адамова и меня. Я согласился при условии, что буду отвечать за дубль. Перед командой была поставлена задача вернуться в высшую лигу. Прошло какое-то время, я тренировал дублирующий состав, иногда поигрывал с ребятами как футболист — держал форму, травмированная нога не подводила. Примерно после десяти туров ко мне подошел Михаил Георгиевич и сказал: «Эдуард, давай помогай! Иди в основу играющим тренером!» Как я мог отказаться?! Правда, опять

условие поставил дубль не бросаю. В первом же матче за основу забил два мяча в Куйбышеве «Крыльям Советов», а к концу сезона стал главным бомбардиром клуба.

ГЛАВА 7
ТАК СРЫВАЮТ ПОГОНЫ, ИЛИ КАК Я ОПРОВЕРГ ВЫСОЦКОГО

Завершился сезон 1974 года, выйти из первой лиги в высшую минскому «Динамо» не удалось. Чтобы все-таки решить эту задачу, на пост главного тренера был приглашен Евгений Иванович Горянский — известный специалист, который успел поработать и с ленинградским «Зенитом», и со сборной страны. То есть тренер, чье имя было, как говорится, на слуху. Вторыми тренерами остались мы с Леонардом Адамовым. Я по-прежнему отвечал за дублирующий состав, однако понял, что карьеру действующего футболиста пора заканчивать.

Мне было тяжело выходить на поле, зная, что не могу действовать в полную силу. Ведь проведя практически без травм столько игр в чемпионатах страны и за сборную СССР, теперь я был вынужден играть на уколах. Сказывался пусть и «закаченный», но дающий о себе знать при больших нагрузках мениск, да и перерыв, связанный с тренерской работой в детском футболе, отрицательно отразился на моей спортивной форме. Увы, но я набрал два-три килограмма явно лишнего веса, и поэтому мне перед выходом на поле устраивали обезболивающую «блокаду» уколов. К решению уйти из большого футбола меня подтолкнуло и то, что я не смог реально помочь команде, так и оставшейся в первой лиге. Ей, правда, не хватило для шага вверх всего одного очка, но — не хватило ведь…

Однако тут судьба захотела сыграть со мной злую шутку. Только я полностью переключился на работу с дублем, как Федерация футбола решила исключить из соревнований турнир дублеров клубов первой лиги. Вторые команды были расформированы, каждый стал волен решать, как готовить резервы. В минском «Динамо» бывший дублирующий состав был «запущен» для участия в первенстве республики. Эту команду я и возглавил, пересекаясь с основным составом только во время подготовительного периода или выезда на сборы. Самостоятельная работа сразу же заставила меня относиться более критично и к своей тренерской деятельности, и к поступкам моих подопечных футболистов.

Как раз тогда я был избран секретарем парторганизации минского «Динамо» и к исполнению этой должности, естественно,

приступил ответственно. Думаю, это должно быть правилом для всех и во всем — исполнять свои обязанности ответственно. Но сейчас хочу сказать о другом. Да, теперь я раскаиваюсь, что был членом КПСС. Однако раскаиваюсь не с политической точки зрения, а с христианской. Я могу вспомнить о многом хорошем, что осуществили настоящие коммунисты, но это учение антихристианское, оно ставит человека на место Бога. Более того, коммунисты отнимали у человека Бога… Хотели отнять, но не смогли. К сожалению, я понял это позже, когда окунулся в христианство, узнал его историю, стал понимать его истоки…

Но, возвращаясь к футболу, еще раз повторю, что к обязанностям секретаря парторганизации я отнесся со всей возможной серьезностью.

Заметив как-то на сборах, что дисциплина в команде стала хромать, я сказал Горянскому: «Евгений Иванович, надо провести собрание, ребята ведут себе недостойно, позволяют себе недопустимые шалости». На это Горянский мне ответил, что на любом предприятии за все отвечает директор, а в нашем случае директором является он и ему решать, когда созывать собрания. Сказано это было без тени хамства, но решительно. Я, молодой специалист, заявил: «Тогда разрешите мне уехать со сборов. Я не согласен с вами и не хочу продолжать работу».

Ну как-то нас помирили, и я, «проглотив пилюлю», остался. Теперь, вспоминая ту ситуацию, считаю: я был прав, но еще в большей степени был прав Евгений Иванович, прав как главный тренер. Хотелось мне по молодости все и сразу решить самому, был в этом момент самоутверждения. Что ж, я получил жизненный урок, и хорошо, что сделал из него правильные выводы. В дальнейшем мы прекрасно работали с Горянским. Хотя наши стежки-дорожки и разошлись — дубль, как я говорил, играл в первенстве республики, основная команда — в первенстве страны. Я получил гораздо большую свободу для творчества, чего, не скрою, очень хотел.

С Евгением Ивановичем у нас сохранились прекрасные отношения. Я могу вспомнить его исключительно как честного и порядочного человека, опытного специалиста. Да, некоторые вещи в проводимом им учебно-тренировочном процессе мне казались спорными, но, во-первых, у каждого тренера существует свой взгляд на работу с командой, а во-вторых, мне тогда еще грамотенки тренерской не хватало. Слава Богу, интуиция не подводила.

Здесь показательным может быть такой случай. Однажды, на проводимой мной тренировке, врач команды пожаловался Горянскому: «Что делает Эдуард Васильевич?! Он же ребят

загонит! Разве можно работать на пульсе 180 и выше так долго!»

Когда мы стали разбирать и анализировать ситуацию, я в какой-то мере усомнился в своей правоте, но потом подумал: «Нет, не может быть. Я же только с курсов вернулся, узнал много нового!» А вот слова врача породили сомнения в правильности моей работы у Евгения Ивановича, тем более что аргументированно отстоять свою точку зрения я не мог. Часа два мы сидели. Сначала Горянский с доктором разбили меня в пух и прах, но потом, продолжая дискуссию, наш «консилиум» пришел к выводу, что я имел право проводить именно такие тренировки. Только при условии жесткого врачебного контроля, который не позволил бы «посадить» ребятам сердечнососудистую систему.

Как практик я сделал правильное открытие, но теоретически еще не мог его обосновать. Хотя вроде бы все открытия в мире так и совершались, вот в чем штука-то! Вспоминаю я подобные казусы и думаю: «Господи, это же такие элементарные вещи, а я тогда не мог их объяснить. Мучился один на один с собой». Значит, фундамент у моих знаний был не такой уж прочный, песчаный он был фундамент этот. Надо было его сцементировать, заложить прочней. И теперь, когда вижу, что молодые тренеры попадают в аналогичные ситуации, я всегда стараюсь перехватить инициативу, помочь им, практикам, преодолеть незнание теории. Вспоминая себя в молодости, стараюсь взять на себя их треволнения в подобных случаях.

Именно с «динамовским» дублем я добился первого серьезного тренерского успеха — мы стали чемпионами республики. А ведь противостояли нашей команде, основу которой составляли восемнадцати-девятнадцатилетние ребята, взрослые коллективы, где было немало опытных футболистов, проявивших себя на более высоком уровне. Успеха добился и основной состав «Динамо», завоевавший путевку в высшую лигу.

Но я был неудовлетворен происходившим в нашем клубе, видел — что-то не так, несмотря на успех. Это было какое-то необоснованное чувство. Подобные переживания заставили меня обратиться к Горянскому с такими словами:

— Евгений Иванович, я не хочу чтобы в дальнейшем хоть кто-то мог сказать: «Малофеев настроен против вас. Он мешает вам в вашей работе». Еще больше я не хочу, чтобы у вас лично был повод так думать. Не дай Бог, чтобы у меня проскочило осуждающее вас каким-то образом слово… В общем, я хочу попробовать поработать самостоятельно.

В ответе тренера проявилась та порядочность, о которой я говорил. Он сказал:

— Я хорошо вижу, что ты мучаешься, переживаешь. Все

правильно. Думаю, ты хочешь идти по пути, которым шел я. Да, тебе стоит поработать одному.

Так в конце 1975 года я принял команду брестского «Динамо». Это была моя первая настоящая взрослая команда, с которой я работал в качестве главного тренера.

В середине декабря мы отправились на сборы. Тогда было модно ездить на длительные сборы — по месяцу, по два. Сейчас я противник такого ведения учебно-тренировочного процесса, но в 1975 году я в какой-то степени копировал старших коллег, не зная досконально физиологии. Потом, когда круг моих знаний стал значительно шире, когда вместе со знаниями ко мне пришла способность обосновывать свои действия, я всегда старался не вывозить — точнее, не вывозил — никуда ребят дольше чем на две недели. Но тогда…

В январе мы поехали на Украину, и эти сборы у нас прошли очень хорошо. Молодость и неопытность в теоретическом плане я компенсировал страстным желанием работать. Мы играли с приличными украинскими командами первой и второй лиг. По своему содержанию это были хорошие матчи — отличное подспорье на пути обретения своего тренерского «я». Выступили мы прекрасно, и казалось, сил и энергии у нас хватит, чтобы начать «на ура» игры первенства.

Но в марте я узнал, что в Москве открывается Высшая школа тренеров, и не задумываясь ринулся туда. Хотя пришлось преодолевать серьезные препоны. Как только я официально объявил, что поеду учиться в ВШТ, раздался звонок из Минска. Звонил председатель Белсовета «Динамо», который в жесточайшей форме сделал мне выговор:

— Для кого мы, понимаешь, команду брестского «Динамо» делали?! Ты что, Малофеев, такой неблагодарный человек?! Ты почему так ведешь себя?! Ты всегда был такой — взбалмошный и неуправляемый!

Я ответил:

— Знаете, я, по-моему, доступно объяснил, почему мне необходимо ехать в Москву. Ваши разговоры в таком тоне я слушать не хочу. Я еду учиться в Высшую школу тренеров.

— Тогда мы снимем с вас звание, — официально заявил он.

— Снимайте!

И сняли.

Так я оказался единственным человеком среди всех футболистов, игравших раньше за «Динамо» или армейские клубы, который учился в высшей школе тренеров без звания. В одночасье меня сделали лицом гражданским, аннулировав весь срок моей службы и капитанское звание. Пенсии, естественно,

никакой при таких условиях мне не полагалось. Обидно, конечно, было. И нелегко — жить на одну стипендию. Потом, когда я окончил ВШТ, меня встретил Петр Миронович Машеров и спросил:

— Почему же ты ко мне не пришел, не пожаловался, не объяснил происходящее?

— Петр Миронович, — ответил я. — Видимо, так я устроен, что никогда не жалуюсь. Не привык. Да и не хотел я ни на кого жаловаться, я одного хотел — учиться. Теперь закончил школу и надеюсь, что потверже как тренер стою на ногах.

Моими однокашниками в первом наборе высшей школы тренеров оказались прекрасные футболисты, многие из которых успели поработать с командами в качестве тренеров — Павел Садырин, Виктор Прокопенко, Владимир Федотов, Николай Киселев, Геннадий Костылев, Гаджи Гаджиев, Виталий Хмельницкий и другие уважаемые мной тренеры. Школа собрала ребят, которые действительно хотели учиться! Это меня очень обрадовало. Ведь, знаете, при выборе нового жизненного пути можно быстро разочароваться, понять, что ошибся, пошел не туда. К счастью, попав в Высшую школу тренеров, я понял, что пошел именно туда, куда мне было нужно.

Как только начались занятия, учеба сразу отвлекла меня. Преподаватели в ВШТ подобрались изумительные. Это и Лев Павлович Матвеев, читавший теорию физвоспитания, и физиолог Яков Михайлович Коц, и биохимик Николай Иванович Волков, это и Владимир Михайлович Зациорский, который великолепно донес до нас, что же такое — управление спортивной тренировкой. То есть в Школе работала целая плеяда выдающихся людей, каждый в своей области, в своих науках. Преподаватель педагогики Михаил Ефимович Станкин был ходячей энциклопедией. Как он строил преподавание своего предмета! Цитаты из классики на все случаи жизни, великолепное знание поэзии, афористичность мышления, умение мгновенно привести поясняющий теорию пример. Я заслушивался на его занятиях! Их, кстати, никто из нас никогда не пропускал. Ну разве что в случае форс-мажорных обстоятельств.

Когда теперь некоторые тренеры признаются, что поступают в ВШТ лишь для получения «бумаги», проводят в Школе время, ожидая предложений от клубов, я решительно заявляю, что такие горе-тренеры испохабили школу. Другого определения их действиям подобрать, уж извините, не могу! Нельзя было этого допускать, надо было строже производить отбор слушателей…

А свои лицейские годы, именно так мне хочется называть время, проведенное в ВШТ, я вспоминаю с теплотой… Вот мы

после занятий и ужина собираемся в холле; естественно, что в разговоре затрагивается какая-нибудь из животрепещущих для нас футбольных тем. Я начинаю отстаивать свою точку зрения, а мне говорят: «Эдик, ты еще молодой, ты еще не обтерся в тренерском деле, не оббился о жизненные углы, ты еще многих вещей не знаешь». Но уж что-что, а принципиальность во мне всегда присутствовала, так сказать, в полном объеме. Я стою на своем, доказываю свою правоту. Сами собой создаются два лагеря — спор идет стенка на стенку… В хорошем смысле этого слова, но до полночной хрипоты. Потом мы отправляемся спать — перефразировав известное выражение, «уставшие, но хорошо поспорившие». А утром опять на занятия.

В выходные мы выбирались за город или устраивали воскресные обеды в общежитии. Правда, я в основном на выходные уезжал домой, к семье в Минск, но уж если оставался, то от коллектива не отрывался. Погулять мы тоже умели неплохо! Помню, ребята с ташкентского направления делали прекрасный плов, мы, представители средней полосы России, отвечали за салаты. Потом все вместе садились за стол, ну и выпивали, конечно… И о чем возникал разговор за столом? Правильно, о футболе!

К нашим спорам вскоре присоединились хоккеисты — их первую группу набрали на полгода позже нашей, и мы с ними устраивали настоящие мини-Олимпиады. Соревновались в легкой атлетике, шахматах, игровых видах спорта. В общем, в Школе царили доброжелательность и дух искреннего спортивного соревнования, не могу вспомнить ни одного скандала и каких-либо склок.

К экзаменам мы готовились обстоятельно, причем меня ребята обычно «выталкивали» сдавать экзамен первым из потока. «Давай, Василич, — говорили. — Иди! Убей предэкзаменационный мандраж!» Перед сдачей сессии бывшие футболисты волновались ничуть не меньше, чем перед стартом очередного сезона.

А преподаватели относились к нам душевно, иначе не скажешь. Никогда не торопились, преподнося новый материал. Если кто-то чего-то не понимал, тема разбиралась досконально, по косточкам. Например, на теории физвоспитания, разбирая скоростно-силовую подготовку, мы получили знания из биохимии о биохимических процессах, происходящих в организме, об особенностях энергообеспечения спортсменов при работе в этом режиме.

Но мы не только посещали занятия, сдавали экзамены, но и активно поддерживали спортивную форму. Вставали в

полшестого утра, часиков в шесть начинали пробежку, потом на маленькие ворота в футбол, в «дыр-дыр» поиграем, и в Школу отправляемся с отличным зарядом бодрости. Такой образ жизни приветствовали преподаватели, они помнили нас действующими футболистами и сами были не прочь встретиться с нами на футбольном поле после занятий.

Получали мы уроки и на личных примерах. Курс врачебного контроля нам читал профессор Владимир Львович Карпман. Он вспомнил, что в сборной страны, когда я только был включен в нее, у меня была отрицательная кардиограмма. Карпман логически объяснил, почему это произошло — потому что неправильным было чередование нагрузок. С тех пор я всегда в своей работе стремлюсь к тому, чтобы, не дай Бог, не «загнать» игроков, и всегда требую с врачей особой внимательности к состоянию футболистов. Ведь при нынешнем техническом оснащении ведущих клубов никаких проблем не должно возникать, скажем, с ежедневным контролем электрокардиограммы. Надо помнить, что здоровье футболистов — залог успеха клуба. Как же можно не следить тщательно за динамикой состояния тех, кто делает игру?! Профессор Карпман как раз этим проблемам уделял много внимания. Мы научились не спрашивать у врачей команды что-то вроде: «Ну как дела со здоровьем футболистов?», а требовать необходимых данных.

А как великолепно преподавал нам педагогику Станкин, блестяще совмещая теорию с практикой! Он конструировал различные тупиковые ситуации, заставляя нас на занятиях решать воспитательные проблемы. Причем так, как сейчас предлагают модные ролевые игры. На практических занятиях мы знакомились с различными приборами и тренажерами, которые тогда только появлялись в футбольных клубах. Например, с «Кардиолидером», позволявшим проводить беговую тренировку на одной пульсовой стоимости спортсмена и дающим звонок, как только человек начинает «сачковать».

Побывал я и на зарубежной стажировке с Юрой Литвиновым; дай Бог, чтобы земля была пухом этому недавно умершему хорошему человеку. В Голландии мы в течение двадцати дней знакомились с учебно-тренировочным процессом клуба «Твенте». Честно говоря, он удивления у меня не вызвал, чего нельзя сказать о всей профессиональной организации клуба. Побывали мы и на тренировке знаменитого «Аякса». Страна тюльпанов приглянулась нам чистотой, аккуратностью и, чего уж тут, изобилием товаров и продуктов в магазинах. Впрочем, теперь в этом вопросе мы Голландию, наверное, почти догнали. Жаль, что эта стажировка была короткой. За двадцать дней в чужой стране и

в чужом футболе можно кое-что посмотреть, что-то взять на заметку, но понять структуру учебно-тренировочного процесса, почему он именно такой, а не иной, успеть сложно.

Были у нас стажировки и в наших командах. Я проходил ее в минском «Динамо». В это время главным тренером команды был Олег Базилевич. «Олег Базилевич и его команда» — так, наверное, правильнее будет сказать. В ходе стажировки ко мне в «Динамо» относились прекрасно, и я хочу поблагодарить за это и Олега Петровича, и Анатолия Михайловича Зеленцова. К тому времени я уже забыл о нанесенных мне в Белоруссии перед отъездом в ВШТ обидах, настраивался на самостоятельную работу. И хотя я с уважением относился к деятельности Олега Базилевича, но видел, что учебно-тренировочный процесс можно улучшить.

Вспоминаю, как Леонард Адамов рассказывал мне о четкой работе, организованной в клубе, а я отвечал:

— Лера, можно лучше! Намного лучше!

Он удивлялся:

— А как лучше-то, Василич!

Я же ему обещал:

— Ну потом посмотришь. Дай Бог, закончу школу, мы вместе с тобой поработаем. Тогда и увидишь!

Увы, поработать нам вместе не удалось. Лера трагически погиб примерно за месяц до защиты мной диплома. Это событие глубоко ранило мою душу. Леонард был мне настоящим другом, настоящим футболистом. Мы ведь вместе перешли в Минск из московского «Спартака», были знакомы долгое время, я хорошо знал его родителей. На одного друга стало меньше у меня в этой жизни. Переживал я еще из-за того, что недели за две до гибели Лера звонил в Минске моей супруге, хотел связаться со мной. Но не поставил вопрос ребром, и жена не позвонила мне в Москву. Может, наша встреча все изменила бы в судьбе Леонарда? Я даже покаялся в церкви, но священник объяснил мне, что это уже Божья воля. Что ж, пусть так, но мне от этого не легче.

А тогда, перед завершением практики в «Динамо», Базилевич и его помощники, сватали меня на должность начальника команды по окончании ВШТ. Второй раз меня на эту работу приглашали! Почему? Может, хотели мои связи, мой авторитет для дела использовать? Но Господь вел меня по своей дороге, и я отказался от реальных денег и перспектив. Теперь я только радуюсь тому, что тогда не поддался на уговоры, не свернул на боковую тропинку, ведь мечтал я о самостоятельной работе.

Итак, приближалась защита диплома. Моя работа была посвящена качествам, необходимым форварду; к ее написанию мой научный руководитель Михаил Семенович Бриль и я сам

подошли очень требовательно. А потому исследование получилось на уровне кандидатской диссертации, это уже не мое мнение, а достаточно высокой комиссии. Я протестировал по различным методикам всю сборную страны, практически все клубы высшей лиги.

Вспоминаю, как мы сдавали государственные экзамены, как волновались. Не обошлось без казусов. Один молодой тренер так разволновался, что долго не мог выдавить из себя перед экзаменационной комиссией ни слова. Хотя чему тут удивляться, комиссия-то была какая: председатель спорткомитета СССР, патриархи тренерского цеха страны, высокие начальники из Федерации футбола. Но члены комиссии поняли причину такого волнения и по-доброму предложили: «Ничего страшного. Идите, погуляйте немного в коридоре, успокойтесь». И человек по возвращении хорошо справился со всеми экзаменационными вопросами.

Я об этом потому вспоминаю, что еще раз хочу сказать: отношение к нашему образованию не было формальным, преподаватели были заинтересованы в том, чтобы мы получили качественные знания. Не зря ведь нас приглашали на заседания тренерского совета Федерации футбола, где присутствовали такие мэтры, как Бесков, Якушин, Качалин, Маслов. Обсуждался календарь чемпионата, проблемы тренерского и судейского корпуса, решения, направляемые в ФИФА. На заседаниях Совета мы были желанными гостями, слушали, учились аргументированно, взвешенно и спокойно отстаивать свою точку зрения, идти, если надо, на разумные компромиссы, не бояться доказывать свою правоту людям, облеченным властью в масштабах страны. Это была учеба, которую бескорыстно давал нам высший свет советского футбола.

А потом я первым на курсе защитил дипломную работу, защитил ее на отлично. И мне приятно, что моя тяга к знаниям была отмечена тем, что мне выдали диплом № 1 об окончании Высшей школы тренеров.

Да, о Школе я могу вспоминать и вспоминать, рассказывать долго. Но завершить воспоминания о тех годах мне хочется вот каким рассуждением. В ВШТ я очно учился два года, то есть на два сезона я был оторван от проблем клуба и получил возможность посмотреть на футбол со стороны, оценить судейство, действия игроков беспристрастно. Два года очного обучения — немалый срок, чтобы все изучить, понять, взвесить. Заочная учеба тоже дело хорошее, но продуктивнее быть оторванным от ежедневных проблем внутреннего чемпионата. Каждый тренер обязан выходить из ВШТ со своим пониманием

учебно-тренировочного процесса и педагогическим багажом. Педагогика — такой багаж… Тащишь, тащишь его, а бросить нельзя — каждая мелочь может пригодиться. А еще можно ее, педагогику, сравнить с работой фокусника. Вот он делает вроде бы ненужные движения, отвлекает ваше внимание на свою шляпу, а потом, бац — и достает из рукава двух голубей, трех кроликов и шесть букетов цветов!

И еще. Хорошо бы понять тренерам, что, идя каждый раз на работу, они идут в школу. Потому что каждая тренировка должна ставить перед ними новые проблемы. Но и с тренировки тренеры должны возвращаться как из школы — обогатившись сделанным, увиденным, прочувствованным.

Из Высшей школы тренеров я вышел со своими принципами игры — и морально-нравственными, и технико-тактическими. Я крепче встал на ноги как тренер и начал творить. Хотя некоторые считали, что не творить, а чудить, потому что им, так считающим, были непонятны и многие вопросы тактики, и то, как нужно готовить игроков к матчу психологически, и многое другое.

Защитив диплом в Высшей школе тренеров и вторично отказавшись от должности начальника команды в минском «Динамо», я вернулся туда, откуда ушел, — в «Динамо» брестское. Вернулся главным тренером, понимающим, что творческий поиск нельзя прекращать ни на минуту, что учебно-тренировочный процесс можно совершенствовать до бесконечности, что следует работать во взаимодействии с тренерами из других видов спорта. По возвращении в Брест мне было присвоено очередное звание, я стал майором внутренних войск. Так я опроверг слова из песни Владимира Высоцкого: «Капитан, никогда ты не станешь майором!» Я стал. Да еще успел побыть между «капитаном» и «майором» два года гражданским человеком.

ГЛАВА 8
ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ — ВЫИГРАТЬ ВСЕ!

В брестское «Динамо» я пришел с твердым убеждением, что в футболе — настоящем футболе — мелочей не бывает. Попав с корабля на бал, я столкнулся с реальными проблемами. Команда готовилась к предстоящему сезону, и я считал, что присутствие на базе посторонних недопустимо. А посторонними оказались люди из местного динамовского руководства, которые любили по выходным вырваться из городской суеты, попариться в бане на базе. В первый же такой выходной я заявил: «Когда команда тренируется, на базе нет места никакому веселью». Заявил и вскоре почувствовал, что отношение ко мне местного руководства «Динамо» стало негативным.

Однажды, когда я приехал в Брест из Минска, на вокзале меня никто не встретил, квартира была еще не готова, а заказать для меня гостиницу никто не удосужился. Пришлось ночевать на вокзале, что было не столько неуютно, сколько до боли обидно. Я ведь старался все свои силы отдать делу, подчинить все командным интересам, а тут такое! Но я был молод и из этой обиды вынес только одно: надо крепче закусить удила и работать, работать, работать — не обращая внимания на отношение ко мне руководства.

Я вызвал в Брест супругу. Она сняла со сберегательной книжки последние деньги, мы поселились в лучшем номере лучшей гостинцы Бреста. Я продолжал работать с командой. Через некоторое время начальство обратило внимание на эту ситуацию, принесло извинения. Но натянутость в наших отношениях сохранялась весь период предсезонной подготовки и даже в начале первенства.

Естественно, мы поехали на сборы. Мне удалось «затравить» ребят на интенсивную работу. Я хорошо знал весь белорусский футбол и пригласил в Брест много перспективной молодежи, тех, кого я помнил еще по выступлениям на первенство республики. Для меня было самым важным, чтобы футболист обладал скоростными качествами, вот я и пригласил в команду «скоростников» Витю Сокола и Колю Сытика. Пригласил перспективных, на мой взгляд, Валеру Мельникова и Сережу Гоцманова и угадал, что они могут совершенствоваться. Потом они поехали со мной в Минск и помогли в становлении минского «Динамо».

На сборах мы обыграли всех соперников. Я был так воодушевлен этими победами, хорошей игрой, а еще тем, что мы начинали сезон играми в Бресте, что… допустил грубейшую ошибку. Моя самоуверенность сыграла со мной злую шутку, когда я подумал, что уже могу и умею все. Наращивая атакующий потенциал команды, я поручил обязанности заднего центрального защитника одному из центральных нападающих, правого полузащитника поставил правым защитником! И вот в стартовом домашнем матче с ивановским «Текстильщиком» мы проигрываем со счетом 0:3. Чего ж удивляться тому, что негативное отношение ко мне руководства местного «Динамо» проявилось со всей силой. Мне сказали: «А ты думал, что семи пядей во лбу! — Прямо так сказали, не в бровь, а в глаз. — Тебе еще посмотреть надо, как все это в футболе делается, прежде чем мнить себя великим специалистом. Набьешь ты еще себе шишек».

Мое тогдашнее состояние можно охарактеризовать одним словом — оно было «страшное». Я откровенно и очень-очень сильно переживал неудачу. Но помогли люди, окружавшие меня. Это, конечно, были и супруга, и второй тренер Иван Григорьевич Щекин, и Леонид Павлович Гарай, бывший директор местной футбольной школы, которого я пригласил на должность начальника команды. Они поддержали меня, помогли собраться с мыслями. Хотя и от них я принял солидную порцию критики.

Сначала на их упреки в том, что ломка хорошей, сбалансированной игры оказалась слишком резкой, я упрямо отвечал: «Надо наращивать атакующий потенциал, необходимо его наращивать». Однако потом вернулся к той расстановке сил на поле, какая у нас была в лучших предсезонных играх. После этого брестское «Динамо» выиграло подряд 13 (тринадцать!) матчей первенства, а к концу первого круга делило вершину турнирной таблицы с воронежским «Факелом», который тоже стремился прорваться из второй в первую лигу.

Между тем к середине сезона в минском «Динамо» увидели, что возвращение в высший дивизион оказывается под вопросом — команда шла на шестом месте. Тогда мне позвонили из столицы Белоруссии и предложили: «Эдуард Васильевич, мы предлагаем вам возглавить команду. Вы согласны?»

Здесь надо сказать, что я знал о том, что в минском «Динамо» меня считают человеком неуравновешенным, неуправляемым и взбалмошным. Я же считал, что являюсь темпераментным, экспансивным и неуступчивым. Чувствуете разницу?! Бывали у меня такие случаи, еще когда я работал с дублем, что приходилось это самое динамовское руководство с тренировки удалять. Чем-то это напоминало поведение Константина

Ивановича Бескова в Лужниках — я рассказывал эту историю. Вот и мне пришлось сказать своему начальству на пороге тренировочного зала: «Здесь работаем мы, а вы в это время не имеете права сюда входить!»

Не любит начальство такие слова, оно любит, когда перед ним на цыпочках бегают, стул и то, чем на нем сидят, в зеркальный блеск приводят. Но мой успех в Бресте был налицо, ребята, которых я пригласил в команду, росли в мастерстве как на дрожжах, и, самое главное, был у команды результат. Моих подопечных уже пытались в Минск переманить, а я отвечал: «Подождите! Им еще надо обрести мастерство. Конечно, они будут играть в Минске, но пока им надо хорошо сработать в этом сезоне».

Как бы то ни было, в середине сезона-78 меня пригласили в минское «Динамо». Приезжаю, принимают радушно. Единственное, что мне не нравилось — постоянные напоминания о моей молодости, о том, что в одной ситуации лучше поступить так, а в другой — этак. Ты не делай, как делали твои предшественники. Этого не делай, этого и этого, как с ребенком, ей-богу, разговаривали!

Я окрысивался. Мне тогда говорили: «Ну что ты так сразу! Вот ты какой был, такой и остался. Ты лучше слушай, что тебе говорят». Надо было отвечать. Отвечал: «Я могу вас слушать, но вы же иногда такие бредовые идеи высказываете, ужас! Я профессионал, закончил Высшую школу тренеров, не надо мне мешать. Да вам это и не удастся, я вас к тренировочному процессу и подпускать-то не буду».

То есть работать вместе мы начали, но отношения с руководством первое время оставались холодными.

Команде надо было ставить игру. Мне не нравилась та структура игры, которую мне оставили предшественники. Это было, так сказать, «киевское направление», с четким распределением обязанностей и жестко ограниченной свободой футболистов на поле. Я в какой-то степени раскрепостил игроков. Да, от них по-прежнему требовалось выполнение обязательного, но обязательной стала и импровизация. Футболист сам должен домысливать игру в различных ситуациях, искать и находить смену позиций в соответствии с развитием каждого игрового эпизода. Так мы и попробовали играть. И в тот же год нам удалось выйти о высшую лигу. За полсезона удалось. Я не считал, что сделал почти необыкновенное, совершил подвиг. Ведь команда как таковая была и до меня, я говорил и буду говорить, что и минское «Динамо» пришел но на пустое место.

Брестский же клуб, где остался работать Щекин, закончил

сезон на втором месте. Что ж, Воронежская область покрупней Брестской будет, да и поближе к Москве Воронеж расположен, поближе к Федерации футбола. Тогда я стал понимать, что подобные неигровые факторы тоже имеют значение. Но вот в следующем сезоне пять ребят из Бреста неплохо в высшей лиге заиграли, а из Воронежа-то там никто не проявился. Еще раз спасибо тебе, Брест, за то, что ты закалил во мне бойцовские качества.

Что же касается Минска и моего довольно холодного отношения с руководством «Динамо», это никоим образом не сказывалось на той постоянной помощи, которую оказывала республика своей главной команде. Помогали все — и Белсовет «Динамо», и спорткомитет Белоруссии. Естественно, что по случаю нашего выхода в высшую лигу был устроен пышный банкет. По привычной схеме, когда первые лица республики и прочие руководители, поздравив команду с успехом, вскоре оставили нас одних. Конечно, застольная беседа стала более откровенной, а в этот раз даже более чем откровенной.

Ко мне подошли представители старшего поколения команды, «зубры», и завели следующий разговор:

— Эдуард Васильевич, это ведь мы настаивали, чтобы вас сюда пригласили. С нами не сразу согласились, но мы настаивали.

— Ну, — говорю, — это прекрасно. Спасибо вам, ребята. Я вам очень благодарен. Вот, получается, вы мне помогли и я вам помог, все силы, всю душу отдал. Теперь будем играть в высшей лиге.

Но из дальнейших слов футболистов оказалось, что они, как бы в награду за свою настойчивость, рассчитывают на панибратство с тренером. Я пытаюсь повернуть разговор, но ничего не получается. Тем более, все немножко выпили, разгорячились. Еще раз объясняю:

— Ребята, вы молодцы! Спасибо, что приложили столько сил для завоевания нужного результата. За это вы через газеты получили и еще, думаю, получите моральное, так сказать, удовлетворение. Финансово вас тоже не обидят, поверьте. Каждому будет воздано по заслугам, как положено. Но не более!

Вроде бы все ясно, но, смотрю, два-три человека не унимаются. Понимаю, что уговорами в такой ситуации ничего не добьешься, и принимаю решение:

— Ребятки, я дальше разговаривать на эту тему не буду. А вот ты и ты завтра мне на стол положите заявления об уходе. Я вас отчисляю из команды.

Дальше почти по Шекспиру, дальше — тишина. А потом:

— Да как же это, Василич?! Да ты что?!

— Я сказал, — говорю. — Идемте праздновать дальше нашу победу.

Вскоре после праздничного вечера сторонники особых отношений с тренером пришли ко мне просить прощения, объяснив свое поведение особенностями национального застолья — выпили, погорячились. На этом все и закончилось, мы остались друзьями, продолжали работать, и я, откровенно говоря, очень рад, что не ошибся в этих футболистах. Они поняли мою принципиальность, поняли, что со мной шутить нельзя, хоть я и молодой тренер.

Перед стартом сезона-79 про нас, я знаю, говорили: «Эти как вышли в высшую лигу, так и уйдут из нее». А мы закончили чемпионат на 6-м месте, причем не только показали содержательную игру, но по ходу первенства не раз оказывались в тройке призеров.

Я внимательно наблюдал за всеми футболистами и видел различные негативные проявления. Здесь речь уже не о банальном нарушении режима, а о договорных играх. Сначала я никак не мог понять, в чем тут дело, и столько нервов потратил впустую, столько здоровья. Вот меня и запомнили постоянно что-то подсказывающим футболистам у кромки поля, кричащим и размахивающим руками. Покрикивал я не только у кромки, но и в раздевалке мог такую «беседу» провести, на повышенном и очень повышенном тоне. Буквально до слез некоторых доводил, пытаясь добиться от них искренности в игре, чтобы они полностью выкладывались на футбольном поле.

Но продолжалась чехарда. Содержание игры у команды было, а получалось так, что мы идем-идем, играем-играем, побеждаем-побеждаем и вдруг слабым командам отдаем очки. Я бьюсь как рыба об лед, не понимаю причин происходящего. И вот тогда ставлю эксперимент.

Пригласил я одного молодого футболиста к себе на разговор. Купил бутылку водки. Сказал:

— Хочется мне с тобой о жизни по душам поговорить, так, знаешь, по-мужски, за рюмочкой.

— Да как же так?! — удивился он. — Ведь режим соблюдать надо.

— Ничего! — ответил. — Я все знаю про режим. Сегодня можно.

Сидим, разговариваем, футболист не раскрывается и не раскрывается. И лишь когда бутылка начинает пересыхать, он сворачивает в нужное мне русло разговора:

— Да, Эдуард Васильевич, тут такое дело. Только вы,

пожалуйста, не принимайте поспешных решений. Ни в отношении никого. Может, нам, Эдуард Васильевич, вместе — вам и команде — если взяться, удастся похерить то, что сейчас происходит с некоторыми футболистами. Да, бывают игры, перед которыми к нам подходят и говорят: «Играйте вполсиленки, не забивайте». За наше поражение сумма одна, за ничью — другая. Так что вы правильно волнуетесь, переживаете, разносы нам устраиваете, бывают такие игры.

Так я еще раз удостоверился в своей правоте. Ведь чувствовал, видел, что кое-кто порой играет вполсилы. Теперь узнал?— почему. Мои коллеги и люди из руководства клуба порой говорили: «Да что ты так на них нападаешь! Да не может быть того, что они специально игру сдают!» Оказалось — может.

А потом, в межсезонье, когда я отдыхал с женой в Кисловодском санатории «Эльбрус», ко мне приехала группа ребят из «Динамо». Они предложили следующее: «Эдуард Васильевич, мы хотим работать с вами на полную катушку. Предлагаем убрать из коллектива того-то и того-то. Тогда у нас в «Динамо» будет совершенно другая обстановка».

Договорились. В начале сезона я отчисляю нескольких игроков. И команда действительно преображается, мы начинаем играть стабильно и через два года становимся чемпионами СССР.

Я все думаю, почему они поступили так — та здоровая группа людей, которая заявила о необходимости убрать из команды нескольких человек? Наверное, свою роль сыграли и мои разговоры, мои убеждения, пусть они не всегда высказывались мной в должном тоне. Но все-таки я докричался до душ людей, а они поняли перспективность именно такого отношения к спорту. Я тогда, думаю, даже начал молодеть. Разом снялась огромная психологическая нагрузка, которую тренер принимает на себя за сезон. Я опять почувствовал одухотворенность, окрыление. «Вот что значит, — говорил я себе тогда и повторяю ныне, — ежедневно, и не раз, а может, и три раза в день вести разъяснительную работу. Что такое футбол? Для чего он существует? Для зрителей! Нельзя обманывать зрителей! Это предательство по отношению и к ним, и к себе!» Пускай меня за эту каждодневную работу некоторые высмеивают. Собаки лают, а караван идет. И дай Бог, чтобы мне хватило сил до конца жизни идти вместе со своим караваном. А остальное — суета сует.

Впрочем, чемпионами мы стали не сразу после разговора с футболистами в Кисловодске. На протяжении трех сезонов, я говорю о сезонах с 1978 по 1980 год, шла шлифовка команды. Я стал приглашать для проведения тренировок борцов и легкоатлетов, баскетболистов и хоккеистов. Мне было важно

понять, какими средствами они достигают повышения скоростно-силовых качеств, как они тренируют скоростную выносливость. Постичь это было необходимо для расширения двигательного фонда футболистов. Ведь только при условии расширения двигательного фонда совершенствуется техника, эффективно оттачиваются тактические действия — как индивидуальные, так и коллективные. Мне важно, чтобы занятия проводились не теоретические, а прикладные. С экономической точки зрения подобная система работы в советские времена была возможна, тренеры из других видов спорта приглашались на полставки, или «проводились» по каким-нибудь другим документам. А я вбирал, вбирал и вбирал то, что можно применить в футболе из их методики. Приглашал для занятий с командой не только тренеров, но и психологов, педагогов. Это было не только полезно, но и, откровенно говоря, по-настоящему интересно.

Нареканий со стороны моих коллег и руководства подобная работа вызывала множество. «Ну чего ты все приглашаешь кого-то?! — говорили мне. — Тебе же стыдно должно быть! Ты сам известный футболист, окончил Высшую школу тренеров. А приглашаешь далеко не самых ведущих специалистов!»

А я шел по жизни так, как будто еще ничего не знаю и всему постоянно должен научиться сам, а уже потом учить других. И лишь потом пришло понимание, что я как тренер поднялся на более высокий уровень. Вот тогда мы в минском «Динамо», можно сказать, и начали определенную революцию в футболе делать.

Когда я пришел в команду со своими принципами игры, у меня эпиграфом стояло: «Выиграть время — выиграть все!» Постепенно я понял, что весь мировой футбол будет развиваться в направлении «выигрыша во времени», А для себя обозначил следующее: «Силен будет тот тренер, который умеет работать над повышением физических качеств игроков. На фоне повышения физических качеств растет техника, тактика — и личная, и командная».

В плюс к сказанному, я тогда, может быть, один из первых угадал, что надо как можно быстрее заставить бегать мяч. Простая формула? Можно посмеяться: «В одно касание играть собрались?! Ну-ну…» Только и по сей день развитие мирового футбола идет именно в этом направлении. По сути, все озабочены только одним: «Как можно выиграть время?» И я вижу, что у современных футболистов есть еще очень большой запас прочности во многих компонентах игры и подготовки. Например, в вопросе, как нужно встречаться с мячом…

Но здесь мы остановимся, я чуть было не проговорился об одной из своих тайн. А я еще человек рабочий и быть им

собираюсь долго. Поэтому тех футболистов, кто искренне хочет знать о недосказанном, приглашаю в свою команду. Во всяком случае, предложения рассмотреть могу. Вот так-то, уважаемые коллеги тренеры, может, я сейчас у вас кого-то и перехватил «за бесплатно», так сказать.

На смех поднимали не только мою систему тренировок, но и предыгровые установки. Обычно я в психологическом воздействии на команду, ее настрое на игру, использовал различные примеры. Один из них удосужился ироничной оценки нашей прессы. Что бы о нем ни говорили, как бы его ни перевертывали, лучше все рассказать самому. Установка началась с моего постоянного вопроса перед игрой: «Все ли готовы к матчу? Все ли сегодня могут играть в полную силу?» Молчание в ответ — знак согласия.

— Раз все, — говорю, — то запомните, игра — это бой, а в бою температуру не меряют.

Это моя основополагающая позиция — если ты дал добро на участие в матче, никакие твои дальнейшие разговоры, мол, что-то у тебя где-то заболело, закололо, не принимаются. Ты отвечаешь за все перед зрителями и командой головой и ногами. А потом последовал мой, ставший уже, наверное, знаменитым пример.

— Идет стадо павианов… Ветер меняется. Стадо чувствует своего врага. Леопард — самый заклятый враг павианов. Стадо чувствует его близость. И вот два вожака бросаются к леопарду, отвлекая его, бросаются на верную гибель во имя жизни стада, во имя того, чтобы оно могло продолжить свой род. Вот такие мне сегодня нужны вожаки в команде! Нужны люди, готовые пожертвовать собой! Об этом я вас спрашиваю, когда задаю вопрос: все ли готовы к матчу, к такому повороту дела?!

Я думаю, что тот, кто высмеял этот пример, был либо слегка выпившим, либо хотел пошутить. Но пример этот потом приводили в доказательство странности тренера Малофеева.

А ведь здесь все понятно! Мне, да и любому тренеру, важно максимально возбудить в игроках желание играть, создать настрой на игру. И павианы могут в этом помочь и помогали. Можно поступить и по-другому, как я сделал недавно, чтобы раскрепостить ребят. Установку мы проводили в холле гостиницы, стояла жара, все ходили по пояс раздетые. И вот я заманил в холл моего хорошего знакомого, мужчину весьма худого. Заманил и говорю футболистам: «Установка отменяется, будем изучать анатомию. Скелет человека». Посмеявшись, мы вернулись к делу. А потом и матч выиграли.

Вообще-то я, конечно, не люблю пускать на установки посторонних. Даже Якушина однажды со скрипом пустил, когда

он инспектировал от Федерации футбола минское «Динамо». Дело было в Москве перед игрой с «Локомотивом». Сначала Михаил Иосифович спросил меня:

— Эдуард, неужели правда, что у тебя ребята играют в одно касание?! Многие смеются над тобой.

— Вы посмотрите, — отвечаю, — и увидите сами.

Может, думаю при этом, он решил, что я перед ним специально выпендриваться буду? Веду тренировку, Якушин на ней не присутствует. Провожу следующую, а его опять нет. Что такое?! И только на третий день вижу, что Михаил Иосифович за деревьями прячется — мы на загородной базе работали. Решил он своим присутствием ни меня, ни ребят от дела не отвлекать.

А когда Якушин отсмотрел наш недельный цикл, то сказал: «С тренировок этого молодого человека надо методические пособия писать!» — и попросился на установку.

Меня смущало, что в столь ответственный момент в раздевалке будет присутствовать мой учитель, авторитетный специалист, и это может отрицательно сказаться на моем авторитете. Боялся я, что стушуюсь, не смогу сыграть нужную роль. Пришлось взять себя в руки, самонастроиться и провести установку еще с большим воодушевлением. Когда я закончил говорить, слово попросил Михаил Иосифович — случай редкостный, чтобы после главного тренера на установке кто-нибудь говорил! Но Якушин оказался предельно кратким. «Ребята, — сказал он. — Да после такой установки и я бы сейчас как молодой на поле побежал!»

Такая похвала, такие слова меня взбудоражили. И я чуть не взлетел. Честное слово!

Показателем того, что минское «Динамо» тогда играло в хороший футбол, может служить и следующий эпизод. Нас несколько лет подряд ленинградский «Зенит» приглашал на зимние турниры. А потом перестал. Потому что мы все время у него выигрывали, наверное… В Минске же зрители снова столкнулись с проблемой лишнего билетика, трибуны всегда были переполнены — так мы и вошли в сезон 1982 года.

ГЛАВА 9
ЧЕМПИОНАМИ СТАНОВЯТСЯ НАКАНУНЕ

В сезон 1982 года минское «Динамо» вошло хорошо подготовленной командой, взяло удачный старт и первый круг завершило на первом месте. Последний матч перед экватором чемпионата мы играли в Днепропетровске как раз в мой день рождения, 2 июня. Ребята выиграли встречу со счетом 3:1 и заслужили право на паузу — и моральное, и согласно календарю.

Я обращаюсь к футболистам: «Спасибо за работу! Приглашаю вас к себе в номер на шампанское». И организую перед ужином небольшой фуршет. Мои динамовцы приятно удивлены, гости из «Днепра» ошарашены — как это, главный тренер и угощает команду шампанским, да еще в середине сезона?! Но все прошло прекрасно. Правда, потом, через несколько лет, мне этот фуршет припомнили, ох, припомнили! С трактовкой — «так завоевывается дешевый авторитет». Впрочем, подобный вывод мог сделать только человек, далекий от непосредственной работы в большом футболе, совершенно не понимающий, что такое борьба за лидерство в чемпионате. А я считаю, что поступил в высшей степени правильно, и ни к какому панибратству этот вечер не привел. Футболисты еще раз увидели, что их труд — да, да, именно, труд! — небезразличен тренеру, что руководство клуба может отблагодарить их не только рублем, но и, как говорится, чисто по-человечески. Мы сумели за бокалом шампанского выплеснуть в общей беседе друг другу душу, снять с нее накопившийся к середине чемпионата груз.

Что же касается оценок, которые давали нашей игре, я позволю себе пространную цитату из статьи, которая так и называется «Союз с игрой», футбольного обозревателя ТАСС Льва Филатова: «В эти дни в разговорах о положении дел в футбольном чемпионате страны только и мелькает: минское «Динамо»! И именно так, с восклицательным знаком. Даже приходилось слышать: «Коли бы не минчане, то и обсуждать было бы нечего»… Важнее всего впечатление, остающееся от облика их игры. Динамовцы постоянно активны как на своем поле, так и на чужом, турнирные очки они не собирают и накапливают, а завоевывают. Всегда чувствуется их хорошее настроение, которое на поле проявляется в знании дели, в естественности и легкости

командных и групповых маневров… Никаких заимствований известных игроков со стороны, все внимание молодым и, главное, постановочной работе, имеющей целью «свою игру». Так что лидерство минского «Динамо» в нынешнем чемпионате — факт далеко не частного значения, оно показывает на каких дорогах следует искать хорошую игру».

Это фрагмент из статьи, опубликованной в газете «Советская Белоруссия» 11 августа 1988 года.

Начался второй круг, играть было сложно, обнаружились всевозможные околофутбольные казусы — по-видимому, кому-то не хотелось, чтобы минское «Динамо» впервые стало чемпионом СССР. Но ребята сражались достойно, да и были мы тогда, скажу откровенно, на голову сильнее всех остальных команд. На голову! И мы прошли не дрогнув сквозь все — и сквозь игры первенства, и через закулисные игры.

А ведь все началось с моего заявления, в котором были, с одной стороны, и блеф в определенной степени, и самоуверенность, а с другой — постоянное стремление ставить перед собой только максимальные задачи. В общем, как только я вывел «Динамо» в высшую лигу, то на вопрос руководства клуба «А что дальше?» решительно ответил: «Через три года будем чемпионами!» — и оказался провидцем.

Да, я не боялся и не боюсь ответственности. Может, поэтому и много шишек себе в жизни набил. Но ведь не запорол ни одной работы! А вот переживал за результат всегда сильно, особенно когда в наш футбол стали проникать негативные явления. Считаю, что победы, которая может принести удовлетворение, можно добиться только честным путем. К тому же, как оказалось, и самоуверенность может быть положительным качеством. Когда она подкреплена знаниями и умением работать, когда она проявляется не на пустом месте, когда тренер знает, как надо создавать команду!

Финишной прямой сезона «Динамо» достигло в отличной форме, о чем говорят результаты игр. Последний, решающий матч мы проводили в Москве со «Спартаком» — командой, в которой я начинал путь в большой футбол. «Динамо» первым пропускает мяч в свои ворота, потом забивает москвичам четыре гола, но те в ответ сокращают счет до минимума — мы побеждаем (это пятая за сезон победа, которой минчане добиваются, уступая сопернику в счете по ходу игры) со счетом 4:3. Все, чемпионы!

Команда возвращается в Минск, а я специально остаюсь на денек, опасаясь того, что может произойти в столице Белоруссии. И действительно, на вокзальной площади организуется

многотысячный митинг, команда с трудом пробирается сквозь ликующую толпу. А мне, честно говоря, последние дни первенства, прошедшие в огромном эмоциональном напряжении, дорого стоили. И пауза была необходима.

А какая могла быть пауза при том ажиотаже, который сопровождал возвращение динамовцев домой? Так что я в Минск на следующий день приехал, втихаря.

Конечно, торжества по случаю нашего чемпионства устроили грандиозные. Если же говорить о материальном вознаграждении, то ничего похожего на раздачу автомобилей не было. Мы в Минске всегда играли за идею. Нет, в деньгах нас не обижали, но хочу подчеркнуть, что республика нас никогда и не баловала. Но я ни разу ни от одного футболиста, ни от одного человека из руководства клуба и слова не слышал о том, что, вот, мол, недодали, могли бы больше заплатить. Подобный взгляд на вещи — свидетельство того искреннего футбола, который мы исповедовали.

И я бесконечно благодарен за это людям, принимавшим участие в строительстве нашего минского «Динамо». Тем, кто поверил, что странные тренировки Эдуарда Малофеева, например с игрой в футбол на льду, дадут свой результат: команда станет играть быстрее всех в чемпионате, громить именитых соперников с крупным счетом. К радости болельщиков.

А одним из самых рьяных болельщиков был заместитель председателя Совета министров Белоруссии Владимир Федорович Мицкевич. Человек, который во время подготовки к Олимпиаде-80, когда один из групповых футбольных турниров проводился в Минске, работал на реконструируемом стадионе «Динамо» буквально в качестве прораба — настолько тщательно он контролировал ход выполнения строительства. Владимир Федорович был фанатично предан футболу. Когда я вернулся Минск в качестве тренера, при любой из наших встреч он сразу же задавал традиционный вопрос:

— Эдуард, есть команда?

— Есть, Владимир Федорович! — отвечал я.

— Ну а как ты в матчах собираешься держать Кипиани, Гаврилова?

— Я, Владимир Федорович, никого держать не буду. У меня совершенно другой принцип игры, — объясняю. — Я мешать чужому футболу не хочу. Я буду наращивать качества так, чтобы мы были сильнее и Кипиани, и Гаврилова.

— Да? Отлично! Ну что, какие проблемы в команде?

Скажешь — сразу же следует решение.

Мне кажется, Владимир Федорович за футбол, за то, чтобы

быть полноправным его соучастником… ну не знаю, многое готов был отдать.

Разные люди в тот период времени приняли участие в становлении минского «Динамо». Но сейчас мне хочется сказать добрые слова о человеке, с которым я был близок лично. Это журналист Дмитрий Михайлович Болдырев. Мы вместе шли по жизни с 1963 года, с того момента, как я поступил в динамовский коллектив. Он писал обо мне, когда я был действующим футболистом, но тогда наше знакомство было скорее деловым. Подружились мы позже, когда я возглавил команду как тренер. Именно в беседах с ним и родилось определение, сопровождающее меня всю дальнейшую спортивную биографию. Это он, Дмитрий Болдырев, помогая мне выбраться из хаоса просящихся наружу мыслей, предложил использовать термин «искренний футбол». Об этом футболе мы частенько беседовали с ним заполночь. Он мне, человеку эмоциональному и порой склонному к не очень дипломатичным действиям, вдалбливал прописные истины правил общения, стремился, чтобы я умел взглянуть на человека под разными углами зрения. Потому что ему, фронтовику, житейской мудрости хватало, а мне нет. И впервые написать книгу о футболе мне предложил Дмитрий Михайлович, я закончил ее, готовясь вместе с ним к различным выступлениям, встречам, тренерским совещаниям. Но оказалось, не суждено нам поработать с Дмитрием Болдыревым над книгой, он умер от инфаркта. Умер, успев познакомить меня с замечательными книгами — художественными, по педагогике, психологии, спортивной журналистике. Его журналистское перо стало для меня образцом, эталоном. Не раз я потом обижался на представителей спортивной прессы, и, мне кажется, справедливо. Да, раньше спортивная журналистика была другой, но тогда в ней и люди другие были, они больше были мужиками, если вы понимаете, о чем я говорю. Меньше зависели от гарантий материальных благ и прочих подводных течений. Увы, чем дальше от войны, тем люди все больше подлят. С готовностью идут на компромиссы сами с собой…

А тогда, весной 1983 года, в белорусском издательстве «Полымя» вышла книга Дмитрия Болдырева (в соавторстве с А. Костровым) «Золотой сезон минского «Динамо»». Вот как Дмитрий Михайлович, будучи очевидцем решающей победы, описывал наши золотые мгновения: «Динамовцы дружно бросились к своим наставникам — Эдуарду Малофееву и Леониду Гараю, подняли их на руки и начали качать. Футболисты, завоевавшие приз большого футбола «За волю к победе», то есть за мужество в спортивных состязаниях, — плакали… Они

смахивали со щек слезы и принимали поздравления. В спортивной летописи отечественного и белорусского футбола появилась новая запись: «19 ноября 1982 года. 20 часов 45 минут. Футболисты минского «Динамо» впервые в истории стали чемпионами СССР»».

Быть может, эта глава о чемпионском сезоне минского «Динамо» получилась не такой уж объемной. Но ведь многое нами было достигнуто не в 82 году, а раньше. Да, московских одноклубников мы обыграли со счетом 7:0 (а могли и больше) именно в 82-м, но готовиться к этой и другим победам мы начали гораздо раньше. Когда играли в хоккей, когда учились играть в одно касание, когда вслед за мной команда поняла, что главное — это заставить как можно быстрее бегать мяч. Да, многие новые идеи были моими, но я имею право сказать о них только как о «наших». Мои идеи воплощала в жизнь наша команда.

Мне в какой-то степени удалось совершить переворот в учебно-тренировочном процессе. Такой переворот, что гораздо более опытные специалисты, мои учителя Михаил Иосифович Якушин и Гавриил Дмитриевич Качалин сказали: «Ты шагнул дальше нас». Но не мог бы я шагнуть никуда без команды.

А вот подполковником после чемпионского сезона стал. И кавалером Ордена Трудового Красного Знамени. Но все начиналось сначала — впереди нас ждал следующий сезон — в ранге чемпионов СССР.

ГЛАВА 10
НЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ, НО ГЛАВНЫЙ

После того как минское «Динамо» И выиграло чемпионат страны, в адрес команды поступали поздравления от рядовых болельщиков со всех уголков шестой части Земли. Это было очень приятно — узнать, что за наш клуб болеют в Прибалтике и в Средней Азии, на Дальнем Востоке и на Крайнем Севере, в Москве и в Ленинграде. Приятным было и мнение большинства специалистов футбола, которое заключалось в следующем: минчане стали узнаваемы. То есть у команды появилась по-настоящему своя игра, ее можно было выпустить на поле в форме любого цвета и не объявлять, кто играет — через некоторое время все равно стало бы понятно, что это главная команда Белоруссии. Значит, мы воплотили в жизнь ранее декларированные принципы. Лично мне особое удовольствие доставляло то, что отмечали быстроту командных взаимодействий минского «Динамо».

Но время поздравлений минуло, началась подготовка к следующему сезону. Подвести команду к старту в чемпионате страны в оптимальной форме оказалось непросто. Приходилось бороться и с чемпионской эйфорией, и добиваться шлифовки достигнутых футболистами навыков, совершенствовать технико-тактические действия. Тем не менее подготовительный период мы провели на достаточно высоком уровне.

Практически весь сезон 1983 года минчане пребывали в лидирующей группе. Правда, были ситуации, когда чувствовалось, что ребята не полностью отдают себя игре. Следовало спрашивать с них жестко, убеждать, что второй раз стать чемпионами «на одной ноге» нельзя, а прошлогодним победителям играть таким образом вообще стыдно… В конечном счете мы заняли третье место. Но в моей жизни произошли большие перемены.

Как-то в середине сезона в Минск приехал председатель спорткомитета СССР Марат Владимирович Грамов. Ну что ж, программа приема высоких гостей была достаточно традиционна и всегда включала в себя «банную экскурсию». Паримся мы от души на «динамовской» базе в Стайках. Грамов, ни на что не намекая, расспрашивает меня:

— А что, Эдуард, вы, наверное, и в этом году чемпионами станете? Во всяком случае, можете. А потом-то что? Кубок чемпионов взять собираетесь? Хорошо, возьмете. Так что потом

делать думаешь, а?

В общем, беседуем о футболе. Но после очередного захода в парилку Марат Владимирович вдруг бросает:

— Эдуард, а ты, наверное, трус?

Я удивляюсь. Что за разговор?! Отвечаю:

— Знаете, кой-чего я, конечно, боюсь. Высоты, например, боюсь. И никогда не скажу, что чего-то на сто процентов смогу не испугаться. Но в футболе я всегда был бойцом и поводов для сомнения в этом вроде бы не давал.

Тогда Грамов говорит:

— Раз ты не трус, то принимай олимпийскую сборную страны!

Такая вот баня получилась.

Вскоре в клуб пришла официальная телеграмма — меня вызывала Москва. Но и Минск отпускать не хотел. Я в таких ситуациях вопрос всегда ставил ребром. Поэтому сказал: «Мне надо поработать на более высоком уровне, хочется проверить себя». И все.

Сказать-то я сказал, но возникли другие разговоры — на более высоком уровне.

Олимпийская сборная после первых матчей в групповом отборочном турнире попала в нелегкое положение, и на мое решение возглавить команду повлияло прежде всего это. Трудности заранее настроили меня на серьезную работу. Что же касается Минска, я думал уйти из клуба лишь на время. Однако меня фактически продали в московское «Динамо» со словами: «Вот вам Малофеев. Он такой переворот в клубе устроит, если мешать ему не будете, что вы тоже станете чемпионами страны!»

То есть в Минске на меня уже не рассчитывали, а возглавлять одновременно сборную и клуб — теперь московское «Динамо» — я не хотел, понимая, что в таком случае начнется безрезультатная погоня за двумя зайцами. Не знаю, кому я в столице Белоруссии так не угодил, что от меня решили избавиться, но в Госкомспорте меня приняли отлично. А вот в Федерации футбола я почувствовал к себе не то что прохладное, а леденяще-холодное отношение. Но мне что, раз Спорткомитет страны решение принял!

Значительно позже я узнал, что меня так и не утвердили в Федерации футбола на должность главного тренера олимпийской сборной. Более того, на заседании президиума вопрос о моем утверждении даже не рассматривался! Парадоксальная ситуация — Спорткомитет фактически отправляет меня спасать сборную, а Федерация футбола позволяет работать на этой должности неутвержденному человеку. Так что с олимпийской командой я

работал, оставаясь по документам динамовцем. Не скрою, мне хотелось получить в итоге военную пенсию. Столичное же «Динамо» я предупредил: «Я вам буду помогать как могу и чем могу, но сейчас работать с командой как главный тренер не сумею!»

Что же касается Федерации, ей никакие мои заявления были не нужны. Думаю, там хотели утвердить на должности главного тренера своего человека.

Меня все эти тонкости с назначениями не интересовали, я работал. Но если вдуматься, подобное поведение футбольных начальников говорит о предательстве государственных интересов в угоду личной цели — не меньше. Это страшнейшее явление. Причем страна-то была какая?! Ее сейчас пытаются представить образцом порядка и государственности. Но видите, какие в ней случались подковерные кабинетные игры. Хорошо, что я тогда был молодым парнем и этот факт «съел». Но вот потом подумал: насколько же люди, представляющие по должности интересы страны, сами себя высекали.

Олимпийскую команду я собирал не то что в скором, а в срочном порядке. Ездил по Союзу, смотрел игры, приглашал ребят. И за короткое время мне удалось создать боеспособный коллектив, который в труднейших условиях выполнил поставленную перед ним задачу.

Хотя на нашу долю выпали не только чисто спортивные трудности. Были и стычки с руководством первой сборной. Последовали просьбы: «Дай того игрока, дай этого!» Но тогдашняя олимпийская сборная была моей командой, командой, которую строил я. Как же я мог разбрасываться игроками?! И здесь мне помог начальник команды Евгений Иванович Рогов. Да и Бог был с нами.

Евгений Рогов несколько лет работал тренером в Африке. Работал в тяжелейших условиях, где попадал в ситуации, когда воду из-под крана не то что пить нельзя, а даже умывались минеральной водой из бутылок. Рогов был неплохим футболистом, защитником, выступал в свое время за «Локомотив», а на поле вел себя бойцом в полном смысле этого слова. И в жизни он был таким же. Конечно, работа за границей сделала его по тем временам человеком достаточно обеспеченным; возможно, это «тыловое прикрытие» и придавало ему дополнительную уверенность.

Я иногда терялся перед бюрократическими трудностями, думал: «Господи, ведь работаю ради такой цели, что же это творится?!» А Рогов говорил: «Эдик, будь спокоен. Все будет так, как надо. Не можешь сам, я сделаю». И делал. Он фактически

избавил меня от организационных хлопот. Я видел, как он разговаривал с людьми. Порой резко, решительно. И, думаю, он вел себя правильно.

Наша олимпийская команда показала очень хорошую игру, оставив у болельщиков приятные впечатления. В ней играли Федя Черенков, Слава Чанов, Женя Кузнецов, Борис Поздняков, Олег Протасов, Геннадий Литовченко, Сергей Гоцманов, Сергей Алейников. Из этого олимпийского состава большинство футболистов потом выступали и в первой сборной страны. В итоге мы добились права участвовать в финальном турнире. Довольны были страшно, ждали этих матчей с нетерпением, были готовы штурмовать золотую вершину Олимпиады…

И вдруг СССР объявляет о бойкоте Олимпийских игр в Лос-Анджелесе. Шок мы испытали неимоверный. А потом случилось вот что. На собрании всех советских олимпийцев в Спорткомитете мне дали зачитать обращение, в котором мы как бы обвиняли американцев в том, что они не приехали на Олимпиаду в Москву, что они такие и сякие, что у них безопасность спортсменов обеспечить не могут. «Доверили» это «право» — зачитать подобное обращение — именно мне, из-за хорошо поставленного голоса. И пришлось такую вот галиматью читать. Вспоминаю сейчас с ужасом — если бы я был немножко поопытнее, если бы не эйфория! Ведь нам всем, спортсменам, хотелось поехать на Олимпиаду! И как хотелось! Какой бойкот?! Никто из спортсменов его не хотел и, я уверен, в глубине души не поддерживал. Но за нас опять все решали дяди, не имеющие ничего общего со спортом. Непрофессионалы все решали, вот в чем беда. Нельзя, чтобы непрофессионалы хоть что-то решали в жизни, в любой области! Увы, подобные семафоры, которые сами стоят на месте, а указывают дорогу другим, по-прежнему многое решают в нашей жизни.

Чемпионом Олимпийских игр в Лос-Анджелесе стала сборная Франции. Да играли мы с этой Францией два раза. Оба раза удачно, с приличным преимуществом выигрывали. И я твердо уверен до сих пор, что сборная СССР в США была бы главным кандидатом на золото и вряд ли у кого хватило бы сил и мастерства остановить нас на пути к первому месту…

Вскоре до меня дошли слухи, что идет речь о моем назначении на должность главного тренера первой сборной СССР. Материализовался этот слух после поражения нашей команды от португальцев. Меня, правда, опять не назначили, а просто сказали: «Давай, принимай!»

Я принял первую команду и отправился с ней на турнир в Индию на кубок Джавахарлала Неру. В состав команды я включил

ребят из олимпийской сборной, некоторых нужных мне возрастных игроков. В общем, ориентировался на тех, кто мог показать тогда лучшую игру. А играли мы при температуре 40 градусов в тени. Все матчи проводились в дневное время и не так далеко от экватора, на самом юге Индии. Мы оказались сильнее всех восьми команд и победили. Это был мой дебют в роли тренера сборной, первый турнир, который я довел до конца. Причем до победного.

По приезде на заседании президиума Федерации футбола я выступал страстно.

Мы ведь привезли в Советский Союз международный кубок, добились победы — я имел полное право гордиться этим достижением. Вдруг слышу, один из футбольных руководителей не громко, но вполне внятно говорит:

— Как будто бы чемпионат мира выиграл!

У меня тут чуть руки не опустились. Последовало секундное замешательство, а потом я ответил:

— Ну как же вам не стыдно! Я же ведь от всей души вам рассказываю, мы ведь первое место выиграли! Это же мой дебют в первой сборной. Мне ведь архиважно веру в ребят, в самого себя вселить! А чемпионат мира будет впереди.

К моему удовлетворению, этот руководитель после заседания извинился, а я искренне простил его. Наверное, я действительно слишком расхвалился, а он хотел меня слегка урезонить, но вот так получилось. К этому человеку, который намного старше меня, я с тех пор всегда испытывал и испытываю самые добрые чувства.

Увы, не во всех отборочных матчах группового турнира сборная выступила достойно. Было много нервозности, были срывы. Для меня лично неожиданностью оказалось то, что олимпийская и первая сборные по сути своей оказались разными командами. Я имею в виду отношения и внутри команды, и отношение к ней. Что же касается организационных вопросов, то вновь неоценимой стала помощь Евгения Рогова, который работал со мной начальником команды и в первой сборной. Благодаря этому и я смог взять в руки себя, а уж потом взять в руки команду. Поставленную задачу мы вновь выполнили — сборная завоевала путевку на мексиканский чемпионат мира.

К выступлению на мировом первенстве мы готовились серьезно. Я давал ребятам большой объем работы. В каждом месяце мы проводили на сборах недели по три. Сборная превращалась в постоянно действующую команду. А план подготовки я защитил непосредственно на заседании президиума Спорткомитета страны.

До этого были споры о том, как адаптировать ребят к

условиям, с которыми им придется столкнуться в Мексике. На защите плана — а вместе со мной через подобную процедуру проходили тренеры сборных СССР по баскетболу и ручному мячу — присутствовали все светила спортивной науки.

Конечно, я волновался. Но на защите выглядел даже несколько самоуверенно, как мне сказали потом. На все вопросы, и провокационные тоже, отвечал корректно и уверенно. В итоге высшей похвалой мне стало мнение, высказанное председателем ученого совета Львом Павловичем Матвеевым: «Ближе остальных к науке стоит план Эдуарда Васильевича Малофеева».

Мы много времени проводили на зарубежных сборах, ведь играть зимой в СССР было негде и не с кем. Вновь, как и во времена моей игровой карьеры, наступила череда товарищеских матчей, необходимых мне как тренеру, а стране они приносили валюту. Круг замкнулся.

Думаю, серьезная работа в этот период способствовала обретению хорошей формы игроками киевского «Динамо», их в сборной было немало. А это, в свою очередь, дало возможность киевлянам с блеском выступить на европейской клубной арене и завоевать Кубок обладателей кубков. И я рад, что в какой-то мере помог киевскому «Динамо» покорить кубковую вершину.

Отношения в коллективе были нормальные. Мы не только тренировались и играли товарищеские матчи, у сборной всегда была интересная культурная программа. И вновь к ее организации много сил приложил Евгений Рогов. Во всех странах мы стремились как можно больше посмотреть, набраться ярких впечатлений. В Испании даже на корриду ходили. Кроме этого, я считал необходимым периодически отчитываться перед зрителями, проводить встречи, на которых болельщики могли бы задавать вопросы мне и футболистам. И мы такие встречи проводили часто.

А однажды в Симферополе в расположение сборной приехал председатель местного колхоза. «Мы вот тут недалеко, у нас люди так болеют, так переживают за сборную. Может, вы приедете к нам хотя бы на часок?» — попросил он. Что делать, мы выкроили время из плотного графика сбора и поехали. Ребята, правда, сначала заныли. Мол, Эдуард Васильевич, ну что такое, уже по деревням стали ездить. Я говорю: «Ребятки, дорогие, это же наш народ, это наши люди! Поверьте, такая встреча им и вам доставит огромное удовольствие».

Приехали. В зале дома культуры нас ждали, как говорят, простые-простые люди. Полный зал, битком! Я вступительное слово произнес, потом вопросы футболистам задавали. И никто в итоге равнодушным не остался. Возвращались мы с этой встречи

воодушевленные. Ведь в принципе, если ты хочешь доставить удовольствие себе, сделай его другому. Только тогда ты будешь по-настоящему счастлив. Я всегда призывал к этому.

А ответная реакция людей на твои действия помогает соблюдать самоконтроль. Весь вопрос заключается в том, как человек относится к неодобрению, к осуждению. В этом выражается его нравственная воспитанность, культура. Надо понимать, что в осуждении твоих действий проявляется справедливость, без которой вообще невозможна жизнь. Осуждение не приносит радости, но за него надо благодарить, потому что оно спасает любого из нас от падения. Умей благодарить. Услышал похвалу — благодари и радуйся, что ты на правильном пути. Услышал упрек — благодари за то, что тебя учат жить по-человечески.

Именно поэтому я продолжал вести свои странные для многих речи на предыгровых установках. Говорил: «Ребятки, мы выходим играть перед зрителем, перед своим зрителем. И давайте сравним себя с артистами. Прекрасно сказала о своей работе Эдит Пиаф: «Когда я выхожу на сцену и всех их вижу, я чувствую, я знаю, сейчас, когда я запою, они сольются со мной. И мне все равно, сколько их: тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч. Передо мной моя публика. И я люблю ее и пою для нее, отдаю ей всю себя до последнего дыхания. И я чувствую ее любовь. Каждый вечер я приношу им свою любовь, свою благодарность, свое вдохновение, я ни разу их не обманула, и я знаю, они всегда будут любить меня». Вот и нам необходимо подарить сегодня все наше вдохновение зрителям, не обмануть их ожидание красивого футбола!»

Но я стал замечать, что, хорошо работая на тренировках, в играх ребята стали недорабатывать. Однажды вдруг услышал, как игрок крикнул своему товарищу по команде, который находился в выгодном положении: «Ты что?! Нельзя забивать! Не смей!» Об этом случае я, естественно, сообщил в Спорткомитет, попросил не обращать внимания на результаты контрольных игр, считая, что хоть в сборной и идут какие-то негативные процессы, игроки пытаются добиться этим каких-то непонятных для меня целей, в официальных матчах футболисты все равно будут выкладываться на полную катушку. Ведь не раз бывали случаи, когда сборные плохо выступали в товарищеских матчах, а на чемпионатах завоевывали медали. Главное, что тренируются мои подопечные по полной программе.

Конечно, я в беседах с футболистами пытался прояснить для себя сложившуюся ситуацию. Но что могут объяснить тренеру игроки, если при счете 0:0 за двадцать минут до конца матча с

Англией в Тбилиси нам дают пенальти, а мы не забиваем? Что тут объяснять? Это уже и есть ответ. До этого, кстати, в 1985-м мы англичан на «Уэмбли» 2:0 «делаем», другого слова не подберешь. И получаем после того матча архивосторженную прессу на родине футбола.

Нет, кому-то очень не хотелось, чтобы подготовка сборной шла спокойно. В беседах с людьми, занимающими довольно высокие государственные посты, я постоянно слышал какие-то подковырки, на которые только и мог ответить: «Все идет по плану!» Но вот перед матчем с финнами в Москве на встрече с руководителями спорта СССР мне задают вопрос: «А вот если вы вничью сыграете? Вы не думаете, что это станет серьезным поводом для беспокойства о выступлениях в Мексике?» Почему именно вничью, думаю. И отвечаю: «Главное, что мы не проиграем. Не проиграем на своем поле перед своими болельщиками».

И вот мы играем действительно вничью в матче, проходящем при полном нашем преимуществе. Этот матч, я уверен, болельщики помнят. А я, вспоминая разговор в Спорткомитете, понимаю, что вокруг сборной идет серьезная возня. Я пробую поговорить по душам, вызвать на откровенность своих ребят в сборной, минских футболистов. Может, и они ввязались в интригу? Ответом мне было ничего не говорящее: «Все нормально, Эдуард Васильевич. Мы же стараемся».

Меня после финского матча стали тревожить люди из самого высокого руководства страны. Вызвали в ЦК КПСС, стали предлагать взять в помощь одного из тренеров. Их, так сказать, кандидатуру. Я категорически отказался. Ведь подобное со сборной СССР уже было на чемпионате мира 1982 года. И что же вышло? А ничего не вышло. Даже осталось непонятным, кто должен отвечать за провальное выступление в Испании.

В ЦК я тогда сказал: «Считаю, что за команду должен отвечать я. Со мной работает и тренерский штаб людей вполне профессиональных. Помощник мне не нужен. Я гарантирую, что мы привезем из Мексики как минимум бронзовые медали. Вас устраивает это?» — «Устраивает, — ответили. — Вы человек принципиальный, ведете себя достойно. Мы подумаем».

Но затем из Центрального Комитета вновь последовала просьба взять нового тренера в штат сборной. Я еще раз отказался и вскоре узнал, что заболел. Узнал из сообщения по телевидению. Точнее, один из руководящих подхалимов позвонил мне и сказал: «Тут, знаете, Эдуард Васильевич, такая ситуация… Вам, это, в сборную-то уже не надо на тренировки ходить. С ней на последний сбор другой тренер поедет». А вечером по

телевидению и сообщили, что в связи с болезнью Малофеева руководство сборной СССР по футболу возложено на другого человека.

Так моя эпопея с первой сборной и закончилась. Конечно, переживал, было обидно, что вновь не удалось довести команду до финального турнира, узнать ее реальную силу в игровом выражении. На пути с олимпийской сборной меня остановила политика, на пути с первой… тоже политика, но политика чьей-то личной выгоды. Увы, беда в том, что интриганов в нашем футболе всегда хватало. Профессиональных интриганов. А вот хороших тренеров было не так уж и много.

Результат, показанный сборной СССР на чемпионате мира в Мексике, можно оценивать двояко. Врач сборной Савелий Мышалов как-то высказался в печати, что если сравнивать функциональную готовность сборной разных времен, то именно в 1986 году она была на самом высоком уровне. А почему? Потому что я качественно поиграл объемом и интенсивностью. Объем держал до мая месяца. Только тогда стал его отпускать, и, естественно, повышалась интенсивность. Только при игре объема и интенсивности функциональная подготовка растет как на дрожжах. Вот этого эффекта я и достиг. В итоге только несчастье не позволило сборной занять более высокое место. Из группы команда вышла хорошо. В матче 1/8 финала с бельгийцами наши вели со счетом 2:0, но в результат игры вмешались явные судейские ошибки.

Но именно в то время, когда сборную СССР возглавлял я, она — спустя четверть века! — вернулась на первое место в европейском рейтинге по опросу журнала «Франс футбол». Так что разговоры о том, что отставка Малофеева была правильной, я считаю абсурдом, абсурдом в чистом виде, без примеси разума. А столкнуться с судейской ошибкой, повлиявшей на результат матча, мог и я.

Да, мне не дали доработать в сборной, но судьба как-то охраняла меня в том смысле, что я успел выполнить все данные стране обещания. Обещал через три года в Минске сделать «Динамо» чемпионом — сделал. Обещал с олимпийской сборной выйти в финал — вышел. Обещал довести первую сборную до Мексики — довел. Так какие ко мне будут вопросы? Со сборной страны я поражений не испытал ни в одном турнире. Кто-то хотел сделать мне бяку, а сохранил за Малофеевым безупречный послужной список. Может, вообще суть околофутбольной интриги 1986 года в том, что ее организаторы боялись за меня, оберегали от возможного поражения?.. Так что дай Бог им всем счастья и здоровья. Сборная осталась в Мексике без медалей? Пусть за это

и отвечает тот, кто оставил ее без медалей.

И если говорить о принципах работы со сборной страны, я и сейчас остаюсь верен прежним выводам. Сборная — это самая приоритетная команда страны, ее лицо. Необходимо изыскивать возможности проводить недельные сборы команды, формировать ее как настоящий коллектив. Жаль, что ФИФА сейчас отдает предпочтение клубам, а не сборным, позволяет именно клубным командам определять, на какой срок они могут отпускать футболистов в сборные. Принцип же комплектования сборной существует только один: тренер видит свою концепцию игры, имеет право выбора футболистов, соответствующих этой концепции. Просмотр матчей клубного чемпионата, или — теперь, конечно, получается именно так — чемпионатов, позволяет ему положить глаз на конкретных игроков, которых он собирается использовать на отдельных позициях. Тренер собирает футболистов, рассказывает о своих игровых принципах и о том, как собирается их воплощать в жизнь вместе со сборной командой. Те, кто не хочет или не может воплощать эти принципы, команде не нужен. Да, безусловно в сборной должны играть сильнейшие футболисты страны, но сильнейшие, исходя из видения игры тренером. Может получиться так, что из клуба, ставшего чемпионом страны, в сборной будут играть один-два человека. Гораздо более серьезной заявкой на приглашение в сборную может стать «звание» сильнейшего, ведущего игрока любого клуба. Это уже проявление класса — стабильное выступление за свою команду на протяжении нескольких сезонов. У такого футболиста больше предпосылок удачно сыграть в любом матче за сборную. Да, сборная, созданная мной или каким-либо другим тренером, будут в чем-то отличаться по подбору игроков. Но в большинстве случаев, думаю, я пересекусь в выборе с любым тренером. Все-таки «хороший футболист» — понятие не субъективное, а объективное. А вот в психологическом плане расхождения в работе разных тренеров с одним и тем же составом могут быть очень большими. Можно собрать хороших ребят, которые так вместе и не заиграют, а собери их же другой тренер, и команда покажет результат.

Тренер-то ведь только тот хорош, у кого хорош глаз, у кого хорош учебно-тренировочный процесс — это главное оружие любого тренера. Он не ищет причины, мешающие ему в работе, а ищет средства для достижения цели. Не только на футбольном поле, но и в плане психологической обработки команды. Это и есть нравственное воспитание коллектива. Хороший тренер должен уметь «держать команду», в хорошем опять же понимании смысла этих слов.

Да, клубный чемпионат состоит из тридцати матчей, отборочный цикл сборной из десяти, более растянутых во времени. Но хорошо работать не просто и в том, и в другом случаях. Проигрывать-то нельзя, ведь и в чемпионате страны одно поражение может все решить не в твою пользу, а на уровне сборных идет двухкруговой турнир шести команд, в котором каждый теряет очки, а значит, зачастую есть время что-то исправить в очковом балансе.

Конечно, на клубном уровне тренер меньше набивает себе шишек, всегда по объективным причинам может нарисовать руководству команды перспективы, найти аргументы для того, чтобы попросить подождать достижения результата. Мол, дайте время, будет вам и белка, будет и свисток. В сборной же обычно тренеру говорят: «Вот тебе свисток, подавай нам белку!» А тут еще и работать приходится на виду у всей страны при повышенном внимании прессы и болельщиков. Но в целом клубы и сборная — это одна ракета, летящая к одной цели, к победе. Только во втором случае тренеру приходится работать с более высокой ступенью такой ракеты.

ГЛАВА 11
ПО РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Начать работу с московским «Динамо» мне пришлось еще во второй половине сезона 1985 года, хотя, как я говорил, мне не хотелось разрываться между сборной и клубом, добиваясь результата на двух фронтах. Согласиться на это я был вынужден после своеобразного стихотворного предложения.

В сезоне-85 «Динамо» показывало просто ужасающую игру и, как следствие, занимало место в самом низу турнирной таблицы. И вот когда я находился в Коломне, раздался телефонный звонок и один из руководителей клуба сказал, что мне нужно срочно принимать «Динамо».

Я ответил:

— Дайте мне, пожалуйста, немного отдохнуть. Тут есенинское Константиново недалеко, я брожу по святым местам. Дайте мне побыть еще немного вдали от столичной суеты.

А этот руководитель спрашивает:

— Есенин, говоришь?.. Так ты идешь по росе?

— Да, — отвечаю, все еще пребывая в лирическом настроении.

— Босы ноги мочишь?

— Ну да, — говорю, не понимая, куда может вырулить этот разговор. — А что?

— А то, — отвечает звонивший и заканчивает четверостишие в его лексически ненормативном, знакомом, наверное, многим варианте.

Шутка оказалась уместной. Он засмеялся, я тоже. И ответил:

— Завтра буду в Москве.

Начав тренировать московское «Динамо», я еще больше ужаснулся. Команда была совершенно неуправляемая, футбол показывала действительно «стоячий». Ну игры две-три я это потерпел, а потом стал отчислять ребят из клуба. В том числе и ведущих футболистов. Руководство «Динамо» дало мне карт-бланш. Мол, делайте, Эдуард Васильевич, то, что считаете нужным.

В итоге к началу 1986 года «Динамо» человек десяти недосчиталось. Игроков вполне приличных, но играть не хотевших. Мне в «динамовском» Центросовете не верили, что можно будет удачно выступить в сезоне без этих футболистов.

Говорили: «С кем вообще играть-то думаете?» А я стал комплектовать коллектив молодыми ребятами. Тогда целая плеяда перспективных футболистов взошла: Игорь Добровольский, Игорь Колыванов, Сережа Кирьяков, Андрей Кобелев, Саша Бородюк — он постарше был, а остальным как раз лет по двадцать. Они и до моего прихода неплохо смотрелись, привлекались в состав различных сборных, но необходимо было в «Динамо» создать настоящую команду. Так что я в Центросовете сказал: «Давайте немного потерпим, «Динамо» обязательно заиграет!»

И сезон 1986 года доказал, что избранный мной путь оказался правильным. Удалось создать коллектив, который своей игрой вернул зрителей на трибуны. А это и есть первый признак положительной работы тренера и футболистов. Мы должны были стать чемпионами страны. Увы, решающий матч в Москве, который мы обязаны были выиграть, «Динамо» свело вничью. Единственное, о чем я жалею, вспоминая тот год, что не ставил в ворота Сашу Уварова. Наверное, моя доброта не позволила мне посадить на скамейку запасных другого вратаря. Потом Уваров заиграл отлично…

Став серебряным призером, «Динамо» вышло на международную арену. Специалисты высоко оценивали наши перспективы на сезон 1987 года. Во время подготовительного периода мы всех соперников буквально крошили — даже без трех человек, приглашенных в олимпийскую сборную, которая потом стала чемпионом Сеула.

Начинался чемпионат СССР, в первых трех играх мы взяли пять очков (при двух очках за победу). А потом с командой произошла непонятная метаморфоза. Это теперь известно, что в советские времена существовало у нас в стране подпольное «Спортлото», в которое играли люди высокого ранга и так называемые «теневики». В общем, ставки на игры делались огромные, и, очевидно, победная поступь «Динамо» стала кому-то мешать.

Поблизости от базы «Динамо» вдруг появлялись таинственные личности. Не знаю, какую политику по отношению к моим подопечным эти личности исповедовали — кнута или пряника, — но игра команды тут же ухудшалась. Я был вынужден обратиться к руководству: «Дайте мне следователей, оперативников. Ведь «Динамо» представляет Министерство внутренних дел!» В шпиономании меня не обвинили, но ответили фразой, которая в чиновничьих устах, как известно, означает что угодно — от активных действий до полнейшего бездействия: «Разберемся».

Таинственные личности возле «Динамо» маячить перестали, но начались таинственные события внутри коллектива. Некоторые игроки все чаще акцентировали мое внимание на том, что им мало платят за выигрыш. Я отвечал, что у нас существует свой, оговоренный заранее норматив премиальных. На это футболисты мне советовали поговорить с руководством, мол, пусть там изыщут возможности платить больше. Пошел, поговорил. Здесь уже «разбираться» не стали, ответили, что дополнительных денег нет. Реакция некоторых футболистов оказалась для меня более чем странной. Последовало заявление примерно следующего характера: «А, Малофеев… Он всего лишь фанат футбола. Не умеет деньги искать — мы их в другом месте найдем».

Их «поиски» вели к тому, что команда играла из рук вон плохо. Когда же я захотел расставить точки над «i», в Центральном совете «Динамо» мне посоветовали:

— А ты поступи, как в свое время Константин Иванович Бесков. Возьми недельки на две отпуск себе. Мол, обиделся я на вас. Попробуйте без меня сыграйте.

Я доверился этому совету. Но в первый же день «отпуска по обиде» ко мне подошел Лев Иванович Яшин и сказал:

— Эдуард Васильевич, не поступай так. Этот ход рассчитан на то, чтобы убрать тебя из команды.

— Да ну, Лев Иванович, — отвечаю. — Это же несерьезно.

Он говорит:

— Хорошо, давай-ка поговорим серьезно, не торопясь.

В общем, решили мы за столом посидеть.

Только приехали ко мне, сели, как раздался телефонный звонок.

— Лев Иванович у вас? — спрашивают.

— Нет, — отвечаю в трубку и вешаю ее.

Но когда я сказал Яшину, кто звонил, он извинился передо мной и сказал, что должен идти.

В итоге, пока я две недели обижался, на тренерской скамейке «Динамо» появился новый человек. Тогда я попробовал пойти напрямую к министру внутренних дел, но получил ответ, что он сейчас занят и в ближайшее время будет занят тоже. Встретиться с Власовым мне удалось только через месяц. Министр был очень лоялен ко мне. Но самое удивительное, он спросил:

— Ну что же ты бросил команду?

— Как бросил? — не понял я. — Я всего лишь взял временный отпуск.

А министр говорит:

— Эдуард Васильевич, да ведь это же действительно был «ход

конем». Поймите, теперь даже я ничего изменить не могу.

На должность главного тренера назначен новый человек. А в отношении вас мне доложили, что вы покинули команду добровольно.

Да, кстати, как только я ушел из «Динамо», деньги на повышенные премиальные для футболистов в клубе сразу же нашлись. Но я считаю вправе говорить о том «Динамо», которое завоевало в юбилейном, пятидесятом чемпионате СССР серебряные медали, которое на европейской арене разгромило в гостях швейцарский «Грассхопперс» 4:0, которое потом еще несколько лет поставляло игроков в сборную, в зарубежные клубы, а во внутреннем чемпионате оставалось далеко не последней командой, — говорить о нем, как о своем. Потому что я его создал.

И тут есть повод задаться вопросом, что же вообще произошло с советским футболом тогда? Что происходит с российским футболом сейчас? Я никогда не шел на компромисс со своей совестью, не допускал и мысли о договорных матчах. И вдруг московское «Динамо» решает убрать из команды тренера, который вновь ведет клуб во главе турнирной таблицы. Значит, кому-то мешали сами принципы искреннего футбола, который я исповедовал и исповедую. Значит, были люди, которые боялись моей правды — футбольной, жизненной. Значит, клуб, с которым нельзя заранее договориться о результате игры, самому руководству московского «Динамо» был не нужен.

Но доказать, что твой клуб сильнее с помощью денег и нечестных сделок, — нельзя. Чемпионом стать можно, а доказать, что ты сильнее, — нельзя! Ведь начиная с восьмидесятых годов наш футбол стал превращаться в бизнес, хоть мы при советской власти официально считали это слово каким-то порочным. И получается, что в нашем футболе сильнейшими становились не лучшие футболисты и тренеры, а лучшие бизнесмены. Но при чем тут футбол? Если в послевоенные годы и даже в годы шестидесятые у руля советского футбола стояли люди, преданные его идеалам, в которых был жив победный дух, то потом настала пора «деловых людей». Деловые-то они были деловые, но похвастаться спортивными достижениями до сих пор не могут. Значит, они решают не дела, а делишки. А вот люди, жившие по принципу «сыт, одет и ладно», привели наш футбол к званиям европейских и олимпийских чемпионов, не пропустили ни одного финала чемпионатов мира и любое поражение сборной, исходя из ее реальной силы, рассматривали как национальную трагедию. А потом молодого игрока вместо техники или тактики стали в первую очередь учить, что в футболе главное — иметь выгодный

контракт, а лучшим футбольным руководителем является тот, кто может добыть наибольшую сумму премиальных. То есть фактически стали сажать молодого человека — как наркоторговцы — на иглу. Первая доза бесплатно, зато потом вернется с огромными процентами, потому что без наркотиков человек жить уже не сможет…

А я к концу 1987 года в итоге остался без команды. Впрочем, руководство Центросовета «Динамо» не решилось полностью выдворить меня, человека с международным футбольным именем, из клуба. Препятствий в возможности получить военную пенсию мне чинить не стали и взяли на инспекторскую должность. Да, Эдуард Малофеев — инспектор Центросовете «Динамо». Пришлось заниматься бумажной работой, ездить в «динамовские» команды Киева, Минска, Тбилиси. Вроде бы все нормально. Но проблема заключалась в том, что инспектор из меня был, честно говоря, никакой. Зная не понаслышке о тренерской работе, я не считал возможным вмешиваться в действия специалистов, вникать в их «кухню». Я на собственном опыте прекрасно знал, что присутствие посторонних людей в команде вносит нервозность в жизнь коллектива. Поэтому я, приезжая в клубы, старался как можно меньше с ними контактировать. Ну напишешь что-нибудь тренеру, какие-нибудь замечания, расспросишь его, заранее зная ответы. И так месяца три-четыре продолжалось. Ерунда, конечно, полная — ревизия без желания найти растраты. Этот период времени так и остался в моей памяти самым неприятным в трудовой биографии. Согласно Уставу приходилось — представляете! — ездить на стрельбище, сдавать нормативы. Да какой я стрелок?! Я футболист! А тут еще необходимость порой носить военную форму…

Стоит ли удивляться, что я с радостью согласился на свое второе пришествие в минское «Динамо» в середине сезона 1988 года, когда последовало приглашение из столицы Белоруссии. Тем более что минчане по составу оставались моей командой чемпионского образца 1982 года, но как раз в это время наступила пора смены этого «золотого» поколения. Увы, ребята, которых я довел до уровня сборной, стали неузнаваемы и практически неуправляемы. Пришлось некоторых своих воспитанников из команды освобождать. Впрочем, я не стремился поставить крест на их карьере, имея право обвинить игроков в нечистоплотности — факты были налицо. Дал им возможность перейти в другие, в том числе и в зарубежные клубы, и поступил, по-моему, справедливо. И сам в этом помог. Однако на их лицах появилось недоумение, пошли разговоры, дескать, Малофеев такой сякой и нехороший. Письма полетели в высокие инстанции.

Наверное, сегодня эту писанину с радостью опубликовали бы некоторые газеты. Но тогда вопрос решился просто и быстро по одной причине — это могло бы помешать делу. А дело заключалось в том, что необходимо было создавать новую команду.

В сезонах 1989-1990 годов в минском «Динамо» на смену ветеранам пришли Эрик Яхимович, Валентин Белькевич, Александр Хацкевич, Радислав Орловский, Александр Лухвич. Но опытных игроков в клубе практически не оказалась, что не могло не отразиться на результате. Вся надежда была на преемственность поколений — основополагающий принцип для жизни любого футбольного клуба. Поэтому на разговоры о том, что «команды нет», я отвечал «не спешите». И команда вскоре появилась, заиграла. Да, мастерства чемпионов СССР этому минскому «Динамо» еще не хватало, однако снова появился свой стиль, игроков стали приглашать в различные сборные, а в сильном по составу участников чемпионате страны мы не затерялись.

И все же требования стать чемпионами страны были преждевременными. Тем не менее их высказывали с раздражающей частотой. Наверное, в руководстве клуба забыли, с какими словами рекомендовали меня московскому «Динамо»: «Малофеев сделает вас чемпионами, только вы ему не мешайте!» В общем, подумав и все взвесив, я решил уйти из команды. Была у моего отъезда из Минска и причина личного характера. Моя вторая дочка на традиционные тогда для студентов осенние сельхозработы ездила в Краснопольский район Могилевской области, а по данным МАГАТЭ эта территория наиболее пострадала в Белоруссии от аварии на Чернобыльской АЭС. У дочурки началось заболевание щитовидной железы. Я испугался, супруга испугалась, решили — надо уезжать. Хотя Дина говорила: «Опять, опять куда-то переезжаем… Может, хватит?»

Тут как раз настала пора оформлять мне пенсию — двадцать семь лет выслуги во внутренних войсках. Надо было на месяц ложиться в госпиталь для медицинского обследования, так что в клубе я заявил: пусть на время команду возглавит кто-то другой. Руководство «Динамо» удивилось, но потом вошло в мое положение. Мне дали возможность несколько месяцев поработать в Белсовете «Динамо», ничего, по сути говоря, на этой должности не делая. Так что расстались мы если не друзьями, то, во всяком случае, без взаимных обид.

А тут мне поступило предложение от господина Аль Халиди, владельца клуба «Асмарал», возглавить кисловодскую команду. Предложение было заманчивым с финансовой точки зрения, а что

касается работы в Кисловодске, мы ведь с женой всегда отдыхали на Северном Кавказе. Начало моей работы в «Асмарале» оказалось интересным для меня как для тренера. Я собрал ребят из региона, среди них были и русские, и кавказцы, и два, теперь уже легионера, латыша. Как-то все у нас удачно складывалось — тренировались футболисты с полной отдачей, матчи проводили достаточно успешно. Даже «Аланию» из высшей лиги обыграли, правда, она выступала не в сильнейшем составе. Аль Халиди очень любил футбол, в Кисловодске не раз устраивались товарищеские игры между руководством клуба и местной администрацией. Лучшим игрокам вручались призы. И меня пару раз признавали лучшим футболистом этих матчей — костюм подарили. А у дочки эндокринная система пришла в норму. В общем, все было вроде бы прекрасно. Но вскоре ребята стали обращаться ко мне с жалобами на то, что руководство не полностью выполняет финансовые обязательства, а быть заложником в такой ситуации я не хотел. Поэтому, поняв, что настоящую команду в Кисловодске по независящим от меня причинам построить не удастся, позвонил президенту клуба и сказал, что ухожу. Тем более что в «Асмарале» был тренер, который безболезненно мог заменить меня. Его я и рекомендовал на свой пост.

А в Кисловодске я успел добиться начала реконструкции старого стадиона, теперь там есть стадион-красавец. Так что, думаю, меня хотя бы за это сейчас вспоминают добрым словом.

Итак, я, уйдя из минского «Динамо», а затем из «Асмарала», снова оказался в России и без команды. Предложения возглавить различные клубы ко мне поступали, но завершались они одинаково странно — обещание позвонить и последующее гробовое молчание. Раз молчат, думаю, поеду-ка я поработаю за границей. Мне хотелось доказать, что мы, советские люди, и там можем работать достойно. Причем на достаточно высоком уровне. Предложения у меня были из клубов Германии, Греции, Кипра. Я даже поступил на курсы по углубленному изучению английского языка, стал понимать обыденную разговорную речь. С президентом одного из кипрских клубов договорился, что буду ждать его вызова. Жду. Опять молчание. Вдруг узнаю, что с этой командой на сборы едет совсем другой тренер. Еще в одну страну сунулся — тоже, сначала «добро», потом обрыв связи. Что такое, понять не могу?

И тут я вспомнил, как «меня уходили» из московского «Динамо». Вспомнил и переоценил ситуацию.

А дело было так. Мне позвонил, царство ему небесное, Анатолий Владимирович Тарасов.

— Эдуард, — говорит, — давай, приходи работать в ЦСКА. Я тебе буду помогать в любом качестве. Могу начальником команды быть или как иначе буду с тобой работать. Я всех генералов знаю, не волнуйся. Полковника тебе здесь враз сделаю!

А я подполковником внутренних войск тогда был.

— Спасибо, — отвечаю.

Через день-другой звонок. Высокий чин из футбольных кругов спрашивает:

— Эдуард Васильевич, а ты хочешь в ЦСКА поработать?

Отвечаю:

— Мы с Анатолием Владимировичем уже у всех генералов каких надо побывали. Процесс, так сказать, идет. Так что зачем «хочешь»? Мы с Тарасовым в этом направлении уже работаем.

Вскоре вновь звонит Анатолий Владимирович и говорит:

— Эдик, ты же, оказывается, враг народа!

— То есть как?! Почему?

А Тарасов продолжает:

— Тут такие вихри закружились! Через кого-то передали от имени высоких чинов: «Малофеева не бери, а то к ЦСКА наше отношение будет соответственным. Ты нас понимаешь? Вот и отлично!»

Вспоминая о случае с тарасовским приглашением, я понял, что столкнулся не с артобстрелом в стиле «короткими очередями по Малофееву пли» — вокруг меня минные поля расставили. Зачем, почему? Я же боролся за свою профессиональную жизнь, за чистоту футбола. Вот, думаю, тут-то и напоролся. Боролся, но напоролся. Как же это все организуется, думаю, очень хотелось бы знать! Узнал «как» я через три года. Оказывается, на всех на моих зарубежных приглашениях стояла хо-о-орошая такая формулировка: «В связи с чернобыльской аварией у Малофеева неизлечимый рак крови!» Написали бы «дебошир и алкоголик» или «бьет жену и курит в постели», я, ей-богу, меньше бы этой нелепости удивился. Ведь такая лживая виза стояла на официальных документах, ее автором был государственный человек! А с президентом кипрского клуба я потом встретился на сборах. Он так обрадовался, закричал: «О, Малофеев, вы живы?!» Я говорю: «Ну в общем-то да, а что?» Вот тогда иностранец и рассказал мне о нашей федерации футбола.

Но тогда, к счастью, меня пригласил тюменский клуб «Динамо-Газовик», игравший в первой лиге. Наверное, мне и туда могли дорогу закрыть. Однако решили: «Тюмень — это такая Тмутаракань, что и связываться-то не стоит. Да еще и первая лига. Пусть едет в сибирскую ссылку». Я поехал и попал в клуб с хорошим руководством, разбирающимся в футболе, стремящимся

развивать его в своем регионе, честолюбивым: «Эдуард Васильевич, мы хотим, чтобы клуб играл в высшем дивизионе», — «Конечно, — отвечаю, — будем выходить в высшую лигу, и никаких!»

В Тюмени наш стадион и ледовый дворец спорта стояли рядом, мы были тесно связаны с хоккеистами, часто посещали их матчи. Учебно-тренировочный процесс был полноценным, мы в подготовительный период работали на снегу, на льду — о необходимости такой подготовки я уже говорил раньше. Удалось пробить для команды базу. Ею стал бывший обкомовский двухдневный санаторий, куда областное руководство приезжало на выходные — в лесу грибы пособирать, заготовки домашние сделать. Большую помощь в работе президенту клуба Владимиру Долбоносову, в прошлом игроку московского «Динамо», оказывал начальник областного УВД Вениамин Михайлович Башарин. За год мы добились поставленной цели — получили право играть в высшей лиге. Вспоминаю случай, произошедший на финальных играх, — тогда победители трех зон первой лиги играли с тремя командами, которые из высшей лиги вываливались. Мы в первых трех матчах соперников обыграли и сразу завоевали путевку наверх. Потом доиграть турнир было делом техники. Честно говоря, я радовался и тому, что тюменцы шагнули вперед и что сам в высшую лигу вернулся. Правда, в «вышке» нас в следующем сезоне сразу стали поддушивать — и с помощью судейства, и другими «компонентами». Но мы 12-е место все-таки заняли. А я ушел из команды, потому что видел: особых перспектив для работы нет. Плюс к тому сибирские команды целенаправленно выдавливали из высшей лиги — никто не хотел за Урал из Москвы на матчи летать. Но Сибири, считаю, я в какой-то степени помог обрести в себе «футбольную уверенность».

Месяца через три меня пригласили поработать в махачкалинском «Анжи». Сначала к подобному предложению я отнесся как-то… «с непониманием». Это ведь было время первой чеченской войны. Но других предложений ко мне не поступало, и я поехал работать в Дагестан, во вторую лигу. Там меня и мою семью — а один я никуда не ездил, потому что без поддержки семьи не могу работать, — встретили душевно. Я приступил к созданию команды, не заключая жесткого контракта с клубом.

Вообще я всегда стремился работать «на доверии», больше полагался не на подписи и печати в договорах, а на свое мнение о людях. Я рад, что при этом мне ни разу не довелось столкнуться с обманом. Речь идет не о том, что мне, дескать, обещали зарплату одну, а потом могли дать меньшую, нет. Я говорю о том, что на личном опыте мне довелось убедиться: в мире гораздо больше

честных и добрых людей, чем злых. К сожалению, люди злые порой оказываются более сплоченными в своих действиях, их «клубок друзей» оказывается живучим. А несмышленая толпа имеет свое мнение о чести, но истинную честь и нравственность увидеть и понять не может. И люди, сбитые с толку голосом толпы и мнением большинства, впадают в заблуждение и полагают почетным то, что превозносит толпа. Но это, к счастью, происходит не всегда. Как я уже говорил, по-прежнему главными положительными критериями оценки человека, его дел остаются душевная доброта и щедрость. К чему я это повторяю?

Перед тем как принять приглашение «Анжи», я встретился с руководителями республики Дагестан. Наверное, они знали, что я в какой-то мере ретро-тренер, придерживаюсь в футболе принципов, которые ставились во главу угла в советское время, — пекусь о честности, преданности клубу. И мне сказали: «Эдуард Васильевич, вы порядочный человек, преданный футболу. Видите, как тяжело нашей республике! Да, мы сейчас во второй лиге. А вы специалист, поработавший на самом высоком уровне. Пожалуйста, помогите нам. Нам необходимо привлечь зрителей на трибуны. Мы хотим подарить Дагестану праздник футбола. Нашему народу очень нужна отдушина, ведь рядом идет война».

И этот разговор, безусловно, повлиял на мое положительное решение возглавить «Анжи». Я там оказался в роли посланника, миссионера большого футбола. А на исполнение этой роли меня подвигло искреннее стремление создать в Махачкале сильный профессиональный клуб президента «Анжи» Магомедсултана Магомедова и вице-президента Александра Маркарова. Они, собственно, и были основателями «Анжи» — руководящий тандем бизнесмена и политика, с одной стороны, и прекрасного в прошлом футболиста, с другой, мог решить серьезные задачи. Чего, как мы теперь видим, в итоге махачкалинский клуб и добился.

После развала Советского Союза положение простого народа в Дагестане значительно ухудшилось, многие, с кем я встречался, вспоминали о прошлом добрыми словами. Думаю, поэтому и ко мне, человеку, делающему доброе дело, относились по-доброму.

Вспоминаю такой случай. Женщины, которые убирали на стадионе мусор, представляли, говоря современным языком, самые необеспеченные слои населения. Не раз и не два я давал им деньги, чтобы они могли купить что-нибудь для своих семей. И поверьте, их слова «Храни вас аллах! Дай аллах вам здоровья!» были искренними. Народ, он везде одинаковый и на добро всегда будет отвечать добром.

В Махачкале я проработал два с половиной года, вывел

команду в первую лигу и закрепил ее там. Но потом мне стало трудновато в психологическом отношении работать в «Анжи»… Скажу так: мне не хотелось, чтобы у меня в Махачкале появились враги. Я имею в виду житейский быт. Словом, расстались мы с клубом без взаимных упреков.

Уйдя из «Анжи», я решил осесть в Москве. Наконец-то появилось время серьезно заняться ремонтом квартиры. Мы ведь в ней практически и не жили, и вид ее представлял зрелище поистине ужасное. Что ж, свой дом надо обустраивать!

ГЛАВА 12
НА КРАЙНЕМ ЗАПАДЕ СТРАНЫ

Ремонт квартиры, как говорят в шутку, может быть приравнен к двум наводнениям или одному пожару. А тут еще вмешался неожиданный телефонный звонок.

— Здравствуйте, — сказал мужской голос. — Это говорит Александр Иванович Лилица, президент футбольного клуба «Псков».

— О, — говорю, — здравствуйте. Как у вас в Пскове дела? Как поживает футбол?

Звонивший объяснил, что местная команда играла во второй лиге, но в середине сезона ее сняли за недоуплату заявочного взноса, что он тем не менее думает не бросать футбол, а наоборот — возрождать его, есть планы по усилению команды, которая во втором круге стала выступать в турнире непрофессиональных коллективов, и все такое прочее.

Я, честно говоря, хотя меня официально в Псков еще не приглашали, сразу понял, куда разговор клонится. Нет, думаю, ни в какой Псков я не поеду. Зачем?

Александр Иванович продолжает мне звонить если не ежедневно, то по крайней мере через день. Приглашения я так и не слышу, беседуем на общефутбольные темы. Между тем меня приглашают возглавить одну из команд Подмосковья. И тут, недели через три после начала наших телефонных бесед, Александр Лилица сказал: «Эдуард Васильевич, приезжайте, посмотрите на наш Псков. Город прекрасный, старинный».

Вот эта его настойчивость, какая-то необычная в стремлении не торопить события, и заставила меня поехать с другом на машине в Псков. Там нам устроили великолепную двухдневную культурную программу. Город мне очень понравился. Он оказался, как старинные иконы, истинно русским, как бы намоленным поколениями живших здесь людей. Съездили мы и в Псково-Печорский монастырь, один из центров православной культуры. Пожалуй, именно сам город, весь как бы дышащий историей, многовековой западный форпост обороны России (ведь Калининград — он город хоть и российский, но не русский), сыграл решающую роль в моем положительном решении возглавить местный футбольный клуб. И я должен сказать, что с тех пор, как принял это решение, ни разу не усомнился, что

поступил правильно.

Пожалуй, впервые я пришел на относительно пустое место. То есть в Пскове были свои футбольные традиции, и, как мне сказали, матчи местного клуба собирали на стадионе по четыре тысячи зрителей. Была в истории клуба и попытка выхода в первый дивизион российского футбола. Было и известное всей сегодняшней футбольной России имя — здесь начинал профессиональную карьеру игрок сборной Дмитрий Аленичев. Но клубу «Псков» в этот момент требовалось имя тренерское. Я понимал это. Вместе с президентом мы ходили к мэру города, к губернатору, в городскую и областную Думы. Необходимо было получить поддержку властных структур — и мы ее получили. Особую роль сыграл в возрождении снятого с соревнований клуба мэр Пскова Александр Васильевич Прокофьев. Окончательное решение возглавить клуб я принял лишь после того, как понял, что его подход к делу является профессиональным. Ведь он возглавлял администрацию города, где футбол был популярен, а значит, им двигали не честолюбивые планы, а желание вернуть горожанам праздник.

Увы, возвращение во второй профессиональный дивизион не состоялось. В последний момент, когда был составлен и опубликован календарь, а у первого соперника «Пскова» заказаны номера в местной гостинице, нашу команду ПФЛ не допустил а к соревнованиям. А ведь удалось провести хороший подготовительный период, из множества контрольных матчей мы уступили только в одном — тольяттинской «Ладе». Настрой у ребят, имеющих возможности для роста и готовых эти возможности претворять в жизнь, был самый что ни на есть серьезный.

В создании этого настроя, думаю, свою роль сыграли мои беседы. Я повторял им то, что говорил игрокам других команд:

— Дайте себе установку забыть слово «не могу». Для тех, кто выходит на игру, существует только слово «надо».

— Игра — это бой. А в бою температуру не меряют.

— Считайте меня не отцом, а другом вашего отца.

— Если мы выиграем время, мы выиграем все. Чтобы выиграть время, надо заставить бегать самого быстрого футболиста. А именно — футбольный мяч.

Задачи на сезон-99 я ставил следующие: выход в первую лигу и участие в четвертьфинале Кубка России. Путь простой: «Во что бы то ни стало».

К борьбе за победу были готовы и ребята, только начинавшие карьеру в Пскове, и те, кто успел поиграть в других российских и зарубежных клубах, но вернулся обратно. Когда нас не допустили

к участию в первенстве второго российского дивизиона, руководство «Пскова» приняло решение заявлять команду в региональном первенстве Северо-Запада. Мы, конечно, испытали настоящий шок, восстановиться от которого было нелегко. Но никто из футболистов не покинул «Псков», хотя предложения были у многих, а первый же домашний матч любительского первенства собрал на стадионе «Машиностроитель» семь тысяч зрителей!

Конечно, у сезона, проведенного в любительском дивизионе, были свои темные стороны. Например, в Ленинградской области мы столкнулись с тем, что поле, на котором практически отсутствовала трава, за полтора часа до матча укатывали дорожным асфальтовым катком. На выезде нам приходилось иногда играть почти при пустых трибунах. А после того, как наш главный соперник выиграл свой домашний матч у «Пскова», проведя 90 процентов времени в обороне, его главный тренер сказал, как бы извиняясь: «Эдуард Васильевич, «исландский вариант» иногда проходит».

Я же никогда не мог понять, что такое «игра от обороны». Или есть еще такое определение — «весенний футбол». По-моему, оно изобретено тренерами, чем-то напоминающее заготовленную солому для мягкого падения. К сожалению, этот термин широко используют журналисты и телекомментаторы. Я говорил и буду говорить, что моя команда обязана с первой же игры показывать футбол, который нравится болельщикам. И тренер должен строго спрашивать с тех, кто этого делать не хочет. Какой может быть «весенний футбол» у команды, которая тренируется уже четыре месяца?! «Весенний», «летний», «осенний»… Футбол бывает хороший и плохой.

В ряде игр на протяжении сезона нам удавалось показывать хорошую игру. Это поняли зрители, почти всегда заполнявшие трибуны стадиона, а порой приезжавшие на выездные матчи «Пскова». Это поняло и руководство города, не пропускавшее наших домашних официальных встреч.

Постепенно и я почувствовал, что псковская футбольная жизнь выносит меня на круги своя, возвращает мне уверенность в своих силах. Именно в Пскове я решил написать эту книгу, именно там начал эту работу.

Но сезон продолжался. Мы выиграли Кубок Северо-Запада России, проведя решающий матч на стадионе имени Кирова в Санкт-Петербурге, который стал в этот день для «Пскова» домашним из-за большого числа приехавших на игру болельщиков. И в финале любительского первенства России стали чемпионами страны среди непрофессиональных клубов. А этого,

поверьте, добиться было трудно. Ведь утверждение, что случайно можно лишь проиграть чемпионат, а выиграть его случайно невозможно, справедливо. И справедливо, что восемнадцати футболистам «Пскова» в конце сезона-99 было присвоено высокое звание «Мастеров спорта России», а я стал, наверное, единственным в мире тренером, который не только выводил на чемпионат мира сборную великой страны, был ее чемпионом, но и к тому же побеждал в любительском первенстве.

Честно говоря, я никак не ожидал, что Псков окажется таким футбольным городом. О зрительском интересе и стремлении, городского руководства помочь команде я уже говорил. Но оказалось, что и внимание прессы в нем к футболу большое, и болельщики готовы не только переживать игру на трибунах, но и обсуждать перипетии матчей в любом удобном для этого месте. Ко мне, как и к любому футболисту, на улицах подходили псковичи, расспрашивали о выездных играх, о подготовке к следующему матчу. А после встреч на выезде, пока отчет об игре не был опубликован в газетах, телефон в клубе разрывался от звонков — болельщики желали побыстрей узнать не только счет, но и подробности завершившегося матча.

Пожалуй, в этом свою роль сыграло то, что исторические особенности формирования клуба и мои принципы комплектования команды совпали. В Пскове всегда играли в основном местные футболисты, и я всегда считал и считаю необходимым делать ставку на своих игроков. Талантливые футболисты есть всюду, на них надо суметь положить глаз и продуктивно работать, работать, работать… В «Пскове» были ребята, кем-то зачисленные в бесперспективные. И среди прочих Игорь Недорезов и Валера Цветков. В сезоне 2000 года они практически без раскачки стали игроками основного состава питерского «Зенита», эти так называемые «бесперспективные»! Им нужно было помочь раскрыться. И когда мне говорят «Ну, Василич, сколько же у тебя терпения!», я отвечаю, что это и есть работа тренера. В Пскове хватает талантливой молодежи. И я не лукавил в интервью корреспонденту «НТВ плюс» Илье Казакову, когда говорил, что местные ребята вполне могут дорасти до самого высокого уровня и в сборную попасть. Было бы у футболистов стремление к росту.

Не лукавил я и когда в этом же интервью, а также в фильме «Тот самый Малофеев», который сделал Илья, говорил, что хочу дожить до ста пятидесяти лет. Что ж, пусть кто-то считает, что после шестидесяти лет полноценно командой руководить нельзя — у меня энергии с избытком, я никогда ничем серьезным не болел, даже травм настоящих не получал. Бесков, учитель мой, до

семидесяти пяти тренировал, почему бы мне Константина Ивановича не обставить? Я уверен, что, как минимум, до девяноста лет буду работать тренером.

Подготовку к следующему сезону мы начали рано, дав старт тренировкам уже 1 декабря. Это позволило вести работу более гладко, не форсировать ее, уменьшить вероятность ошибок и оставить запас на их исправление. Месяц продолжался втягивающий цикл в большую-большую работу, которую предстояло выполнить ребятам. Постепенно мы восстановились функционально. Удалось за «предсезонку» просмотреть и проверить на практике много молодых футболистов. Просмотрели мы и футболистов из других команд, которые изъявили желание попробовать свои силы в «Пскове». Затем вышли на спарринг-партнеров. Играли в Финляндии, провели два сбора в литовской Паланге — налаживали командное взаимодействие. Оставалось выяснить главное — угадал ли я время снижения нагрузок, необходимое для функционального роста футболистов, или нет. Просчитать на счетах эту ситуацию нельзя. Разные люди, разные организмы — кто-то войдет в сезон в прекрасном состоянии, кто-то не сможет сразу выдать «на-гора» все, что он умеет.

Вновь пришедшие в команду футболисты заметили, что наши ребята превосходят их в двигательной деятельности, оказываются в игре ловчее, мобильнее в тренировках, у них более высокая скорость принятия решений в каждом игровом эпизоде. В конце концов, они более адаптированы к моим тренировкам и упражнениям. Видимо, это испугало несостоявшихся игроков нашей команды. А нагрузки… Они же у меня не запредельные. Тому, кто боится нагрузок, в футболе нелегко.

Были и проблемы иного рода. «Псков» не мог взять любого игрока, который понравился бы мне или президенту. Поэтому мы придерживались принципа: еще и еще раз сперва проверить своих ребят. Что же касается приезжих, иногда мы попадали в материальные туники. При этом не будем забывать, что свои игроки не только дешевле обходятся клубу, они патриотичнее. Я так подробно останавливаюсь на работе в Пскове, потому что хочу затронуть насущную для России тему — столичный футбол и провинциальный.

Везде футбол может быть приличным. Все зависит от тренера. Игроки показывают мировой футбол не только в столицах. Минск тоже был в определенной степени футбольной провинцией в свое время. Другие команды?.. Пусть в чемпионатах главенствуют москвичи, но и клубы «из глубинки» добивались высшего успеха. Конечно, провинция есть провинция. Здесь не те финансовые

возможности, и судейство подвержено «влиянию Москвы». Порой сами провинциальные команды не могут психологически настроиться на чемпионство. Но тренер обязан в клубе, с которым он хочет чего-то добиться, воспитывать дух победителей. Обязан, иначе никакие тренировки ничего не дадут.

Сезон 2000 года «Псков» начал неплохо, команда шла в группе лидеров зоны «Запад» второго дивизиона, а зрители переполняли трибуны местного стадиона. Двенадцать, четырнадцать тысяч зрителей! И в высшей лиге не везде и не всегда такая посещаемость встречается. А это значит, что команда показывала интересный футбол.

Мне приятно, что в Пскове, как и в других городах России, где я работал, руководство клуба находило взаимопонимание с местными властями. На псковском стадионе восстановили пребывавшее в запустении запасное поле, наладили работу групп подготовки. Я уверен, что ничего подобного не произошло бы без энтузиазма президента клуба Александра Ивановича Лилицы. Он возглавлял «Псков», когда тот в 1992 году остался в шаге от путевки в первую лигу, он же вел целенаправленную работу по созданию современного профессионального клуба в последние годы. Заявляю с полной ответственностью, мне не удалось бы без взаимопонимания с Александром Лилицей за два года превратить «Псков» из любительского клуба в одного из лидеров второго профессионального дивизиона.

По-новому раскрылись, увидев перспективу и конкретный результат своей работы, тренеры Александр Сергеевич Лебедев, Владимир Петрович Кравченко. Ведь их воспитанники и составили основу «Пскова», они в качестве детских тренеров открыли им путь в большой футбол. Те же нынешние «зенитовцы» Недорезов и Цветков — это ребята Александра Лебедева, который сейчас заканчивает учебу в Высшей школе тренеров. Причем меня особенно радует, что к ней он отнесся с не меньшим энтузиазмом, чем когда-то я сам. А как профессионально трудится с молодыми футболистами Владимир Кравченко, сам в прошлом талантливый футболист, игравший в 70-х годах за псковский «Машиностроитель»!

Поверили в свое будущее молодые футболисты Сергей Виноградов, Иван Ершов, Сергей Соколов, Руслан Суродин, Владимир Вагин. Уверен, вы еще услышите и запомните эти имена. Кстати, двоих последних уже привлекали к участию в матчах сборной России по своему возрасту. А вот Валера Алексеев, игравший за «Псков» в 1999-м, не стал засиживаться на скамейке запасных в «Анжи», забил в Махачкале важный для клуба мяч. В клубе первого дивизиона — пермском «Амкаре» —

закрепился еще один игрок «Пскова-99» Иван Васильев.

Вторую молодость обрели ветераны Игорь Васильев, Андрей Аленичев, Игорь Сурин, Михаил Савицкий, Александр Гультяев (в 2000 году он хорошо проявил себя в чемпионате Эстонии, выступая за клуб из Нарвы), Сергей Степанов. Это уже потом я узнал, что некоторые из них опасались первой встречи со мной, дескать, вдруг Малофеев даст резко отрицательную оценку их мастерства. А когда эти волнения остались позади, говорили: «Эдуард Васильевич, знаете, ведь нас раньше в другой футбол играть учили. Мы в настоящий футбол только сейчас играть начали». Я благодарен этим старожилам «Пскова» за то, что они показывали пример в тренировках молодым ребятам, способствовали созданию хорошего микроклимата в коллективе.

Но получилось так, что новое руководство города ослабило внимание к команде. Это психологически затормозило футболистов в середине сезона. Я не хочу, не дай Бог, никого обвинять, все мы прекрасно знаем, что сейчас у городских властей и без футбола проблем хватает. Но это ведь тоже не частная проблема «Пскова»…

В общем, у меня стали появляться мысли о работе на более высоком уровне. Я поставил об этом в известность руководство клуба. И в этот момент мне официально предложили возглавить сборную Белоруссии, и я дал согласие.

При этом моя связь с «Псковом» не порвалась. Периодически со мной созванивались президент клуба и Александр Лебедев, ставший исполняющим обязанности главного тренера. Мы обсуждали различные вопросы — и организационные, и касающиеся тренировочного процесса. Мне кажется, я не зря почти два года отработал в клубе самого западного города России.

ГЛАВА 13
НА КРУГИ СВОЯ

Принимая предложение возглавить сборную Белоруссии, я понимал, что иду на большой риск, знал, что работать будет нелегко. Ведь по сути мне пришлось снова входить в ту воду, где уже однажды был. Нет, не однажды! Мой нынешний приход в Минск — третий по счету. И последний раз «белорусская вода» выталкивала меня из себя довольно-таки активно. А такая вода хранит память.

Но предложение было сделано на государственном уровне. Значит, в Белоруссии есть люди, которые помнят меня как хорошего тренера. Тренера, которому можно доверять. Иначе они вряд ли обратились бы к человеку, возглавлявшему в последние два года команду второго российского дивизиона. Значит, приглашавшие меня тоже были готовы идти на риск.

Итак, после серьезного, обстоятельного разговора в Москве я принял решение возглавить сборную Белоруссии, понимая, что не всем там этот вариант придется по душе. Так, в общем-то, и оказалось. Ну что ж, все мы люди, все мы порой оказываемся в плену однажды сложившихся мнений. Иные дорожат своим местом куда больше, чем своим делом. Но, по-моему, таких все же меньшинство. Таких и насторожило направленное мне приглашение. Да, в футбольной работе я человек принципиальный и если начну спрашивать за недостатки в работе, в разговоре со мной «дурочку» не включишь.

Хотя я давно понял, что в некоторых ситуациях нужно быть дипломатичней и ни в коей мере не давать волю накопившимся обидам. Каждодневная работа покажет, кто чего стоит на данном этапе.

Поэтому, на первой же пресс-конференции я поступил, искренне так считаю, по-христиански. «Ребята, я не имею морального права ни о ком говорить ничего плохого, — заявил я журналистам, зная и видя, что они ждут от меня каких-то разоблачений или агрессивных воспоминаний. — Признаю, что в свое время некоторые из вас справедливо критиковали меня. Я ни на кого не держу зла. Давайте сегодняшний день считать нулевой точкой отсчета. Работа только начинается, давайте говорить лишь о настоящем и о будущем».

Так мне удалось разрядить изначальную натянутость отношений. Ведь главное — первому шагнуть навстречу. Не надо

заранее ничего обострять. Да, с тех пор как Белоруссия стала независимым государством, ее футбольная сборная не добилась успеха ни в одном из международных турниров. Ну и что? Теперь мы обязательно должны попасть в финальную часть чемпионата мира 2002 года. Такую задачу перед командой я поставил сразу же и не собираюсь отказываться от своих слов. Иначе приступать к работе не стоило.

Пускай кто-то называет «декларацию Малофеева» блефом, считает, что я вновь придумал нечто из области нереального. Мне было важно, во-первых, взять быка за рога, а во-вторых, — посмотрим. Мы еще посмотрим, кто поедет в Японию и Корею, а кто — нет. И еще, в третьих, необходимо было привлечь к команде ослабевшее в последние годы зрительское внимание. И я его привлек. Тем более что официально объявил: дверь в сборную ни для кого не закрыта. Если я увижу талантливых футболистов, играющих в чемпионате Белоруссии, обязательно привлеку их к играм сборной.

Я стал обзванивать опытных футболистов, задавая вопрос: «Хотите играть за сборную? Вы подумайте, прежде чем ответить. Если даете «добро», то нужно играть. Если вы по каким-то причинам не захотите — так и скажите. Я ни в кого не брошу камень, не допущу, чтобы ваш выбор обсуждался прессой. Каждый решает сам. Может, кому-то трудно играть за сборную? А если вы все же решаете играть за Белоруссию, мы вместе будем грызть землю, добиваясь наивысшего результата».

Никто не отказался, более того, у меня не было и нотки сомнения в том, что желание выступать за национальную команду у них искреннее. Это окрылило меня. Затем я обратился в федерацию футбола со следующим предложением. Скоро перерыв в чемпионате Белоруссии, давайте составим две сборные из местных футболистов, сыграем два контрольных матча. Польза от этого будет всем. Я посмотрю игроков, они почувствуют внимание, у них появится желание проявить себя. Будет интерес и у зрителей. Легионеры задумаются, почувствуют, что я не склонен опираться исключительно на них.

Этот шаг действительно оказался удачным, в двух контрольных играх я приметил около десяти понравившихся мне человек. Да, их подготовленность еще хромает, но в межсезонье будет время, чтобы исправить эти недостатки.

Пока же я начал вызывать ребят, играющих в зарубежных клубах. К сожалению, у Федерации не было ни одной договоренности о товарищеской игре сборной. И вдруг, к моей радости, с подобным предложением к Белоруссии обратилась Латвия. Мне хотелось провести эту игру в Минске, но латыши

поставили условие — играем в Риге. Ну что ж, главное — матч состоится.

Собрав ребят на два дня, я снова вызвал их на тот же разговор, что вел по телефону. Я сказал им, что судьба белорусского футбола мне далеко не безразлична. Надеюсь, все поняли искренность этих слов, искренность человека, отдавшего тридцать лет работе в Минске. А потом добавил: «Вы все приняли решение. Знайте, что плохо играть за сборную непозволительно. Плохо играть за сборную я не дам. И еще — я не собираюсь копаться в прошлом, искать виноватых в предыдущих поражениях команды. Сейчас мы начинаем играть — все».

Увы, двухдневный срок для командной подготовки, особенно психологической, очень мал… Первый тайм игры с Латвией мне не слишком понравился, и в перерыве я темпераментно провел работу над ошибками. Когда кто-то из ребят попробовал возразить, пришлось раз и навсегда определиться с подобными беседами.

— Вот этого мне не надо. На установке я готов выслушать любого. А теперь матч начался, и говорить буду только я, а вы будете выполнять. Кто не будет выполнять, тот будет сидеть на скамейке запасных. Если в армии каждый солдат будет в бою объяснения искать, это стопроцентно гарантирует поражение любой армии! Так что запомните: с началом игры наступает абсолютное единоначалие.

Далее, как в фильме «Белое солнце пустыни»:

— Вопросы есть? Вопросов нет.

Вышли на второй тайм, сыграли прекрасно, выиграли 1:0.

Надо работать дальше! Кстати, мой путь из гостиницы, в которой я жил первое время работы в Минске, к зданию Федерации футбола Белоруссии лежал мимо центрального стадиона. Смотрю, чем ближе к первому отборочному матчу с Уэльсом, тем очередь у касс длиннее. Вот бы, думаю, сюда футболистов тайком подвести, пусть посмотрят.

Я продолжал встречи и телефонные беседы с игроками, стараясь как можно больше говорить о нравственной, духовной стороне футбола. О духовности человеку надо говорить каждодневно, а лучше — несколько раз в день. Воспитывать надо духовность в себе и в коллективе. Это как на реке, когда поднимаешься против течения. Пока гребешь — трудно, но продвигаешься вперед. Как только бросил весла — все, сносит вниз, обратно.

Кроме этого, я, конечно, ездил смотреть матчи, узнавал мнение клубных тренеров о футболистах, собирал информацию.

И вот началось! Сыграли с Уэльсом, могли выиграть и с более

крупным счетом. Поехали в Польшу. Было много скептических прогнозов. Да, по результату мы там неудачно сработали, но по игре сборной ни я, ни один болельщик, ни один злопыхатель не смогли сказать, что наша команда выглядело плохо — белорусы владели инициативой, и только грубейшие ошибки отдельных игроков привели к поражению. И прессу мы, кстати, в Польше хорошую получили.

Третья игра предстояла с армянами. Последняя игра сезона — это уже ситуация, когда день год кормит. На зимовку надо уходить с «жирком» очкового запаса. Первый тайм нам удался на славу, во втором мы сыграли попроще, но по объективным причинам. У некоторых игроков были травмы.

В общем, сезон удалось закончить на хорошей ноте. Прекрасно сработала и молодежная сборная Белоруссии, одержавшая в своем европейском турнире три победы с крупным счетом. Явно возрос зрительский интерес к этим матчам. Значит, туманная перспектива качественного футбола становится реальностью. Значит, народ простил национальной команде предыдущие ошибки и поражения. Значит, у сборной появилась народная поддержка. И внимание прессы к команде стало повышенным. Дай Бог, чтобы так было и впредь.

Я рад, что снова работаю в Белоруссии. Рад, что отношение руководства страны к футболу такое ответственное. Где-то через неделю после моего приезда мне довелось встретиться с президентом Белоруссии Александром Лукашенко. Разговор был не парадный, а обстоятельный, деловой. И у меня не было причин сомневаться в искренности Александра Григорьевича, когда он сказал:

— Эдуард Васильевич, поверьте, когда наша сборная проигрывает, мне бывает более стыдно за это, чем вам, футболистам и тренерам.

Что я мог ответить? Только одно:

— Александр Григорьевич, приходите, пожалуйста, на матчи сборной. Уверен, если вы будете находиться на трибуне, мы ни одной игры не проиграем!

Ох, подумал я при этом, не оказались бы мои слова брошенными на ветер. Не оказались — два домашних матча мы выиграли без проблем.

Теперь мне предстоит воплотить в жизнь планируемое на подготовительный к следующему сезону период. У сборной есть приглашения на несколько зимних зарубежных турниров. Остается определить наиболее удобный по срокам проведения и самый сильный по составу участников. Сыграем в нем сборной клубов Белоруссии. Я уже собирал всех главных тренеров

белорусских команд высшей лиги. Хочу продолжить работу в этом направлении. Ведь чтобы уровень игры клубов поднимался, где иначе черпать ресурсы для сборной? Я прекрасно понимаю, что у каждого тренера существует свое видение игры, свои принципы. Но думаю, нам есть что почерпнуть друг у друга во время совместных тренировок или сборов. У меня есть опыт, у них — молодость. Нам надо стать сообщающимися сосудами белорусского футбола. Это будет прекрасно.

ГЛАВА 14
А БЫЛ ЕЩЕ И ТАКОЙ СЛУЧАЙ!

О многом и о многих рассказал я в своей книге. Но, наверное, никогда не избавиться мне от мысли, что «где-то как-то что-то» упустил. Хорошо, что мысль эта пришла в голову до того, как книга была сдана в издательство. Мне кажется, не стоит ломать стройное (надеюсь) расположение отдельных глав, добавляя в них воспоминания о людях или событиях. Но оставить эти события без внимания тоже нельзя. Тем более, нельзя оставить без внимания людей, принимавших в них участие. Поэтому пусть они еще раз окажутся перед вами — те, с кем я встречался в жизни.

* * *

В сборной СССР образца 1964 года, когда она отправилась в турне по Мексике, было два минчанина — я и Миша Мустыгин. Как-то нам устроили экскурсию по мексиканской столице. Наш автобус остановился в одном из районов, и по взаимной договоренности мы решили: «Встречаемся здесь через два часа. А сейчас — свободное время». Погуляли мы с Мишей по Мехико, возвращаемся чуть раньше положенного срока в условленное место. Автобуса нет! Мы запаниковали — время встречи приближается, что делать?! Нет ни автобуса, ни наших футболистов. Подходим к таксистам, и получается, что или мы совершенно неправильно выговариваем название нашего отеля, или действительно никто не знает, где он расположен. Минут тридцать мы ищем выход из положения. Видим мотороллер, который в фургоне развозит мороженое, бросаемся к водителю:

— Отель «Императадор»! Отель «Императадор»!

А водитель в ответ:

— Русо?

— Русо, русо! Русские мы! — киваем. — Отель «Императадор»!

Мы были в таком нервном состоянии, что водитель готов был довезти нас до отеля бесплатно, просил только, чтобы мы громко пели «Подмосковные вечера».

— Добро, — говорим. — Споем. Миша садится на заднее сиденье, я — в люльку для мороженого. Мустыгин говорит:

— Командир, трогай! Эдик, запевай! И мы едем по Мехико, распевая «Не слышны в саду даже шорохи…» Водитель нашим исполнением остался доволен. Но главное, мы к своему отелю первые добрались. А когда автобус со сборной подъехал, мы с Мишей сразу «в нападение» кинулись: мол, чего вы так долго, мы вас уже заждались! Оказывается, мы кварталы перепутали, они в том районе Мехико однообразно застроены.

* * *

Когда минское «Динамо» поехало на выездные игры чемпионата, мы в паре с Мишей в Ереване выиграли в карты у товарищей по команде приличную сумму денег. Не какую-то огромную, но позволяющую купить, например, сувенир. Миша решил подарить дочке красивую куклу. А я ему сказал:

— Слушай, мы потом в Алма-Ату сразу летим. Не покупай ты сейчас эту куклу, будешь с коробкой таскаться… А потом, может, в Алма-Ате выбор в магазинах больше, интереснее окажется.

В общем, отговорил. Прилетели мы в столицу Казахстана, решили снова в карты поиграть. И, опять же вместе с Мустыгиным, мы весь свой кавказский выигрыш и проиграли.

— Спасибо за игру да за совет, Эдик, — сказал мне Миша. — Я бы лучше эти деньги в Ереване сразу потратил, чем в Алма-Ате их проиграл.

* * *

Когда я пришел в минское «Динамо», зарплата у футболистов была не очень высокая. Мы на фоне других были, может, и более обеспеченными, но, как говорится, «тем не менее». Когда «Динамо» поехало на сбор в Гагры, то разместилось в одном из местных домов отдыха. А там, представляете, вся территория, весь парк был лавровыми деревьями усажен! Лавровый лист, он ведь не так уж и дешев. Мысль эта подвигла нас на то, что мы набили листьями чемоданы — чем не подарок с юга женам и матерям. Естественно, руководство дома отдыха обратило на наши действия внимание руководства команды. Начальник команды Александр Иванович Горбылев устроил нам взбучку,

завершив ее четкой командой: «Операцию «лаврушка» прекратить!»

* * *

Александр Горбылев был настоящим отцом всем футболистам — заботливым, но строгим. Ведь в те времена, даже при наличии денег, не все и не всегда можно было купить. Он же стремился (причем успешно) обеспечить команду необходимым.

С его участием произошел в моей жизни и такой случай.

Поехали мы на машине в Молодечно. Я был за рулем и нарушил правила, нас остановил милиционер. Александр Иванович сказал мне:

— Сиди. Я сам, — и пошел «обрабатывать» милиционера.

Стал говорить ему, что за рулем молодой человек, известный к тому же в республике футболист Эдуард Малофеев. Милиционер отвечал в духе, что ему это безразлично. Тогда Горбылев сменил тактику:

— Почему у вас пуговица не застегнута? Кто у вас начальник? Сегодня дежурит Иван Петрович? Тогда я доложу Сергею Николаевичу!

Милиционер в итоге извинился и отпустил нас с миром. Что же касается «начальственных имен», то оказалось, что Горбылев после войны работал как раз в отделе кадров молодеченской милиции.

* * *

На базе минского «Динамо» в 1960-е годы поваром работал человек, который на просьбы о выдаче добавки частенько прикидывался глуховатым.

— Николай, еще положи, — просишь, бывало, его.

А он в ответ:

— А?.. Чего?.. Не слышу!

Так что и просить не очень-то хотелось.

Однажды Юра Погальников, царство ему небесное, сел за стол и стал тихонечко, практически на ухо, соседям рассказывать:

— Слышали, новое постановление правительства вышло.

Зарплату здорово увеличили официантам, поварам, другим работникам кухни.

Вдруг наш «глухой» Николай к Погальникову из другого конца зала подбегает:

— А?.. Чего?.. На много увеличили?

* * *

Перед поездкой на южные сборы минский «динамовец» Игорь Рёмин захотел постричься наголо. Как-то ему удалось «поймать» на этом нашего одноклубника Эдика Заремба, который за подобный поступок предложил Игорю 80 рублей. Когда они пришли в парикмахерскую, Эдик взял механическую машинку и выстриг Рёмину полосу от лба к макушке — дескать, теперь-то ты точно пострижешься. Игорь получил свои законные 80 рублей, и тут Заремба почувствовал, что прогадал. Предложил нам оплатить стрижку Рёмина в складчину, мы согласились. Но Эдик не остановился на достигнутом, и когда команда прилетела в Алма-Ату, Заремба сказал:

— Видите фонтан у гостиницы. Я могу за 80 рублей в нем прямо в одежде искупаться. Скидывайтесь!

Из воды он вылез очень довольный, отряхнулся и забрал у нас деньги.

* * *

Мои единственные пока в жизни кинопробы оказались очень быстрыми. Просто игрокам сборной СССР, когда ее тренировал Николай Петрович Морозов, сказали: «Надо!» И мы стали участниками эпизодов в фильме «Нет и да» — в прокат он вышел под названием, по-моему, «Исполнение желаний». В фильме были сцены в спортивном зале — кто-то из моих товарищей по сборной жонглировал мячом, кто-то отрабатывал финты. Мне дали задание: «Эдик, надо сымитировать сильный удар по воротам».

Я не до конца понял, что и как мне надо было делать, и к мячу приложился со всей силы. Мяч попал прямо в живот находившемуся на другом конце съемочного павильона известному спортивному обозревателю Стуруа, человеку

солидной комплекции.

Сначала он только воскликнул:

— За что?! — А потом, отдышавшись и рассмеявшись, добавил: — Давно я с тобой, Эдуард, хотел поближе познакомиться. Теперь познакомился по-настоящему.

* * *

В 1980-х годах столичное «Динамо» не слишком успешно выступало в чемпионате СССР и вообще могло покинуть высшую лигу. Как раз в это время москвичам предстояло провести матч в Минске. Первым в столицу Белоруссии приехал один из руководителей Центрального совета «Динамо». Он обратился ко мне с просьбой, чтобы минчане помогли москвичам.

Конечно, этот человек знал, что у нас в команде играют бывшие «динамовцы» столицы Пудышев, Байдачный, Курненин. Вот, говорит, уверен, что и ваше руководство нас поймет, мы вылетаем, но наши клубы представляют одно спортивное общество…

Я отказался, ответив, что в недавней беседе с ребятами, словно предчувствуя подобное, говорил о возможности такой просьбы. Все футболисты сказали: «Нет, мы так помогать москвичам не будем!»

Выходим на поле, играем, как говорится, в одну калитку, у нас полное преимущество, полное… И 0:1 проигрываем! Не знаю, то ли я с заменами не угадал, то ли не наш день был. Но мне до сих пор интересно, что подумал человек из Центросовета. Может, что я скрытный такой оказался? Не знаю. А вообще-то, думаю, Господь смилостивился тогда над московским «Динамо», вот и все.

* * *

Минское «Динамо» принимало участие в зимнем турнире в Смоленске. Обратно нам пришлось возвращаться по совершенно обледеневшей дороге. Отъехали мы от Смоленска километров пятьдесят, как вдруг видим, что у идущего нам навстречу грузовика начинает заносить поперек трассы полуприцеп. До

столкновения остается не больше трехсот метров. Я сидел на переднем кресле и все видел очень отчетливо. Вцепившись в подлокотники, думал и молил только об одном: «Господи, пронеси!» А футболист Саша Прокопенко упал в проход между кресел и закричал: «Все, мы разбились! Мы погибли!»

К счастью, наш водитель Роман Левкевич принял единственно верное в этой ситуации решение. Он вжал педаль газа в пол, и мы на бешеной скорости — наверное, намного больше ста километров — успели проскочить критическую точку по самой обочине. Край прицепа лишь слегка задел бок автобуса.

В общем, Роман нас всех спас, а для Прокопенко этот случай, стал, увы, предвестником смерти. Вскоре он погиб в совершенно нелепой ситуации.

* * *

Когда в счет трансферта Сергея Алейникова минское «Динамо» получило из-за границы новый автобус, водитель нашего «рафика» Петр Юшко завершил его осмотр странными словами:

— Ой, какой плохой автобус пригнали! Не любят тебя, Роман, в клубе. Ох, не любят!

— То есть как плохой, почему? — удивился Левкевич.

— А тут, видишь ли, специальная система установлена, — сказал Юшко. — Прежде чем заводить, надо вот сюда дыхнуть. Так что этот автобус ты даже с легкого похмелья не заведешь.

— Ничего, я специально на этот случай противогаз куплю, — не оставаясь в долгу, ответил Роман.

* * *

Наверное, любой футболист может вспомнить много курьезных случаев, связанных с водителями клубных автобусов. Ведь игроки проводят на колесах большую часть своего времени.

Еще в 1960-е годы в минском «Динамо» работал шофером Василий Петрович Никитин. Ехали мы как-то на игру, а один из руководителей клуба начал советовать Никитину:

— Здесь направо!.. А вот тут можно угол срезать!.. Сейчас

можно ехать быстрее!

Никитин остановил автобус и сказал:

— Садитесь на мое место, я дальше не поеду. Что это такое! Вы на футболе главный, а здесь я за вас и за доставку команды отвечаю. Сейчас я главнее вас. Попрошу впредь во время движения никогда замечания водителю не делать!

Мы долго потом Василию никаких замечаний не делали.

* * *

Знаменитый и талантливейший спортивный комментатор Николай Николаевич Озеров в своих репортажах быстро и точно умел описать ситуацию, складывающуюся на поле. Он и в жизни за словом в карман не лез.

Озеров был человеком полным и поесть очень любил. Когда же в зарубежных поездках кто-нибудь из членов делегации с удивлением смотрел, как Николай Николаевич пользуется «шведским столом», наш комментатор неизменно отвечал:

— Это я на себя и еще на троих беру, на весь наш столик. Хочу поухаживать за ребятами.

* * *

Одну из решающих игр сезона махачкалинское «Анжи» играло в Каспийске. Полный стадион зрителей. И кто-то из болельщиков учредил приз — барана тому, кто забьет еще один гол. По радиотрансляции об этом объявили, когда счет был то ли один, то ли два — ноль в нашу пользу. И мы, представляете, эту игру выиграли со счетом 8:0. Команда получила восемь баранов. У нас целая отара появилась на базе. Такие вот национальные особенности игры в футбол. При этом трибуны каждый мяч в ворота соперников к концу матча приветствовали не криком «Гол!», а возгласом «Баран!»

* * *

Так получилось, что кисловодский «Асмарал» в качестве загородной базы использовал… бывшую дачу Брежнева. Условия были прекрасные — баня, бассейн, сама территория! Обедали мы за столом, где прежде едали члены Политбюро ЦК КПСС. В общем, для ребят такие условия явились хорошим стимулом к полной отдаче сил на тренировках. При этом футболисты не забывали благодарить за это не только руководство клуба, но и при каждом удобном случае, в шутку, «лично товарища Леонида Ильича Брежнева».

* * *

Во время поездки с «Псковом» в Финляндию мы стартовый товарищеский матч хозяевам проиграли. Это, кстати, было мое первое в жизни поражение от финнов — и как игрока, и как тренера. Но дело не в этом. С нами ездили два спонсора, большие любители футбола. После игры они горячо обсуждали опасные моменты, созданные, но нереализованные псковичами. Продолжили это обсуждение и на следующий день. И вот во время тренировки они подходят ко мне и спрашивают:

— А какой это мяч, Эдуард Васильевич? Это что, так в правилах записано?

Я ничего понять не могу, говорю:

— Да-да, так и записано.

Оказалось, что спонсоры столь горячо спорили, был ли один из ударов нашего форварда неберущимся, что президент клуба посоветовал им прекратить разбирательство, мол, Малофеев все про такой удар знает, и это даже не его мнение, а официальное. Александр Иванович Лилица имел в виду мою фразу: «Неберущимся считается любой удар, после которого мяч пересек линию ворот».

* * *

Сама конструкция спортивного зала, в котором мы тренировались в Финляндии, была странной и вполне соответствовала своему названию «Пузырь». Никто не мог понять,

как этот «пузырь» возводили строители. И вот президент «Пскова» сказал, что слышал, как переводчик объяснял Малофееву: «Каркасом зала является половинка дирижабля».

— Да, еще немецкого, он сам сюда прилетел, а потом его тут распилили, — с ходу ответил я, когда ко мне обратились за подтверждением этих слов. Лишь на следующий день все выяснили, что строился зал вполне современным способом.

* * *

Когда я возглавил сборную Белоруссии, то, находясь в Москве, пошел в «Лужники» посмотреть матч московских «Торпедо» и «Динамо», посмотреть на игру белорусов, выступающих в столичных клубах. В «Лужники» подъехали и псковичи, игравшие тогда в Москве два матча первенства. Встретились, разговариваем. А народ к стадиону подтягивается. Боковым зрением вижу, как один из болельщиков на меня, словно самолет на цель, сужая круги, заходит.

— Здравствуйте, Эдуард Васильевич!

— Здравствуйте.

— Дайте, пожалуйста, автограф.

— Пожалуйста.

— Эдуард Васильевич, а вы сможете с Белоруссией добиться победы над Украиной и Польшей?

— Да мы уже на президентском «Боинге» места на две тысячи второй год в Токио на чемпионат мира зарезервировали! В полете нас два истребителя сопровождать будут!

— Правда?!

— Вполне серьезно.

— А вот «Псков», он в первую лигу выйдет?

— Скажите, а вы за кого болеете?

— За «Торпедо».

— Послушайте, если уж московское «Торпедо» в высшей лиге играет, то «Псков» точно должен там быть!

— Спасибо за информацию, — ответил вконец растерявшийся болельщик и отошел.

* * *

С Леонидом Павловичем Гараем я работал и в Бресте, и в Минске. Он всегда был отличным начальником команды. Как-то с минским «Динамо» мы прилетели в Одессу. Это были времена, когда в стране с продуктами была «напряженка». Гарай, а забота о питании команды входила в круг его обязанностей, обратился к администратору местного «Черноморца»:

— Ну как у вас тут с мясом? Плохо?

— Нет, — ответил администратор, — С мясом у нас хорошо. Без мяса плохо.

В общем, счет стал 1:0 в пользу одессита. И хотя эта шутка являлась расхожей, главной была интонация, с которой администратор ответил Гараю. Это было сказано как с эстрады, простые слова превратились в «типичную одесскую шутку».

* * *

Как я уже говорил, во время футбольных матчей мне не удавалось усидеть на скамейке запасных. Я подбегал к бровке поля, давал советы игрокам. А Леонид Гарай был человеком внешне спокойным, рассудительным, позволял своим страстям кипеть лишь внутри. Уже когда я возглавил сборную, Леонид Павлович рассказал мне такую историю.

Оказывается, заместитель председателя Совета министров Белоруссии Владимир Мицкевич просил его обратить внимание на поведение главного тренера, повлиять на Малофеева, чтобы тот вел себя спокойнее, не допускал эмоциональных срывов. Но самое интересное произошло потом. Минчане проиграли матч с крупным счетом. Другой республиканский руководитель позвонил Гараю и сказал: «Видел я вас по телевизору на скамейке запасных крупным планом. Вот что я вам скажу. По Малофееву сразу было видно — человек работает, переживает. А вы сиднем сидите, потому и проигрываете!»

Сейчас мы с Леонидом Гараем — один эмоциональный, второй внешне спокойный — работаем вместе в сборной Белоруссии. Пути главного тренера и начальника команды снова пересеклись. Верю, что это обязательно пойдет на пользу общему делу по имени Футбол.

ГЛАВА 15
ОСОБЕННАЯ, НАПИСАННАЯ ДИНОЙ АНТОНОВНОЙ МАЛОФЕЕВОЙ

А началось все с катка. Наверное, нынешней молодежи и не понять, чем был в шестидесятые годы зимний каток в небольшом провинциальном городке. Скорее всего, тем самым, чем теперь в таком же городке является дискотека в центральном Доме культуры. Вся молодежная жизнь крутилась на этом катке и вокруг этого катка…

Как-то я с подружкой решила поехать на стадион «Авангард». В трамвай сел и Эдик. Он поздоровался, мы вместе доехали, вместе покатались. Нам, конечно, и до этого случалось встречаться — он ходил кататься в каких-то немыслимых, вытянутых на коленях шароварах и ободранной шапке. А тут, на «Авангарде», получилось так, что оставленную нами под скамейкой обувь — мы ведь экономили на плате за гардероб — успела прибрать бабуля, дежурная. Но Эдик уже в это время был в Коломне величиной, футбольной знаменитостью, он нашу обувь и спас.

Поехали домой. Эдик попросил разрешения меня проводить. Проводил. Прощаемся, спрашивает:

— Когда еще увидимся?

— А вот, — отвечаю, — я здесь живу. Пожалуйста, всегда буду рада видеть. Приходи.

Вообще я никогда не ходила на свидания. Все наши школьные кавалеры — мои и сестры — приходили к нам домой. У нас был стул — как в комнату войдешь, слева. Там все пересидели — и ее кавалеры, и мои. Вот так мы три года встречались. Я уже знала — играет «Спартак» в Москве, значит, на следующий день после игры Эдик обязательно придет.

Хотя он то ходил, то переставал, потом опять приходил. А когда я училась в 11-м классе, пригласил меня поехать к нему в Минск. И как родители меня отпустили?! Папа отпустил — Эдик очень нравился отцу, потому что скромный был такой, тихий. Даже поговорить, поддержать беседу толком не умел. Сядет на стул, молчит, двух слов связать не может, нервничает, пот с него так и течет. Но больно уж он папе нравился. В общем, отпустили меня. Мама, правда, спросила: «А что будешь делать, если замуж

позовет?»

Помню, я так смутилась — никогда об этом никаких разговоров не возникало.

Сначала мы остановились в Москве у бабушки Игоря Рёмина. Тут уж мне «попотеть» пришлось. Я совершенно не умела пользоваться за столом ножом и поэтому в течение двух недель не ела мяса, объясняя, что, мол, не хочу, не люблю. Эдик только спустя много лет сказал, что понял причину.

Прилетели мы в Минск, встретил нас начальник команды «Динамо». Меня поселили в гостинице, но футболисты вскоре уехали на игру, и я осталась одна. Эдик и в Минске стал к тому времени человеком известным, поэтому можно понять интерес администраторши гостиницы, попытавшейся вызвать меня на откровенный разговор — кто я, откуда, зачем приехала?

«Замуж собираюсь выйти», — ответила.

Вскоре «Динамо» вернулось в Минск, а перед очередной игрой заехало на сборы в Стайки, и Эдик взял меня с собой. Я жила в домике администратора базы. Все свободное от тренировок время мы проводили вместе. Оказалось, что Эдик совершенно другой. Не коломенский молчун, а веселый и жизнерадостный человек, всегда готовый в компании сыпать шутками-прибаутками, петь песни. От такой перемены на меня прямо-таки наваждение какое-то нашло. Все так закрутилось, закрутилось… И через неделю мы отправились в загс.

Нас не хотели расписывать, ведь мне только-только исполнилось 18 лет, нужно было разрешение родителей, да к тому же после подачи заявления положено было ждать до регистрации три месяца. И тут я, что называется, залепила: «Бели сейчас не распишите, он уедет, и я его потом никогда не поймаю!»

Думала, на смех поднимут, а нас на третий день расписали. Но так быстро все решилось, конечно, не из-за моих слов, а потому что уже тогда Эдик был в Минске всеобщим любимцем. Однако свадьбы как таковой у нас не было. Мы пошли к Игорю Рёмину домой, кофе попили с тортом, а вечером вернулись в гостиницу — вот и вся свадьба. Так Эдик решил, а то, говорит, у многих свадьбы очень пышные бывают, а жизнь потом не складывается, так пусть лучше у нас свадьбы не будет, чтобы потом все было хорошо.

Главный тренер «Динамо» Сан Саныч Севидов относился к Эдику благосклонно и разрешал многое из того, что не позволял другим футболистам. Он был не против нашей свадьбы, хотя сезон находился в разгаре. В июле команда уезжала из Минска, предстояли игры на выезде. И Севидов разрешил Эдику взять

меня в Ленинград, хотя больше никто жен с собой на игры не возил. В Ленинграде Эдик повел меня в какой-то огромный универмаг и купил… сразу пять пар туфель. Боже, какая счастливая я была! Замуж-то выходила с гардеробом, в котором были старые туфли, юбка и кофта. А тут пять пар туфель, и все разного цвета! Правда, и в Коломне мы или не бедно, отец у меня был военный, офицер. Но шиковать он нам с сестрой не давал. Эдик же к нам приходил такой расфуфыренный, с кошельком, полным денег! Ведет меня в кино и покупает молочные ириски, а я думаю: «Хоть бы чего поприличнее купил!» Замучил меня ирисками! Оказывается, это были его любимые конфеты, а я их уже видеть не могла.

А потом мы собрались съездить в Коломну. Я своим родителям послала телеграмму, что вышла замуж, Эдик своим — что женился. Его мама в обморок упала, моя… даже не знаю. Пока мы собирались, родители без нас перезнакомились, устроили нам встречу, накрыли стол, я надела свадебное платье моей сестры — так и отпраздновали начало нашей семейной жизни, которая продолжается уже почти сорок лет.

Первое время мне было нелегко к. ней привыкнуть, потому что Эдик играл и за клуб, и за сборную — мы не так уж часто и виделись. Какая-то телефонная жизнь была. Я в квартире всюду за собой телефон таскала в ожидании звонка. Даже календарики вела, в которых дни без него вычеркивала — так незачеркнутых дней девять-десять в месяце оставалось, а самым тяжелым было весеннее время, когда команда уезжала на южные сборы.

Осенью я поступила в политехнический институт. Я и в школе хорошо училась, и институт потом закончила без троек, но при поступлении, наверное, все-таки моя новая фамилия помогла, хотя я долго вздрагивала, когда говорили «Малофеева!» Нет, Эдик никуда не ходил и ни о чем никого не просил, это я точно знаю, но все-таки…

А быт? Когда мы поженились, у него была квартира, но, будучи холостым, он отдал ее Виктору Коновалову, товарищу по команде. Теперь, естественно, попросил освободить. Поначалу из мебели у нас была только полуразвалившаяся кровать, которую нам дал Миша Мустыгин. Когда наши мамы в Минск приехали, то подушки и одеяла с собой привезли. Но тогда я от этого не страдала; мы с Эдиком были вместе, а остальное меня не волновало.

Это уже когда я Леной беременная была, моя мама стала Эдика буквально долбить насчет квартиры. А ему словно для себя никогда ничего не надо было, вот если пойти руководство за кого-нибудь из команды попросить, это пожалуйста. В итоге Сан

Саныч Севидов поменялся с нами квартирами — отдал нам свою двухкомнатную (он как раз этажом ниже жил), а сам перебрался в нашу. Тут уж мы спальный гарнитур купили, стали потихонечку обживаться.

Пока мы Леночку ждали, Эдик несколько месяцев был в отъезде, сборная в Мексике играла и еще где-то за границей. Приехал он, пришел ко мне в институт, заглянул в аудиторию. До сих пор помню, что у нас занятия по самому противному предмету были, черчению. Я вышла к нему в коридор с огромным животом — Эдик был так растерян, что не знал с какой стороны ко мне подойти, а выражение лица… нет, нужных слов, чтобы передать ту гамму чувств, которая отразилась на нем, я найти не могу.

И дочка наша первая родилась, когда команда была в турне. Эдик позвонил из аэропорта:

— Все, возвращаемся, вылетаю, рейс такой-то!

А я ему:

— Эдичка, у нас девочка!

— Не может быть, — закричал он в трубку. — Ведь еще рано!

Тут моя мама Леночку к трубке поднесла, она ему первое «мя!» и сказала.

В это время и у Виктора Аничкина родилась девочка, так они вместе прямо в Аэропорту это радостное для обоих событие и отпраздновали.

Приехал Эдик домой, глянул на дочку, а потом улегся на кровать и, наверное, часа два лежал, смотрел в потолок — такой у него шок был. Лена ведь малюсенькая родилась, крошечная, а Эдик-то богатырем на свет появился. Вот, скорее всего, он свои пять кило с ее двумя килограммами семиста граммами и сравнивал. Но ничего, к году она всех своих сверстниц переросла — двенадцать килограммов!

А после английского чемпионата мира мы в трехкомнатную квартиру перебрались, ее нам лично Машеров выделил. Там у нас тоже сперва обстановка очень скромная была — один ковер лежал. Пока Эдик на сборы и международные матчи ездил, мы там с девочками из институтской группы не раз собирались, готовились вместе к экзаменам, а заодно и праздновали их сдачу. Когда я закончила институт, Леночке было уже три года.

Потом у нас Анютка родилась. Эдик вообще-то не хотел вторую девочку. Я когда забеременела, он все говорил: «У нас никого не будет!» Я отвечаю: «Буду рожать, хоть выгоняй!» А он за свое: «Я знаю, будет девчонка, а девчонка нам не нужна!» Вот так общались, а точнее, на эту тему месяцев шесть вообще не говорили. Лишь потихонечку он с мыслью о втором ребенке

свыкся. Но действительно родилась девочка, и опять его не было дома — как он возвращался в такси с вором-рецидивистом, Эдик уже рассказывал. А там и Катюша появилась, самая маленькая, теперь его любимица.

Такая жизнь была… Были, конечно, ссоры, и ссорились мы очень сильно, и страсти бушевали…

Эдик, безусловно, был звездой, по всем статьям. А значит, поклонницы надоедали письмами и звонками. Потом как-то все улеглось. Но я уже институт закончила, а все приходилось сталкиваться с пересудами по поводу нашего семейного положения. Как-то на работе моя коллега рассказала, что ее дочка принесла в дом такое известие: Малофеев с женщиной живет не расписанный, дети незаконнорожденные, и то да се. Так что страсти женские вокруг него долго не утихали.

Но мы оба ревнивыми оказались, поэтому «жарких бесед» хватало. Хотя, с другой стороны, мы все время вместе были, Эдик никуда без меня не ходил. И я ни один футбольный матч не пропустила, хотя сперва футболом не увлекалась. А теперь, за столько лет, мне кажется, что я уже стала что-то соображать в этой игре. Во всяком случае, недавно коллега Эдика мне сказал, что у меня вовсе не «кухарское» мнение о футболе, а аргументированное и терминологически выверенное, вот так. Если же говорить об эмоциях, то у меня на футболе душа поет, особенно когда вижу яркую зеленую поляну. А если она еще и пострижена хорошо!..

Я не могу усидеть дома, когда играет команда моего мужа. Правда, первое время очень нервничала, переживала, мне даже плохо делалось, а вот дома усидеть все равно не могла. И на тренировки, когда Эдик в детской футбольной школе работал, всегда ходила. Он ведь был директором, а поэтому отсматривал не только свою команду, но и все остальные. Мы тоже с Леночкой и Анюткой «отсматривали» — игры-то в основном в выходные дни. Брала я с собой детей, три термоса и шла на стадион. Так девочки около футбольного поля и выросли.

А как в Бресте все начиналось! Вроде бы величина, знаменитость, а не заладились отношения с руководством клуба. Звонит мне как-то Эдик ночью в Минск — не встретили, гостиницы нет, ночует на вокзале. И голос дрожит. Я на следующий день с работы уволилась, поехала к нему. Первое время жили в какой-то захудалой гостинице. Ему психологически там было очень тяжело — я и про команду говорю, и про бытовые условия. На сборы приехали, так на базе ни кроватей, ни матрасов, брали в соседнем санатории. На первую игру я не поехала: женщина в автобусе — к беде, примета такая. Но и без

меня они проиграли. Тяжелый у него тогда разговор с начальством случился, очень тяжелый. Потом пошли одни победы.

Чтобы не было недоразумений с судейством, Эдик с собой все время кинокамеру возил — она была без пленки и, честно говоря, вообще не работала, но он с камерой для устрашения судей весь матч вокруг поля бегал и делал вид, что снимает.

Я с командой где только не побывала! Всю Прибалтику объездила, до Мурманска добралась. Детей мы отправили к маме в Коломну, а сами жили на небольшую зарплату в гостинице.

А в середине первого круга за Эдиком ребята из минского «Динамо» приехали… В общем, мы снова в Минск отправились. Причем только-только в Бресте квартиру получили и порядок в ней навести успели. Я вернулась работать на кафедру в технологический техникум, преподавала механику, сопромат, детали машин.

Конечно, все свои переживания, волнения, связанные с минским «Динамо», Эдик приносил домой. Возможно, рассказы о них, о принятии того или иного решения, помогали ему утвердиться в собственной правоте — я всегда была лишь «слушателем проблем», но никогда и не пыталась стать советчиком в футбольных делах. Мне кажется, я понимаю, почему Эдик отказывался работать вторым тренером, начальником команды — он сам должен был принимать решения и отвечать за них, такой уж у него характер.

Что же касается дома, то за время поездок он вообще отвыкал от него. В наших отношениях появлялась какая-то настороженность. Но я не обижалась, понимая, что это от застенчивости и чувства ревности. Вот приедет Эдик, встанет у окна и стоит. Пока его расшевелишь, пока хоть какой-то контакт найдешь…

Если говорить о праздниках, они, конечно, были. После игр обязательно собирались. Сложился у нас постоянный круг участников таких празднований: мы, Савостиковы, Васильевы, Кузнецовы, Янковские. Собирались именно по кругу — сначала у нас, потом у Савостиковых, затем у Васильевых… На следующий день после веселых посиделок — в Стайки, в баню. Поехали как-то на машинах в Прибалтику. Ленка наша маленькая еще была, так мы ее на заднее сиденье положили, на подушку. Едем — мы и Женя Толейко со своими двоими. Пеленки сушили прямо в пути, прижав их стеклами на дверцах. Наверное, наши машины со стороны эффектно смотрелись! Приехали вечером в Палангу — ну как же, идем в ресторан! С нами ездила и Женина мама, так мы всех детей с ней оставили. Возвращаемся, а там, боже, что

творится! Наша дочь, видно, так орала, что ее тошнить начало, всю машину нам перепачкала. Ездили мы отдыхать и на Брославские озера, на Нарочь. В лесу три машины кругом ставим, фары включаем, костер разводим, шашлыки жарим.

В Минске вся команда была на удивление дружная. Нигде потом я такой дружбы и футболистов, и «женского состава» не встречала! А в женском коллективе «Динамо» большую роль играла Лидия Дмитриевна, жена Севидова. Она возле себя как-то умудрялась всех нас собирать. Я когда к ним попала — все женщины вязали — спицы стала осваивать. Конечно, мы вместе ходили на футбол. Я сейчас смотрю: женщины мало ходят на футбол, когда их мужья играют. Удивляюсь — как можно не жить интересами мужа, ведь для мужчин это их работа. На матчах я часто, несмотря на запреты Эдика, ругалась с болельщиками. А что оставалось, если они такую ерунду несли о ребятах, об их жизни вне команды?! У нас все крутилось — от игры к игре. Проиграли — значит, неделя траура, выиграли — тогда праздник.

Что же касается моей работы в техникуме, в преподавательском коллективе я была явно не «советским» человеком. Потому что ни в каких мероприятиях не участвовала — звонок прозвенел, хватаю сумку и бегу домой, не дай Бог задержаться! Я даже «на картошку» только единственный раз ездила, когда «по семейным обстоятельствам» отказаться было нельзя. Так я на эту «картошку», как другие в Крым, поехала — в неизведанную романтическую даль.

Отдыхали мы после футбольного сезона в Кисловодске, каждый год в санатории «Эльбрус» МВД СССР. Кроме всего прочего, это место приглянулось нам тем, что туда не ездили футболисты. Эдик к концу сезона уставал от профессионального общения, а по окончании чемпионата вдобавок начинались всевозможные банкеты — один за другим, вспомнить страшно… В общем, муж получал путевку, мы ее делили пополам и ехали на двенадцать дней. Нам там очень нравилось. Поэтому и время работы Эдика в Кисловодском «Асмарале» я вспоминаю как сказку. А вот за границу я впервые поехала на свадьбу дочери, когда Анютка замуж за поляка выходила. И раньше хотелось съездить, но когда я заводила разговор на эту тему, побывавший, наверное, на всех континентах Эдик говорил: «Чего там смотреть? Нечего там смотреть! То же самое, что и здесь!» Я побурчу, мол, та поехала, эта поехала. Побурчу и успокоюсь. А он мне: «Погоди, мы с тобой еще в Швейцарии, в Женеве побываем». Я все жду, жду — чувствую, дальше пригородного Вачманова так и не уедем.

Только с «Анжи» несколько раз на сборах попадала в Турцию и Эмираты. Спасибо Султану, президенту клуба. Да и в самой

Махачкале нам с дочкой хорошо жилось, вся база «Нефтяник» была в нашем распоряжении — солнце, море, фрукты. Только вот Эдик никак не мог привыкнуть к своеобразному кавказскому быту, хотя отношение к нему со сторону руководителей клуба было замечательное.

Честно говоря, когда Эдик ушел из минского «Динамо» в московское и сборную, мы москвичами становиться не хотели. Даже была мысль не оставлять старую квартиру, а получить в столице служебную. Но в Минске, очевидно, решили, что Малофеев клубу уже не нужен, звонили из домоуправления: «Когда сдадите квартиру?!» Эдику было проще, он ведь все время был с командой: на сборах, в поездках. А я к Москве лет пять не могла привыкнуть. Сейчас уже привыкла, но все-таки в маленьком городке, таком как Псков, я лучше себя чувствую. Но понимаю: в провинции мужу не хватает размаха, он чувствует, что может сделать больше, а местные условия этого не позволяют. Психологически это для него тяжело. Я же что, я всю жизнь работаю громоотводом.

Но я ни разу не пожалела, что вышла замуж за Эдика. А то, что порой на свидание с супругом случалось из Минска в Москву на день самолетом летать, так многие, думаю, только позавидуют такой романтичной любви. И еще — в семье, мне кажется, всегда один другому уступать в чем-то должен, особенно если один из супругов человек талантливый. А потом, у нас есть дети. и. дай Бог. чтобы у них в жизни все хорошо сложилось. Наверное, сейчас к семейной жизни у многих россиян отношение такое европейско-деловое — оба супруга работают, реализуют свой потенциал в деле, в бизнесе. Семья же становится при этом чем-то второстепенным. Может, это и правильно, а может… Не знаю. Но это не для нас с Эдиком.

ВЕНОК ФУТБОЛЬНЫХ НЕСОНЕТОВ

Итак, вы прочитали книгу, которую я написал. Не знаю, изменила ли она что-либо в вас, но перемены в себе я заметил. Из тренера я вновь стал футболистом.

Теперь вам предстоит (вновь!) оценить мою «игру». Я же, помня уроки футбольной молодости, никогда не осмелюсь спорить с тренером, точнее — с тренерами. то есть читателями той книги. Мне только остается поблагодарить вас за то. что вы познакомились с моим «венком футбольных несонетов», пятнадцатью главами истории моей жизни, связующими элементами которых стали не размер или рифма, а самая популярная в мире игра.

Я сам, создавая книгу, вновь прошел по своей жизни дорогой воспоминаний. Оценивая пройденный путь и глядя в будущее, я снова и снова сравниваю себя с путником, несущим вязанку хвороста. Чем больше этот путник возьмет хвороста, тем дольше будет гореть костер, который он разожжет. Но если ноша окажется непосильной, путник рассыплет хворост. Наверное, я не всегда правильно рассчитывал свои силы — и, рассыпая хворост, вынужден был останавливаться, подбирая оброненное на землю. Что ж, пусть это станет уроком для молодежи. Нет, я не заставляю никого идти «дорогой Малофеева», но пусть отправляющиеся в путь на моем примере больше узнают о дорогах, которые их ожидают.

Говорю это не как учитель, а как друг. И обязательно хочу добавить один совет. Не надо копить злобу на то, что вам встретится в дороге. Злоба никогда никому не была помощником в преодолении препятствий. Злоба и хорошая спортивная злость — разные вещи. Вот о чем я хотел сказать в этой книге.

Может, кто-то ждал от меня каких-то разоблачений, невероятных историй из жизни известных людей. Я позволил себе сказать только то, что сказал. Возможно, о чем-то забыв, но уж точно не говоря о том, о чем никогда не хотел бы вспоминать. И как форвард, действующий на острие атаки, рискует играть на грани положения вне игры, так и я в книге порой приближался к линии офсайда. Но мне кажется, ни один «боковой судья» не

осмелится, прочитав эту книгу, поднять флажок.

Для меня всегда была главной концентрация центра и цели — футбола и победы в игре. То есть в точке пересечения моих жизненных устремлений всегда находился прямоугольник размером 100 на 70 метров. Все, что происходило в моей жизни, было так или иначе связано с этой площадкой зеленого цвета. А все, что происходило вокруг, было второстепенным. Футбол — он как космос. Глядя в ночное небо, мы думаем, что главные на нем — звезды. Когда же люди пытаются хотя бы чуть-чуть приблизиться к ним, то узнают, например от вернувшихся на Землю космонавтов, что в снах на орбите к ним приходят шум дождя и трава у дома. Так и для футболистов цвет надежды оказывается не звездно-золотым, а зеленым.

Да, страсти кипят не только на зеленом поле, но и вокруг него. И я критиковал, и меня критиковали в футбольном закулисье. Но не следует забывать, что обилие критических замечаний свидетельствует не о плохом состоянии «объекта», а как раз об обратном. Чем больше открытой критики, тем лучше идут дела.

А эта книга пусть станет приглашением к разговору, который читатель поведет сам с собой. О футболе. Ведь главное, что не изменилось в нем более чем за сто лет жизни, — это необходимость побеждать честным путем. Мы первоначально радуемся любой победе своей команды. Но оценивать эту победу нам предстоит в будущем. Мы всегда будем отдавать предпочтение победе искренней и честной. В искренности заключено мужество. Я всегда был предан искреннему футболу. Постарался быть искренним и в этой книге.

Псков — Москва — Минск
1999-2000